

О ЛЮБВИ ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ

ДАРЬЯ **ВОЛКОВА**
НАТАЛЬЯ **ЛИТТЕРА**

Дульсинея и Мобальцев,

или

17

правил автостона

{ от автора, покорившего Рунет
своей ироничной прозой }

О любви простыми словами

Дарья Волкова

**Дульсинея и Тобольцев,
или 17 правил автостопа**

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Волкова Д.

Дульсинея и Тобольцев, или 17 правил автостопа / Д. Волкова —
«У Никитских ворот», 2018 — (О любви простыми словами)

ISBN 978-5-00095-449-2

История, которая начинается с пробитого на трассе колеса, а продолжается совместной дорогой и ложью. Потом в нее впутываются случайности, обстоятельства, неугомонные друзья и родственники. Чем может закончиться такая история? Любовью? Вообще-то, с нее она и начинается. История о том, как однажды встретились царица и Дон Кихот – Дульсинея и Тобольцев.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00095-449-2

© Волкова Д., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	46
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дарья Волкова, Наталья Литтера
Дульсинея и Тобольцев,
или 17 правил автостопа
Роман

© Волкова Д., Литтера Н., текст, 2018

© Литтера Н., иллюстрации, 2018

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2018

Глава 1

Первое ЕГО правило: «Никогда не садись в красную „ауди“».

Прекрасна весна в средней полосе, друзья мои. И не только энцефалитными клещами. Однако чтобы оценить во всей красоте теплый воздух, напоенный ароматами сырой земли, свежей листвы и вообще – всего молодого, распускающегося, стремящегося к новой жизни и свету, – следует оказаться в лесу той самой средней полосы. А для этого надо нарваться на дальнобойщика-гея. Задача, на первый взгляд кажущаяся непосильной. Но фотограф Иван Тобольцев с ней справился.

Отойдя примерно метров на пятьдесят от трассы в гостеприимные объятья негустого березняка – надо же дать клещам шанс проявить себя! – Иван справлял малую нужду под птичий щебет. Приятно, черт побери. Заодно Иван размышлял о жизненных парадоксах. Вот он – человек вполне себе творческой и даже немного гламурной профессии, хотя сам Тобольцев это слово не любил. Но ориентацию имеет самую что ни на есть традиционную, хотя геи в числе знакомых и коллег по цеху водятся с избытком. Но в среде творческих людей это как-то ожидаемо. Исторически так сложилось, что ли. А вот чтобы суровый и brutальный на вид дальнобойщик со здоровенным бицепсом и пузом тоже оказался из нетрадиционных... Куда катится этот мир? Ладно, когда гей держит в руках телевик. Но когда он за рулем многотонного MANa...

И тут стройный ход мыслей Ивана и пасторальный птичий щебет нарушили. Сначала визг шин резко притормозившей машины. Звук был такой громкий, что казалось, машина находится прямо за спиной. Такого не могло быть в принципе, но Иван рефлексивно прикрыл пах. Он был воспитанный мальчик и не мог позволить застать себя с расстегнутыми штанами. Поэтому стал торопливо дергать замок, чуть не прищемил ценное, включая указательный палец, который для фотографа – кормилец и отец родной. В это же время на смену визгу шин пришел взволнованный женский голос. «Людно что-то в лесу, – подумалось Ивану. – Даже помочиться спокойно не дают». Поправив лямки рюкзака, Тобольцев двинулся обратным маршрутом в сторону трассы. Надо же посмотреть, кто там голосит. Вдруг насилуют? Вдруг помочь надо?

Она была прекрасна. Божественные округлые линии. Сдержанность и элегантность в каждой черточке. И при этом – дерзкий характер и взрывной темперамент. Идеальная. Восхитительно идеальная красная Audi TT. Курицу, которая беспомощно прыгала вокруг алой красавицы по гравию обочины и что-то вопила в телефон, Иван с ходу и практически не глядя определил в категорию «насосала». А сам медленно пошел в обход машины. Со всех ракурсов хороша красотка. При виде колеса, севшего на обод, Тобольцев поморщился. Ну как же так неаккуратно...

Наступившая тишина оповестила о том, что мисс «Насосала на „ауди“» завершила телефонные переговоры. И теперь смотрела на Тобольцева с таким видом, будто он лично проколол покрышку у машины. Иван улыбнулся как мог дружелюбнее и решил начать беседу вежливо:

– Добрый день. Помощь требуется?

Она медленно сняла солнцезащитные очки. Под очками обнаружились крайне выразительные глазки. Вторые «глазки» тоже ничего, кстати. Аккуратные. И ноги вполне приличные. Все это Иван отметил практически на автопилоте, наметанным глазом. Вообще, такая привлекательная внешность хозяйки машины неудивительна – за просто так «ауди» не доста-

ются. Девушка смотрела на Тобольцева подозрительно. Видимо, выходящие из леса небритые мужики с рюкзаками за плечами не внушали ей никакого доверия.

– А я тут это... – Иван махнул в сторону березняка. – Грибы собирал.

– И как в мае с грибами?

Это он прокололся. И с грибами. И с тем, что недооценил количество мозгов в хорошенькой темноволосой голове. Наморщил лоб, вспоминая уроки биологии в школе. Вообще ему о грибах много Александр Борисович рассказывал – тот был заядлый грибник. Но Ивану тогда было интереснее про бриар, чем про грибы. Да и в лес его мать ни разу с соседом с первого этажа так и не отпустила.

– Знаете, чага отличная! А как в мае с колесами на «ауди»? – культурно продолжил разговор Тобольцев.

– Примерно как с грибами, – фыркнула хозяйка означенного средства передвижения. – Ни одного автосервиса поблизости. Как и чаги.

Вот можно подумать, она знает, что такое чага!

– Чага есть! – возмутился Тобольцев. Не могло ее не быть – хотя не разглядывал специально. – И автосервис есть. По крайней мере, совсем рядом есть тот, кто может помочь. Вы только осмотритесь внимательнее по сторонам.

Девушка на «ауди» молчала и задумчиво изучала предмет в своей руке. Иван уже решил для стимуляции мыслительного процесса ткнуть себя пальцем в грудь. Вот же он – тот, кто сумеет помочь сменить колесо беспомощной дамочке на пустынной дороге. Рыцарь без страха и упрека. Не сможет Иван Тобольцев бросить женщину в трудной ситуации – так уж его воспитали. Собственно, на воспитание Ванечки его ненаглядная маменька положила всю свою жизнь – о чем Ивану бесчисленное количество раз сообщали как о новом факте.

– Совершенно бесполезная вещь! – девушка раздраженно махнул рукой. Предмет в ее руке удалось рассмотреть подробнее, и он оказался карточкой автоклуба. Ну да, ну да, как же без этого. – Предполагалось, что если позвонить по указанному телефону, то, где бы я ни была, приедет бригада из автосервиса и поможет. А тут связи мобильной почти нет. Так что... – она перевела взгляд на Ивана и вдруг неожиданно спросила: – Сколько?

Два плюс два в его голове сложились мгновенно. Угу. Она хочет предложить ему денег. Но в данный момент Ивану от этой чаровницы на красной «ауди» нужно было совсем другое.

– Гусары денег не берут! – звякнул Тобольцев не существующими на его потрепанных кроссовках шпорами. – Но если вы меня подвезете – я, знаете ли, путешествую... автостопом... с удовольствием поменяю колесо на вашей великолепной колеснице, сударыня.

Она удивленно посмотрела на Ивана. Ну а что такого он сказал?

– А по лесу вы на чем... эээ... автостомили? Медведи уже проснулись?

До Тобольцева не сразу дошло, что над ним пошутили. Медведи? Сейчас будут тебе медведи, куколка!

– ДА-А-А! – страшно округлив глаза, ответил Тобольцев. – Поэтому в наших интересах убраться отсюда как можно быстрее. А вдруг выйдет? А тут мы – такие вкусные. А тут он – такой голодный.

Кажется, ему удалось произвести своим напором впечатление. Мисс Красная «ауди» молчала.

– Ну? – Иван скинул с плеч рюкзак и двинулся к багажнику. – Где у нас запаска?

Хозяйка авто от его настойчивости явно слегка опешила.

– Т-т-там, – ткнула она карточкой автоклуба в сторону машины. – И насос, и домкрат. Но вообще я не знаю точно, что еще требуется для смены колеса.

«Кто бы сомневался!» – успел подумать Иван, открывая багажник, как вдруг ему в спину прилетело энергичное:

– Я могу помочь!

Тобольцев медленно обернулся. Оглядел ее внимательно еще раз – от стильной прически из темных волос до красных лодочек на ногах. Между прической и туфлями была аккуратная фигурка, запакованная в мышино-серое платье с пышной юбкой. Какое-то школьное почти. Наверное, папик-спонсор любит ролевые игры в строгого учителя и провинившуюся ученицу. Да уж, помощник из серии «мечта любого автосервиса». Автомеханик года.

Вообще от помощи Тобольцев бы не отказался – от квалифицированной помощи. Потому как большого опыта смены покрышек у него не было. На таких понтовых тачках – точно. Но не сознаваться же в этом теперь.

Он пять раз помянул тихим злым словом немецкий автопром вообще и концерн «Ауди» в частности, пока смог выколупать из багажника запаску. Даже вспотел. Жарко для мая, однако.

– А где инструменты? – потому что домкрат и насос в багажнике обнаружили, да. А вот набора ключей не наблюдалось.

– Инструменты?

На хорошеньком лице отразился нешуточной силы мыслительный процесс, результатом которого стал ряд неожиданных действий. Она открыла дверь и залезла внутрь салона. Наполовину. Наружу торчала нижняя часть девушки. Тонкая ткань расклешенной юбки облекала отличные круглые формы нижних девяноста, задорно торчали каблук красных туфель. Тобольцев мученически вздохнул. Женщины! Вечно они так делают. Вызываются помочь. А вместо этого только отвлекают.

Наконец тыл сменился лицом. Иван облегченно выдохнул. А потом закатил глаза.

– У меня только вот это.

В руках у девушки был маленький красный пластмассовый чемоданчик. Конечно, красный, какой же еще!

«Господи, пусть это будет не аптечка!» – у Тобольцев достало ума не сказать это вслух. Но молитва была услышана. Это все-таки оказался набор инструментов – и с нужными ключами. Хотя... это же немцы. У них все ко всему всегда подходит – то, что должно подходить.

Задомкратить получилось легко – отличный электрический домкрат, ничего качать ногой не пришлось. А вот крепежные болты взбунтовались. Надежно затянули их на буржуйском заводе или на нашем отечественном автосервисе. Рукой баллонник не поворачивался. Значит, придется ногой. Но одной никак не получалось.

Иван уперся ладонью в машину, а другой рукой взял девушку за плечо – для устойчивости. Собиралась помогать – помогай. Нечего тут стоять просто так и отвлекать.

– Спокойствие, только спокойствие... – хмыкнул Тобольцев и встал обеими ногами на ключ.

Ключ решил проявить послушание и провернулся. А сам Иван, потеряв равновесие, завалился на красный идеальный бок «ауди». Прижав ее хозяйку к двери.

«Только бы с домкрата не слетела... – промелькнула мысль. – Обе бы не слетели».

Сначала дамочка замерла и даже не дышала, кажется. Иван тоже какого-то черта не двигался. Залип. А она приятная. Мягкая. И даже... «Приятная» под ним пошевелилась.

– Я, конечно, не очень разбираюсь в процессе смены колес, но, кажется, вы меня пердержали.

Колесо, Тобольцев! Ты меняешь колесо!

В общем, хорошо, что все устояли. И машина устояла на домкрате, да и девица отреагировала нормально. А могла бы по морде лица дать. Иван разжал руки и отступил назад. Инцидент можно считать исчерпанным. Или нет?

– Извините, – кашлянул. – Давно не практиковался в смене колес – переусердствовал... немного.

Остальные болты пошли легче. Колесо снялось тоже довольно легко. А вот запаска заупрячилась. Пришлось все-таки лечь, чтобы посмотреть, что там мешает и что Иван делает не так.

Ага. Сообразил.

– Э-э-э... – Как ее позвать-то? – Девушка... Подержите здесь, пожалуйста.

Красные лодочки снова приблизились. «Э-э-э... девушка» присела на корточки рядом, взялась за колесо и заглянула под машину.

– Как держать? Вот так?

Видимо, выполнять просьбу ей было не очень легко, потому что говорила она с некоторым трудом. Нет, вот не зря бабушка Ивана, дражайшая Антонина Марковна, говорила: «Хуже дурака может быть только дурак с инициативой».

– Держать лучше сверху. Встаньте и держите на вытянутых руках. А так вы мне мешаете.

– Поняла, – она поднялась на ноги, не выпуская колеса, покачнувшись, едва не упала, но все же устояла на месте. – Только вы побыстрее, пожалуйста.

Да уж, с такими помощниками не расслабишься. Тут надо все быстро делать. Иван повернул голову, чтобы посмотреть место крепления. И вместо этого зацепился взглядом за красную туфлю. Потому скользнул глазами вверх.

– Ух ты, чулки!

Черт. Он сказал это вслух. И сейчас на него точно уронят колесо. А может быть, и всю машину.

Колесо даже не дрогнуло.

– Тяжело быть автостопщиком, видимо, – раздался сверху ровный голос. – Особенно если на медведях. Судя по всему, когда вы вышли на трассу, то стали почти дембелем. Сколько времени не видели девушку в чулках?

Ивану срочно захотелось удариться головой пару раз о пластиковую защиту колесной арки. Он идиот. И с чулками идиот. И вообще – идиот. А у курицы на «ауди» острый язык и, как минимум, толика мозгов. И зачем вот ей все это?

А вообще чего он хотел? Смутить фразой о чулках девушку, заработавшую на благополучную жизнь древним, как мир, способом?

Но все же... Про «сколько времени не видели» – это она не в бровь, а в глаз. Тут Тобольцеву вспомнились проститутки, которых Иван угощал пивом в придорожной кафешке два дня назад. Он сделал на трассе целую серию отличных кадров – без лиц, он девчонкам обещал. Еще не знал, что именно из этих снимков выйдет, но что-то выйдет – точно. А потом вместе пили пиво, они что-то рассказывали, он тоже что-то рассказывал. Придорожные Афродиты смеялись, а после предложили свои услуги – исключительно из человеческой симпатии. «Классный ты парень, Ваня», – сказали они. А он отказался. Откровенно говоря, побрезговал. Может быть, и зря.

Иван двинул руками. Запаска встала на место как влитая.

А потом он молча орудовал баллонником. Молча – потому что достойного ответа не придумал. А недостойный – так Ивана могут и не посадить в машину, если будет нарываться.

Наконец все болты заняли свои места. Тобольцев выпрямился.

– Меня, кстати, Иваном зовут, – буркнул он, вытирая о плечо вспотевший висок, а о толстовку – ладони.

– А меня – Евдокия, – она пристально разглядывала его грязные руки. – Держите мыло, сейчас полью вам из бутылки воду.

За это «полю» он был ей готов простить даже фразу про медведей и дембель. Но имя... Евдокия? Бедная девочка. Интересно, для своего папика она тоже Евдокия или какой-то псевдоним себе выбрала поблагозвучнее? Адель какая-нибудь или Марианна.

Спрашивать не будет. Но от легкого троллинга не удержался.

– Евдокия? Царское имя. К нему бы еще фамилию Лопухина и отчество... – Иван наморщился, вспоминая. Маменька живо интересовалась русской историей, и сейчас это оказалось кстати. – Федоровна.

Закатал рукава и подставил руки лодочкой.

– Романовна, – поправила невозмутимо девушка, откручивая крышку у бутылки. – Спасибо за помощь.

Умылся Иван тщательно и с удовольствием, израсходовав всю воду в бутылке. Все-таки чистоплотность в него вбили в детстве неискоренимо. Правда, борода теперь мокрая.

Забрав мыло и пустую бутылку, девушка снова нырнула в машину, а потом вылезла оттуда с маленьким полотенцем. Степень обстоятельности Ивана поразила. Шут с ней, что колеса поменять не может. Но в машине и вода, и мыло, и полотенце. Может, и пожрать найдется? Умылся и человеком себя почувствовал. Голодным человеком.

– Держите. Я жду вас в машине. И не забудьте свой рюкзак. Возвращаться за ним не буду.

– Нет, возвращаться не будем, – это Иван сказал ей уже в спину – девушка садилась в «ауди». Вытер руки и закинул рюкзак на плечо. – Мне местные кусты порядком осточертели.

У двери Тобольцев демонстративно отряхнул свою одежду со всевозможным тщанием – перед тем как устроиться на переднем пассажирском.

– Ваш холоп сел... – Мягко щелкнул замок. – И даже пристегнулся. Готов восхититься мягким ходом этой прекрасной золоченой кареты, дражайшая Евдокия Романовна.

Ну не выкинет же она его из машины за невинные и наверняка ей не совсем понятные шутки. И она совсем не обязана знать, что Евдокия Лопухина, первая супруга Петра Великого, была все же Федоровной.

* * *

Осчастливленная новой туфелькой, то бишь – колесом, Коко рванула с места, и за окошком весело замелькали придорожные полосы леса. И все было бы хорошо, если бы не подозрительный тип рядом. Очень хотелось отправить его на заднее сиденье, но откуда-то взялась полная уверенность, что не получится, поэтому Дуняша постаралась незаметно переместить сумочку поближе к себе – подальше от него.

Если человек помог сменить у машины колесо – это вовсе не означает, что он не маньяк и не вор. Зато означает, какая она дура. Причем полная. Посадить к себе в салон совсем незнакомаго мужчину! Небритого, с фенечками на руках и в вязанной крючком шапке на голове! Бродягу! Этого, как его... хиппи, вот!

А с другой стороны, что она могла поделать? Не оставлять же его одного, на трассе, где нет связи и кругом лес. Это как-то бесчеловечно, особенно если... хм... Иван помог починить Коко.

«Конечно, помог. Машина – вообще отличное средство передвижения. К тому же, может, он и в самом деле маньяк. Видела, как на твои чулки уставился? А что, если его вообще клинит с чулок? Вот накинется на тебя, потом расчленит, выбросит у трех сосенок, засунет чулки в карман и сделает колеса», – услужливо прошептал внутренний голос.

«Ну, допустим, это он мог бы сделать и там, зачем тащить-то меня с собой, когда можно одни чулки, – несмело возразила Дуняша, покрепче сжав руль. – И почему сразу у сосенок? Березки те ничем не хуже были».

«Ну, посмотрим-посмотрим. Давно такого адреналина не испытывала, да? Ладони вон уже мокрые. Правильно, ухмылка-то у пассажира не очень... интеллигентная», – не унимался голос.

«А что мне оставалось делать? Вот что?! Карта, которую накануне отъезда подарил Илюша, оказалась совершенно бесполезна в самый ответственный момент. А тут... почти рыцарь, да», – пыталась выставить контраргумент Дуня.

«Ты лучше смотри – твой рыцарь рюкзак осторожно расстегивает. Как думаешь, что там у него? Что-то длинное, в чехле... Нож!» – боковое зрение было на стороне внутреннего голоса.

Дуня так испугалась, что резко повернула руль в сторону. В голове застучало: «Лишить бомжа координации движений». Коко тут же послушалась, эффектно вильнула, и автостопщик таки потерял равновесие, едва не впечатавшись в дверь.

Дуня с замиранием сердца глянула, что у него в руках. Оказалось, всего лишь очечник. Очечник!

– Простите, – пробормотала, а пассажир в ответ так выразительно посмотрел, что она почувствовала себя той самой знаменитой блондинкой за рулем. Несмотря на цвет волос.

Ценитель автостопа нацепил солнечные очки на нос, после чего Дуня решила как-то бороться с интенсивно растущей паранойей.

«Надо взять себя в руки, – обратилась она к внутреннему голосу. – Всего лишь очки. Оч-ки-и-и».

«Да уж возьми, – язвительно ответило подсознание. – Хорошо, что полоса была свободна, а то к колесу и маньяку не хватает только ДТП».

Остро захотелось выругаться. И Коко ей это обязательно простила бы, все же женская солидарность существует, но наличие пассажира останавливало от высказывания цветистой фразы.

Дуня глубоко вздохнула и включила музыку. В целях терапии. В конце концов, довезет этого бомжа до ближайшей заправки и высадит. Он ведь путешествует автостопом? Прекрасно. Свой отрезок пути, а вместе с ним и благодарность за смену колеса Дуня отработает честно.

Из динамиков полилась ненавязчивая англоязычная песня, настраивающая на умиротворяющий лад. Можно подумать о важном, а именно – о проведенных у мамы майских праздниках. Они не виделись почти полгода – с самого Рождества. Правда, Илюша не пребывал в восторге от идеи, что его оставляют в Москве одного почти на неделю, но Дунина совесть была чиста. Она предложила поехать с ней. Он отказался, поинтересовавшись, что ему делать столько времени в захолустье под Пензой. Дуня в ответ лишь пожала плечами.

Мама же не пребывала в восторге от того, что дочка пожаловала одна, без жениха, и вообще непонятно когда выйдет замуж. Напрасно Дуняша специально надела колечко с бриллиантом, подаренное Илюшей на день рождения, напрасно терпеливо объясняла, что в Москве так принято – жить гражданским браком, строить свою жизнь, а вот когда дойдет до детей, тогда можно и в загс.

– А когда до детей дойдет? – тут же отреагировала мама, поставив заварочный чайник в расписных цветах на стол и сев рядом с дочерью. – Тебе уже тридцать, Дуняша. Годить-то некуда. Бриллиант – это, конечно, хорошо. Но по мне, так лучше простое обручальное кольцо на правой руке, чем бриллиант на левой.

– Мам, а ты печенье из духовки вытащить не забыла?

– Ах ты, боже мой, забыла!

И мама побежала спасать печенье, а Дуня поблагодарила выпечку за то, что помогла ей закончить малоприятную тему. Москва от маленького городка в Пензенской области находилась далеко, и столичный уклад казался чуждым для здешних мест. Никак не доказать, что тридцать – это возраст расцвета, что быть самостоятельной и независимой – здорово, что для детей надо созреть морально, а Дуня еще не созрела. И если ее бывшие одноклассницы стали мамами в восемнадцать, то в Москве и в тридцать семь это не проблема. Москва – она такая... какая?

Другая.

И жизнь там не настолько размеренная, как в родном городке, где на улице почти все друг друга знают, а во дворах старых двух-трехэтажных домов жарят шашлыки под раскидистыми яблонями, и можно сидеть на лавочке и глубоко вдыхать чистый весенний воздух, слушая, как спорят сосед со своим приятелем о рецепте маринада для мяса.

В Москве под раскидистыми яблонями не сидели. Сидели обычно в стильном ресторане и спорили о степени прожарки стейка, щеголяя своими познаниями друг перед другом под глоток терпкого испанского вина. Пятничные ужины с друзьями Илюши считались неотъемлемой традицией ее столичной жизни. Главное, улыбаться и внимательно слушать про то, какие клиенты пришли на той неделе или на этой, в каких краях лучше всего провести зимний отпуск, а в каких – летний, и непонятно, что будет с курсом валют и какие акции лучше купить именно сейчас, а какие сбросить. Можно поддержать милую беседу о новых тенденциях моды с женой Лени, она же просветит, который косметолог сейчас самый популярный среди ее подруг, ну а если уж совсем станет невмоготу, то всегда на выручку придет глоток того самого терпкого испанского вина.

Дуня привыкла жить по правилам. И даже эти пятничные вечера воспринимала как правило, не самое интересное времяпровождение, но нужное, дающее жизни устойчивость и спокойствие. Надежность.

Мама права, ей уже не восемнадцать. Ей тридцать. А это – зрелость. Серьезные размеренные отношения, устроенный быт, личностная самореализация – вот черты, присущие зрелости. А брак и дети... до них тоже дойдет время. Обязательно.

– Почему красная? – незнакомый голос ворвался в ее мысли.

– Что?

– Почему машина красная? – уточнил автостопщик, о котором Дуне все же удалось на время забыть.

Надоело ехать молча? Решил поддержать разговор?

– Под цвет маникюра, – не раздумывая ответила она.

– То есть первичен именно маникюр? – хмыкнул тип. – А не цвет туфель? Руки важнее, чем ноги?

– Первична помада, – ответила Дуня, – то есть – голова.

«Ого, – прошептал внутренний голос, – ну-ка, ну-ка, посмотрим, до какой степени идиотизма ты дойдешь в этом интеллектуальном разговоре».

Дуняша почувствовала, как от досады у нее покраснели кончики ушей. Она и правда ощущала себя... не очень умной. Вся надежда на то, что ее попутчик все же помолчит.

– Слушайте, Евдокия Рома-а-ановна... Вы мне просто горизонты сознания расширили сейчас. Я думал, голова девушке нужна, чтобы прическу носить. А оказывается – чтобы было куда помаду красить.

Та-а-ак... Светский разговор не желал заканчиваться.

– Девушке для помады, да, – процедила Дуня через силу, старательно глядя на дорогу, – а мужчине для чего нужна голова? По вашему мнению?

– Чтобы думать, – ответили елейным голосом. – Думать вообще полезно. Вот, например, я уже десять минут размышляю, почему мы едем на второй передаче. Вы случайно не запомнили, Евдокия... э-э-э... Романовна... что у вас коробка механическая? И передачи повышать надо. А то как бы с вашей золоченой каретой не случилась беда похуже, чем пробитое колесо.

– Кого я слышу, не иначе – звезду автостопа! – слова вырвались прежде, чем Дуняша подумала над ответом. – Видимо, с вашей богатой биографией вы специалист по всем машинам, что встречаются на магистралях нашей необъятной страны. С таким опытом да не иметь своей – какая досада, не правда ли?

Хам! Хам! Как есть хам! Она его подобрала, можно сказать, предоставила мягкое сиденье и крышу над головой, везет (вот, кстати, куда он едет-то хоть?). А в ответ вместо спасибо – ткнул носом в промах.

«Рыцарь, говоришь?» – противно напомнил внутренний голос.

Дуняша, пылая уже не только ушами, но и щеками, переключила передачу и прикусила с досады губу.

* * *

Иван не узнавал себя. Не был ведь замечен раньше в хамстве. А уж над этой девочкой, все прегрешения которой состояли в том, что у нее довольно хорошенькая внешность, которую она сумела очень выгодно инвестировать, и вовсе грех было смеяться.

Но слова вылетали помимо воли, особенно при взгляде на ее водительские навыки.

И вообще, интересно, чем думал папик, когда покупал своей кукле машину на механике?

Однако на последней фразе злость удалось удержать. Правда – чудом. И еще все-таки проснулся разум. Эта «девочка для папика» – за рулем. И если Иван сейчас начнет орать – они могут оказаться в кювете. Или на крыше.

«Молчи, молчи...» – уговаривал себя Тобольцев. Но обида кипела. Откуда у женщин, даже самых непроходимых куриц, это умение ударить в самое больное и уязвимое место?

Да, у него нет своей машины. Квартиры тоже нет. Нет только потому, что ему все это не нужно. Он вольная птица. И, между прочим, Ивану доводилось сживать за рулем настоящего гоночного болида! Когда работал фотографом на «Формуле Русь»!

Ваня уговаривал себя молчать, но скосил взгляд на приборную панель.

– Три тысячи оборотов. Пришпорьте колесницу, царица.

* * *

Вообще-то красный цвет Коко не просто оттенял маникюр Дуняши, но и говорил об их общей любви к скорости.

Чтобы как-то унять желание покалечить удобно устроившегося рядом любящего поучать бомжа, Дуня включила музыку на полную, решительно нажала на газ, и Коко понеслась по пустой трассе.

Давно не катался на «Феррари», автостопщик? Так мы это исправим.

Дорога была свободной, потому что основной поток иссяк еще вчера – в последний день майских праздников. Все дачники и огородники уже возвратились в города накануне вечером, а сейчас разошлись по заводам и офисам. Дуня специально припозднилась – не хотелось терять время в бесконечных пробках и заторах, да и лишний денек с мамой провела. Зато теперь...

Музыка, скорость, чистое шоссе, ветер в щелочку чуть приоткрытого окна... Свобода!

До первого удачно спрятавшегося в кустах гаишника.

– Твою дивизию! – сквозь зубы выругалась Дуня и сбавила скорость.

Коко меланхолично ехала задом, ловя неторопливые румбовые переливы новой песни. На этот раз отечественной – попсовой. Когда машина наконец поравнялась с остановившим ее гаишником, Дуня нажала на кнопку и смотрела, как медленно опускается стекло под томные напевы «Чао, бамбино, сеньорита».

– Лейтенант Кравцов, – представился бдительный страж порядка, – ваши документы, пожалуйста.

– Конечно, одну минуту, – широко улыбнулась Дуняша и потянулась за сумочкой.

«Было так жестоко сердце мне разбито», – проникновенно пели солистки девчачьей группы.

«Вот и налетела ты на штраф, блин, сеньорита», – подумала Дуня, протянув мужчине с самыми добрыми на свете глазами права.

– Лопухина Евдокия Романовна, значит...

Первое ЕЕ правило: «Выбирай машину под цвет маникюра».

Глава 2

Второе ЕГО правило: «Держись подальше от сотрудников ДПС».

Когда машина остановилась, Иван едва подавил громкий вздох облегчения. И тут же полез в рюкзак за бутылкой кока-колы – вроде бы там еще что-то оставалось. Отвинтил крышку и с наслаждением сделал глоток сладкой, теплой и почти без газа жидкости. К машине тем временем не спеша подходил сотрудник ДПС в чине, кажется, лейтенанта.

«Так тебе и надо», – мстительно подумал Тобольцев, делая очередной глоток и косясь на ту, что сидела за рулем. Устроила тут, понимаешь ли, Гран-при Пензенской области! От пережитого стресса у Ивана была мокрая спина. Штаны, слава богу, хоть сухие. Так что пусть товарищ лейтенант выпишет этому Шумахеру в юбке и чулках по всей строгости закона. Папик все равно оплатит.

– Лопухина Евдокия Романовна, значит...

Кока-кола пошла у Тобольцева носом. Это же надо было... так ляпнуть. И так попасть пальцем в небо. Спасибо, что все-таки не Федоровна. А между тем слева от Ивана начался спектакль. Тобольцев вытер лицо и весь превратился в слух. Интересно же, как будет вершиться мировая справедливость.

– Ай-ай-ай, – поцокал языком невысокий худощавый мужчина в форменной одежде, стоящий у машины. Отданными ему документами он постукивал по ладони. – Куда же мы так торопимся, уважаемая Евдокия Романовна?

– В столицу нашей родины – в Москву, – улыбка «царицы» была включена на максимальную, поражающую мощность.

Но на гаишника не произвела ни малейшего впечатления. Там кевларовая броня наверняка на такие улыбки. Он ответно нейтрально улыбнулся и тут же придал лицу казенное выражение.

– Ну да, как же столица без такой красоты. А все же придется задержаться, Евдокия Романовна. Зафиксировано превышение скорости в семьдесят километров в час. Попрошу пройти в патрульную машину – будем оформлять изъятие прав.

Улыбка мощностью в тысячу кокет-час поблекла. Евдокия несколько раз моргнула. Песня кончилась, и в машине стало тихо. Практически скорбная минута молчания памяти автомобильных прав Евдокии Лопухиной. Просьба всем встать. Наконец девушка вздохнула и тихо заговорила:

– А... вы уверены, что нельзя обойтись штрафом? Понимаете, я обычно очень аккуратно езжу и слежу за дорогой, но такая машина... на ней совсем не чувствуется скорость, и я вовремя не посмотрела на спидометр...

Но бравый сотрудник ДПС проявил достойную похвалы и даже восхищения твердость убеждений.

– Все прекрасно понимаю – и про скорость, и про аккуратность. Но на спидометр смотреть надо – в целях вашей же в первую очередь безопасности. И вашего, – мужчина ткнул документами в Ивана, – пассажира. Решение о том, можно ли обойтись штрафом, вынесет суд. Мое дело – изъять права и оформить временное разрешение. – После чего он козырнул и твердо произнес: – Попрошу пройти в машину.

Иван вдруг заметил, что у нее пальцы дрожат. Красивые тонкие пальцы с алым маникюром, так и лежащие на рычаге коробки передач, мелко дрожат. Она сглотнула, прежде чем ответить блюстителю дорожного порядка:

– Как же это? Куда же вы ее денете? Машину, в смысле? А я? Неужели нельзя решить этот вопрос как-то по-другому?

Евдокия с такой откровенной и какой-то даже детской надеждой смотрела на сотрудника ДПС, что Тобольцеву захотелось девушку встряхнуть. Или заорать. Что-то вроде того: «Да, реши этот вопрос по-другому! Иди в машину и отсоси у него!» И вся эта ситуация, этот разговор и его причастность к случившемуся вдруг стали казаться Ивану ужасно неправильными. И захотелось отмотать время назад и отсидеться в том чертовом березняке с гипотетической чагой и медведями. И не выходить на трассу. И не садиться в красную «ауди».

Лейтенант... как там его... Кравцов с самым неприступным видом сложил руки на груди. Полосатый жезл, висящий на запястье, угрожающе закачался.

– Машина останется у вас. Ваши права – у нас. Я вам выпишу временное разрешение на управление транспортным средством сроком на один месяц. В течение этого времени суд вынесет окончательное решение по вашему вопросу. Как-то по-другому или нет – это уже не мое дело, – а потом ткнул в сторону патрульной машины жезлом. – Жду вас там.

Тобольцев смотрел на спину сотрудника ДПС. Он шел не спеша, держа в одной руке жезл, а в другой – документы царицы Лопухиной Евдокии не-Федоровны.

– Если бы кто-то не вмешивался в процесс вождения, – раздался рядом глухой голос, – то ничего бы не случилось. Откуда ты взялся-то, господи?

Она говорила, уткнувшись лицом в руки, лежащие на руле. Слова прозвучали безжизненно, устало, беспросветно как-то. Иван не нашелся, что сказать. Честно и прямо: «Из лесу, вестимо»? Съязвить? Посочувствовать? Извиниться? Все нелепо и не то. И вдруг динамики разродились бодрым и жизнерадостным:

*И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди...*

В ритм песни раздался стук в стекло. Лейтенанту Кравцову надоело скучать в машине одному.

– Евдокия Романовна, – мужской палец еще раз для ритма ударил по стеклу. – Ну что же вы не идете? Вы же так торопились.

*И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!*

– вошло во вкус радио.

Евдокия подняла голову с руля, вздохнула и потянулась за сумкой.

– Да, конечно, иду.

Тобольцев смотрел теперь уже на две фигуры, медленно идущие к патрульной машине. Точнее, медленно шла девушка – словно на казнь. А лейтенант рядом явно принаравливался к ее шагу. А может, на задницу хотел поглазеть. Там есть на что.

Иван с хрустом сжал пустую бутылку из-под кока-колы.

*С неба милостей не жди,
Жизнь для правды не щади.
Нам, ребята, в этой жизни
Только с правдой по пути.*

Мы не будем ждать милостей от ДПС. Мы все возьмем сами.
Пальцы легли на ручку двери.

Дед у Тобольцева – тот самый, в честь которого Ивана и назвали, – вел во Дворце пионеров драматический кружок. Мать тридцать лет преподавала в музыкальной школе по классу фортепиано. А сам Ваня девять бесконечно долгих лет отбарабанил в бальных танцах – до лютой ненависти к ним. Но сейчас это было уже неважно. Если в человеке есть артист – это навсегда.

Дверь красной «ауди» распахнулась. Из машины вышел молодой мужчина. Руки в карманах джинсов, вальяжная походка хозяина жизни, пресыщенное выражение лица и презрительная улыбка.

– Вот зачем я тебе машину купил, а? И права зачем купил? Чтобы ты их через месяц про... воронила? Ну, все, ты меня достала! – Он подошел вплотную к хозяйке «ауди» и сотруднику ДПС. – Машину я у тебя забираю! Зачем тебе машина, если теперь прав нет? И никаких больше салонов красоты, ужинов с подружками и Коста-дель-Соль в августе! Пока не научишься хоть что-то делать хорошо. А то машину водишь кое-как, борщ дерьмовый, а во время минета вообще можно заснуть! Иди-иди, – Иван снисходительно махнул в сторону парковой машины. – А потом вернешься и будешь... – похлопал себя характерным жестом ладоней по бедрам в районе ширинки, – отрабатывать. И оттачивать навык заодно.

Щеки у «царицы» сравнялись по цвету с губной помадой, маникюром, лодочками и машиной. А что? Зато теперь все в тон. Кажется, она вдохнула, а выдохнуть все никак не могла. Лейтенант Кравцов аккуратно взял девушку под локоть.

– Пойдемте, Евдокия Романовна, – сказал мягко-мягко.

На лице лейтенанта, обращенном на Тобольцева, читалось явное презрение, дававшее Ивану надежду на то, что его представление имело некоторый успех. По крайней мере, взгляд, которым его одарила девушка через плечо, был очень красноречив. Зло-красноречив. А потом она вцепилась в руку сотруднику ДПС и начала ему что-то быстро-быстро говорить с мольбой в глазах.

Тот пытался отцепить ее руки, но гонщица держала крепко, голос ее становился громче, и до Тобольцева стали долетать предложения:

– Это страшный человек, поверьте мне. Я даже не знаю, что теперь будет. Вы думаете, я с ним из-за любви? Думаете, мне нужны его деньги? Нет. Просто он давно положил на меня взгляд, а брат задолжал этому... этому подонку кучу денег. Вернее, его обвели вокруг пальца. И пока мы не выплатим, я... я... – тут послышался очень натуральный всхлип. – А если вы отберете машину... – дальше целая россыпь всхлипов, – нас поставят на счетчик, и я никогда не смогу освободиться от него. Никогда-а-а, – и Дуня уткнулась в грудь честного и неподкупного стража порядка.

От приступа несвоевременного смеха Тобольцева спасло только собственное удивление. И абсолютно ошеломленное лицо лейтенанта Кравцова. Нет, ну когда такой успех у публики – надо доигрывать до конца. Как говорится, *show must go on*!

Выдохнуть, собраться, не ржать! Не ржать, Тобольцев!

– Я еще и хомяка твоего утоплю! – тоном Карабаса-Барабаса Мальвине. «Мальвина» взвыла в грудь блюстителю дорожного порядка. Блюститель вздрогнул. Иван понял, что сил держаться больше нет, и резко развернулся.

На сиденье «ауди» он рухнул, уткнувшись лицом в рюкзак. И зашелся диким хохотом, искренне и от души надеясь, что вне машины его не слышно.

* * *

Дуня даже предположить не могла, что умеет так вдохновенно врать. Да что там врать! Играть! Все эти закушенные губы, трясущиеся руки... Впрочем, сильно лицедействовать практически не пришлось. До того момента, пока не послышалась фраза с угрозой жизни мифиче-

скому хомяку. Тут Дуняша поняла, что может проколоться, поэтому просто закрыла ладонями лицо.

Лейтенант, видимо, поверил, что девушка плачет. И если на своем веку он уже видел достаточно слез по поводу изъятия прав, то с рыдающими барышнями, у которых топят грызунов, дела не имел.

– Это же надо вам было связаться с таким уродом, – пробормотал страж порядка.

– Случайно получилось, я не хотела, правда не хотела, – все еще не отнимая рук и шмыгая носом, говорила Дуняша. – И разгон он меня заставил взять. Я ехала как положено, так нет, захотел посмотреть, сколько можно на трассе выжать. А теперь вот... и хомяка убьет, и брата на счетчик, и я-я-я... видели...

Сердце мужчины при исполнении все же оказалось не каменным и дрогнуло. Он аккуратно под локоток взял Дуняшу, которая наконец решилась открыть лицо. Оттого что ладони были потными, макияж поплыл, а ничто так не передает женские страдания, как размазанная под глазами тушь.

– Ну что вы, что вы, – торопливо пробормотал лейтенант Кравцов, явно чувствуя себя виноватым в том, чем грозит девушке потеря машины. – Я выпишу вам штраф, не переживайте. Пойдемте.

Дуняша покорно села в «ладу» и стала смотреть, как сотрудник ДПС торопливо заполняет бланк. Неужели прокатит? Неужели все обойдется?

– Та-а-ак, превышение скорости у вас уж слишком большое и тянет на штраф в пять тысяч рублей. Держите, – он вручил бумагу Дуняше.

Многозначительно помолчал. А потом намекнул:

– Деньги-то есть?

– Е-есть, – икнула вдруг Дуняша.

«Ну, мать, ты даешь! Это же надо так в тему икнуть, – включился внутренний голос. – Какой талант пропадает, подумать только».

Дуня открыла сумку и стала судорожно в ней рыться.

Ну почему, почему если что-то надо, то с первого раза в женской сумочке это не найти? Куда запропастился кошелек? Недолго думая, она просто перевернула сумку и высыпала все содержимое себе на колени. Он упал последним и увенчал горку жизненно необходимых вещей. Лейтенант застенчиво отвел глаза от получившегося натюрморта, ибо через мгновение на кошелек свалилась маленькая упаковка тампонов.

Быстро запихав все содержимое обратно в сумку, Дуня достала бумажку как раз в пять тысяч. Неплохая взятка.

«С ума сошла всю наличность отдавать?» – прозвучало в голове.

– Это вам, – прошептала она, игнорируя голос разума. – Я бы даже добавила, но больше ничего нет, – и в доказательство показала пустой кошелек.

– Не мог оставить девушку в беде, – отчего-то покраснел гаишник, беря протянутую банкноту.

«Ты смотри, уже второй рыцарь за сегодня, – не унимался голос. – Один колесо меняет, второй штраф выставляет. Бог любит троицу. Жди!»

– Спасибо вам, – искренне поблагодарила Дуня лейтенанта Кравцова, в котором, видимо, стала просыпаться совесть, ибо он поинтересовался:

– А как же вы совсем без денег-то?

Девушка вылезла из «лады».

– Он накормит, – указала она недобрым взглядом в сторону машины, в которой уже сидел автостопщик.

– Может, вас проводить? – предложил лейтенант, возвращая права.

– Нет-нет, не стоит, я сама... Сама его успокою. Автомобиль ведь сохранила.

- Удачи вам, и больше так не гоняйте.
- Даю слово!

До Коко Дуня шла на нетвердых ногах, крепко сжимая в руке сохраненный документ. Открыв дверцу «ауди», она даже не взглянула на сидевшего как ни в чем не бывало автостопщика, бросила сумку на свое сиденье, сунула в нее права, быстро вытащила из кармашка на двери микрофибру и направилась к переднему бамперу, не заметив, что раскрытая сумка завалилась набок и с таким трудом возвращенные права из нее выпали.

Если бы было возможно, то Дуняша легла бы прямо на капот, обняв свою красавицу. Но сделать этого она не могла – слишком много вокруг глаз. Поэтому просто остановилась перед машиной, присела и стала протирать ее фары, шепча: «Ах ты моя девочка, моя умница. Испугалась? Я тоже. Но я тебя не брошу. Ни за что не брошу. Вот высадим этого придурка, и все будет хорошо. Тебе ведь понравилось с ветерком, да? Знаю, что понравилось. В следующий раз, когда останемся вдвоем, найдем проверенную дорогу и прокатимся. Обещаю».

В салон она возвратилась почти спокойная. Отодвинула сумку, села и захлопнула за собой дверь, прежде чем сказать:

- Еще раз повысишь на меня голос и вылетишь из этой машины, Дон Кихот фигов!
- Я смотрю, права у тебя? А это главное! – оживился пассажир. – Могла бы и спасибо сказать, Дульсинея Романовна Тобосская!
- За что? За то, что попросил пришпорить колесницу? – Дуня открыла косметичку, вынула оттуда зеркало и влажную салфетку.

Мама дорогая, ну и видок у нее! Тушь под глазами, подводка смазалась. Надо хоть как-то привести себя в порядок.

– За то, что спас твои права! – продолжал заниматься саморекламой любитель путешествий. – Пожалел же тебя сердобольный лейтенант? А я принял удар на себя, между прочим. Опорочил свою безупречную репутацию.

– А она у тебя безупречная, автостопщик? – не отрываясь от важного дела, поинтересовалась Дуняша.

Разводы на щеках исчезли, подводить глаза по новой перед этим шутком не хотелось, но помаду все же вынула. Под цвет маникюра, да-а-а... и стала с удовольствием демонстрировать, как девушки ее «туда красят».

– До того, как сел в твою колесницу, царица, я был чист и невинен перед законом! А теперь осквернил себя обманом перед человеком при исполнении служебных обязанностей. А все ты и твои дурные кобылы под капотом!

Вот, значит, как, да? Дурные кобылы? Ну хорошо. Дуня закрыла косметичку, закончив с улучшением своего внешнего вида, после чего повернулась к тому, кто представился Иваном, с широкой сердечной улыбкой.

– Значит, тебе не нравятся мои кобылы, хитроумный идальго больших и малых театров... Ну что же... Не держу. Ты всегда можешь продолжить путь на своих верных чахлах Росинантах¹, которые в народе величают кроссовками.

Она выжидающе смотрела на собеседника. Тот лишь обреченно вздохнул:

– Злая ты Дульсинея. Совсем не Тобосская какая-то. Не можешь ты меня сейчас выкинуть из машины, иначе весь спектакль хитроумного идальго Росинанту под хвост. Поехали уже, Ду... ня. А то как бы твой лейтенант Кравцов не передумал насчет прав.

В его словах была правда. Чтобы избавиться от такого неудобного пассажира, надо было отъехать на довольно приличное расстояние, иначе сотрудник ДПС почует неладное.

Дуня повернула ключ зажигания, нажала на газ, и Коко мягко тронулась с места.

¹ Росинант – имя коня Дон Кихота.

– Имей в виду, везу тебя только в знак благодарности за то, что помог спасти машину. Я, наверное, действительно должна сказать тебе спасибо. Но! Только до ближайшей заправки и с условием, что ты будешь молчать.

– Я буду молчать. Особенно если у тебя найдется чем заткнуть мне рот. Нет, не кляпом. Какой-нибудь шоколадный батончик был бы кстати. Я сегодня не завтракал. Да, я знаю, я наглый.

Да не то слово, какой наглый. Таких еще поискать! Придерживая руль одной рукой, другой Дуняша стала рыться в сумке и вынула маленький пакетик, в котором осталось несколько маминых печений. Жалко было отдавать их этому типу, но чего не сделаешь ради тишины...

– Бери, можешь доедать.

Он, не смущаясь, взял печенье и тут же стал им хрустеть.

– Вкусное. Неужели сама пекла?

Вместо ответа Дуняша снова полезла в сумку, долго искала на ощупь нужную вещь, и через некоторое время на панель перед лобовым стеклом демонстративно легла упаковка пластыря.

Потом Дуняша подумала еще, ибо пластырь ей показался недостаточно действенным средством, и многозначительно произнесла:

– Шел по крыше воробей...²

Автостопщик поперхнулся печеньем.

Дуняша удовлетворенно улыбнулась. Видимо, было у них что-то общее в детстве. Например, считалочка.

Коко легко летела по дороге, не превышая максимально разрешенную скорость.

Это была любовь с первого взгляда. Они встретились в автосалоне. В тот день Дуня пришла на встречу с директором, для которого проектировала интерьер загородного дома. В это же самое время к автосалону подкатила гламурная девица сдавать необыкновенной красоты «ауди», потому что «марка, конечно, хороша, но на механике ездить стремно и не комильфо». Видимо, девица наездила. И решила сдать машину по trade-in. А Дуня, после того как обговорила с директором все важные моменты касательно оформления бани и бассейна, вдруг заинтересовалась, можно ли купить красную «ауди», которую только что возвратили в салон. У нее не имелось ни денег на такую машину, ни вообще мыслей о покупке нового авто (старый «пежо» был вполне ничего), но слова выговаривались сами. Коко... Дуня с самого начала знала, что ее зовут Коко, что это – девочка, яркая, надежная, красивая. ЕЕ девочка. Директор не только согласился продать машину, но и сделал хорошую скидку, а сразу после встречи Дуняша полетела по банкам – узнавать наиболее выгодные условия по автокредитам.

В результате – все получилось, и через две недели, после полного технического обслуживания, красная «ауди» покинула автосалон с новой хозяйкой. Они нашли друг друга – человек и машина. Они друг друга понимали. Они были на дороге одним целым.

Впереди показалась большая заправка, и Дуня сбавила скорость. Может, банкомата там и не будет, но карточки к оплате принимают точно. Припарковав машину и кивнув караулившему подростку, мол, заливать разрешаю и заплачу, Дуня обернулась к автостопщику со словами:

– Стоп игра. Выходим.

Доморощенный Дон Кихот покинул салон и с видимым удовольствием потянулся. Дальше она на него не смотрела, потому что направилась к кассе. В магазинчике дурманяще пахло свежее испеченными булочками, поэтому Дуня не удержалась – купила кофе и слойку с яблоками на вынос.

² Первые строки детской считалочки-молчанки.

Когда она вышла на улицу, то увидела, что мальчишка уже справился со своей работой. Дуняша оставила покупки в салоне Коко, заметив, что рюкзак автостопщика никуда не исчез. Она высунулась из машины и вытряхнула из кошелька все оставшиеся монеты в ладонь паренька. Рублей сорок.

А когда подняла голову – увидела своего пассажира, вышедшего из дверей магазина. Однако он не спешил, шел размеренно. Да и куда торопиться автостопщику? Дуняша от нетерпения закусил губу. В салоне «ауди», между прочим, остывал кофе. Когда любитель путешествий на чужих машинах наконец приблизился, внутренний голос прошептал: «Жаль, нет духового оркестра, чтобы сыграть „Прощание славянки“».

– Ну все, можешь забирать свой рюкзак. Желаю удачи в дальнейшем пути, – проговорила Дуняша.

– Вот так сразу? А если еще раз колесо пробьешь? А если медведь на дорогу выскочит? Или дорожный патруль? Кто будет спасать Дульсинею? Как же она без своего Дон Кихота на росинантах? – поинтересовался он.

– Без своего? Однако... То есть... уточняю... Вы мой рыцарь, да? Мой персональный Дон Кихот? – прищурила глаза Дуня.

– Готов до окончания пути взять на себя эту нелегкую миссию, – Иван прижал руку к сердцу и кивнул головой, как офицер в дореволюционной России.

Видимо, в кино посмотрелся. Шут!

– Ну нет, это перебор. Вы плохо знаете классику. Насколько мне известно, упомянутый герой совершал свои подвиги во имя дамы сердца, но вдали от нее. Я бы даже сказала – в совсем большой дали. Поэтому предлагаю все же взять рюкзак и двигать по направлению к ветряным мельницам. Я буду поминать вас в своих вечерних молитвах.

– Просить, умолять, вставать на колени – бесполезно? – уточнил автостопщик.

– Дульсинеи вообще если что скажут, то как отрежут, – подтвердила она. – Я, конечно, благодарна тебе за колесо и все такое. Но, как мне кажется, отблагодарила сполна, довезя до заправки, где есть кафе, магазин и туалет. И где всегда полно машин. Здесь ты вполне сможешь найти себе новую Дульсинею. Так что мы в расчете.

– Ага, точно. Ты права. Мы в расчете, – он наконец-то открыл машину и забрал рюкзак. – Счастливого пути, Дульсинея. Ни гвоздя, ни жезла, как говорится, и всяческих удач. А удача тебе... понадобится.

– И тебе не хворать, благородный идалго, – не осталась в долгу Дуняша. – Я бы даже денег дала на дорогу, только всю наличность оставила в машине ДПС.

– Это все ваша царская щедрость... Как же ты теперь? Ни денег... ни прав... – поинтересовался автостопщик, доставая из кармана права и переворачивая их между пальцами, как игральную карту. А потом вдруг запел:

*Только вот не надо одной
Поздно возвращаться домой...
Дуня, Дуня, Дуняша...³*

От такой беспринципной наглости даже потемнело в глазах, ей вообще в первое мгновение показалось, что это обман зрения. Дуня закрыла глаза, потом открыла их вновь, но права из рук автостопщика никуда не исчезли! Ее права! С таким трудом вызволенные!

– Ты... ты... ты... вор! Ты рылся в моей сумке? Ну-ка живо отдай сюда!

³ Слова из песни «Дуня-Дуняша», популярной в девяностые годы XX века. Исполнитель – Евгений Белоусов.

– Я?! Рылся?! Ага, и тампоны тоже спер! Права выпали. Прямо к моим ногам! Следить надо за своими вещами, а особенно – за документами. Так что... Мы с тобой, конечно, в расчете, Дульсинея. Но, может, откроем новый счет? Тебе нужны твои права?

– То есть только права? А тампоны, надо полагать, ты себе оставишь?

– А ты проверь. Самое ценное я тебе так вернул. Безвозмездно. А вот за права... готов торговаться.

Съездить бы ему по физиономии! Гад, вот гад! Ну уж нет, так просто она не сдастся. Дуняша осмотрелась по сторонам. Из магазина вышел высокий и довольно крепкий парень.

– Молодой человек! – окликнула она его. – Помогите, пожалуйста, тут один... в общем, вот этот человек украл мои права и не хочет их возвращать. И я теперь не смогу поехать. Пока платила за бензин – вытащил, представляете?

– Ой, все! – автостопщик махнул рукой, заталкивая пластик прав под трикотажный манжет толстовки. – Такая... темпераментная сеньорита, – подмигнул парню. – Стоит только помочь женщине колесо на машине поменять, и она сразу считает тебя своей собственностью и никак не желает отпустить. Прости, дорогая, – послал Дуне воздушный поцелуй. – Но дальше наши пути расходятся. Чао, бамбина!

Закинув рюкзак на плечо, он бодро зашагал в сторону трассы, а парень лишь хмыкнул и прошел мимо, не имея никакого желания помочь Дуняше и подтверждая расхожее высказывание о том, что настоящие мужики давно перевелись.

Да что же за день такой! То Коко отбирают, то права. Ну, погоди, погонщик медведей! Дуня бросилась за автостопщиком, но вместо того, чтобы что-то закричать ему, заставить остановиться, развернуться и продолжить торг, – просто подставила сзади подножку.

* * *

Как говорится, земля поднялась и неожиданно ударила в лоб. Хотя Иван успел подстраховаться, падая ничком, но все равно – боль вломила в колено, в содранные ладони и шваркнувшую по гравию скулу. А потом сверху прилетела причина всего этого. Прямо на спину упала. На рюкзак с фотоаппаратурой.

Осознать сразу все Тобольцев не успел – слишком быстро происходили события. Но наглую девицу со своей спины стряхнуть просто необходимо! В том, что это она обеспечила ему такое фееричное падение, Иван не сомневался – нос щекотал запах духов. Вот же зараза! И ведь по ее виду и не скажешь, что на такое способна. Хулиганка, драчунья и скандалистка! А еще чулки надела...

Иван приподнялся на одном локте – который тоже саднил, – чтобы стряхнуть с себя неожиданный груз. И тут увидел предмет раздора. На пыльной обочине в полуметре от них лежал кусочек ламинированного картона, выпавший из рукава его толстовки. Права Дульсины. Видимо, она их тоже заметила, потому что руки они протянули одновременно. Слабо сеньорите Тобосской соревноваться с профессиональным фотографом в скорости реакции!

Тобольцев зажал в ладони права Евдокии Лопухиной и повел плечами.

– Слезай с меня. Росинант не в духе.

Со стороны они наверняка выглядели странно – двое, сидящие на обочине дороги. Но Ивану было плевать на то, как они выглядят. Первым делом надо проверить, что там с фотоаппаратом. Тобольцев не стал брать в дорогу самое лучшее из своей коллекции. Но все равно – дорого. В том числе как память о потраченных деньгах. И вообще, не вставляйте между фотографом и его камерой. А уже тем более – не падайте на камеру фотографа. Чревато.

Реклама футляра оказалась не полным враньем. Выдержал вес одной взбалмошной девицы. Впрочем, там весу немного – Иван на своей спине это оценил.

– Твое счастье, что футляр выдержал, – буркнул Тобольцев, после чего демонстративно расстегнул маленький карман внутри рюкзака, сунул туда права, застегнул кармашек, потом сам рюкзак, прижал его к груди и предъявил сеньорите Лопухиной ультиматум:

– Все! Ты везешь меня до Москвы. Потому что а) я сменил тебе колесо, б) твои права у меня. А уж про нанесение телесных повреждений я молчу! Как и про стресс. Опустит юбку, в конце концов! Иначе я за себя не ручаюсь.

Она торопливо одернула юбку, которая сбилась настолько, что показался кружевной край чулка. Теперь уже дырявого чулка. Что на поражающей мощности ее ног никак не сказалось. Почему красивые ноги достаются, как правило, девушкам со скверным характером? Ее следующие слова только подтвердили этот постулат:

– И тебе совсем не стыдно, что ты вот так... с женщиной? – Дульсинея довольно легко поднялась, отряхнула юбку.

– Это кто это говорит про «стыдно»? Человек, который опускается до методов физической расправы над оппонентом? Смотри! – Иван ткнул пальцем в садину на своем колене, виднеющуюся в свежей прорехе на джинсах. – А тебе не стыдно?

– Мне – нет, – посмотрела она на него сверху вниз с прямо-таки коронованным презрением. – Это моя машина и мои права, а ты... ты – узурпатор!

– А вот так вот! Кончилась ваша царская власть!

На это она не посчитала нужным ответить, дернула плечом и быстрым шагом пошла к машине, не оборачиваясь. Надо полагать, это можно было считать капитуляцией по-лопухински.

Иван отставил в сторону рюкзак и далеко не так легко, как Дульсинея, поднялся на ноги. Ну, оно и понятно – он упал на жесткую землю, а она – на него. Иван совершенно точно мягче, чем гравий обочины. Привычным движением закинул рюкзак на спину и двинулся к машине, прихрамывая. Он проехал несколько тысяч километров автостопом без какого-либо ущерба для здоровья. А теперь, уже практически на подступах к Москве, его завалила девица на красных лаковых шпильках.

А когда он все-таки доковылял до машины, она послала его в нокдаун еще раз. Ноги у нее все-таки охрененные. И что бы ему не подойти на полминуты позже? А так застал процесс стаскивания чулок в самый пикантный момент.

– Надеюсь, ты снимаешь их, чтобы перевязать мои боевые раны? – Иван устроился на сиденье, стараясь не смотреть на ее голые колени.

– Чтобы удушить, – буркнула в ответ Дуня. – Смерть от чулка, что может быть слаще для автостопщика-демпеля?

– Двадцать ден? – навскидку прикинул он. – Не удушишь. Надо как минимум сорок, – Иван вдруг поймал себя на том, что начал улыбаться. А потом все-таки скосил взгляд на ее голые колени и спросил неожиданно: – Ты не ударилась, Дульсинея?

– Да вроде нет... – немного растерянно ответила она. – Чулки только жалко. – Затем вздохнула, будто решаясь. – Хорошо, я довезу тебя до Москвы. Но потом ты мне точно отдашь права?

– Слово Дон Кихота! – торжественно пообещал Иван.

Дуня кивнула, и спустя несколько секунд красная «ауди» тронулась с места и выехала на трассу. Машина катила неторопливо, а девушка за рулем так же неторопливо прихлебывала холодный кофе. Пила кофе и молчала. Молчал и Иван.

Отнюдь не из-за той самой пресловутой коробочки из детской считалки, которой Дульсинея его еще раньше страшила. Просто надо было подумать. О целом ряде вещей. Например, о том, зачем он уперся с ее правами. Зачем не отдал их сразу, когда увидел, что они вместе с упаковкой тампонов выпали из раздраженно брошенной сумочки. Средство женской гигиены он на место вернул. А права зачем-то сунул в карман. А потом устроил этот спектакль с шан-

тажом. Зачем? Ведь Евдокия была права – на заправке куча машин, и есть из чего выбрать. Да и негласные правила автостопа предусматривали, что ехать надо, пока по пути. А потом менять авто. Им с Дуней стало не по пути, и она явно дала это понять. Но Иван какого-то беса уперся. И вместо того, чтобы отдать права и найти другую машину, добился того, что последние сотни километров до Москвы он поедет с Евдокией Лопухиной на красной Audi TT.

А почему, собственно, и нет? Все равно задуманное несколько месяцев назад путешествие подходило к финалу. И он, говоря откровенно, несколько подзатрахался. И уже хотелось немного комфорта и стабильности. Иван решил на этот проект три месяца назад. Тогда тухло стало как-то. Для людей его профессии словосочетание «творческий кризис» объясняет любую неадекватность в поведении. Но Иван точно знал – никакой не кризис это. Просто тухло. Ребята из GEO звали снова в Кению – им понравилось сотрудничество с Иваном во время предыдущей поездки. Но даже в волшебную и первобытную Кению не хотелось. Потому что тухло было внутри.

А потом с Иваном случился типичный инсайт. Три волшебных слова: Москва – автостоп – Владивосток. Кто-то над его идеей поржал, включая двух его лучших друзей еще со школьной скамьи – Тина Тихого и Росю Ракитянского. Да сколько угодно они могли смеяться, а пара серьезных изданий заинтересовалась. И у самого Ивана загорелось и засвербило в одном месте. Он всегда был легкий на подъем, сорваться с места – раз плюнуть. И вот Иван уже с рюкзаком за плечами голосует на выезде с МКАДа. Это произошло три месяца назад. А теперь он возвращается назад. Домой. Точнее, не совсем домой, а...

Его размышления прервала мелодия.

*We don't need no education,
We don't need no thought control,
No dark sarcasm in the classroom,
Teachers leave them kids alone...*

Иван вздохнул и полез за телефоном. Он и так проигнорировал три последних звонка от матери.

– Здравствуй, мам.

А дальше надо было отвечать как можно короче и лаконичнее.

– Нормально. Только что выехали из Пензенской области. Да, поел. У меня все нормально с голосом. Нет, я не простыл. Да, все в порядке. Не знаю. Постараюсь. Конечно, обязательно. Да, учту, – и, почувствовав, что в череде нотаций и вопросов образовалась брешь, спросил: – Как ба? – И дальше по тому же сценарию. – Хорошо. Но ты, если что, держи меня в курсе. Ну, конечно, я приеду. Как только смогу. Разумеется. Да, я понял, – прикрыл рукой микрофон, еще раз вздохнул, поскреб щетину и прижал телефон плечом к уху. Брешь быстро затянулась. Разговор тоже затягивался.

Когда диалог завершился, телефон был уже горячим. Иван зажал его в ладони и повернул голову вправо. Чтобы заметить, как по лицу девушки скользнула тень ехидной улыбки. Смейся, Дульсинея. Имеешь полное право.

А вот, кстати, о Дульсинее. Первоначальное впечатление треснуло по всем швам. По крайней мере, в него теперь совершенно не укладывались ни ее слова о хитроумном идальго, ни возмутительная выходка с подлой подножкой, ни импровизация на тему поставленного на счетчик брата. Да и «ауди» на механике сюда тоже не вписывалась, говоря откровенно. Вот чулки вписывались отлично. Но она их сняла, бесстыдница!

Снова зазвонил телефон – теперь уже у «бесстыдницы». Давай, бери трубку, Дульсинея. Моя очередь ехидно улыбаться.

– Привет... Да, еду... Нет, Илюш, сегодня не получится. (Тобольцев едва сдержался, чтобы не фыркнуть. Илюша? Серьезно? Существуют мужики, которых зовут Илюша?) Да, знаю, знаю, обещала, но дорога... Просто у меня весь день сегодня в приключениях. (Точнее не скажешь. И, главное, сама их себе насобирала!) Сначала была крупная авария на трассе, и я полтора часа простояла в пробке, потом колесо спустилось... Да, меняла... Нет, не по карте – там связь не ловит. Люди на дороге помогли, незнакомые, да... (Угу, совершенно незнакомые. Ты на этом «незнакомце» уже полежать успела. Скажем об этом Илюше?) Потом на гаишника наскочила... чего-чего, денег хотел. Конечно, заплатила, только наличности теперь с собой нет... А у тебя как дела? Как сходили? Отлично. На концерт хочу, да. (На концерт Стаса Михайлова, видимо? Или что – Лепс? А, понял! Николай Басков!) Я подумаю, что тебе за это будет, очень хорошо подумаю... (Клизма ему за это будет! Ведерная! С ромашкой – потому что ромашка полезная.) Конечно, соскучилась... (Ну по Илюше-то как не соскучиться? Илюша... Илюша, блин! Нет, точно кретин какой-то...) Нет, торопиться не буду. (Конечно. Сто восемьдесят на спидометре – это мы вообще никуда не торопились. Черепашьим шагом практически.) Дорога что-то непростая. Скоро темнеть начнет, надо будет найти гостиницу... Что? Я сейчас Спасск проехала. Хорошо, поугли. Скинь мне названия по СМС... Погоди! Если будет возможность, узнай про оплату. Можно ли картой расплатиться? Спасибо! И я целую! (В лоб! Как покойника.) Конечно, как только буду в гостинице – позвоню.

Чтобы сдержаться и не ляпнуть ничего после того, как она завершила разговор, Иван принялся разглядывать свои потери. Дырка в джинсах, колено сбито до крови. Опустил козырек от солнца, на обратной стороне предсказуемо оказалось зеркало. Так, рожа почти не пострадала, все-таки борода – великая вещь. В том числе и в спасении от внезапных падений лицом в гравий. Вернув козырек в исходное положение, Иван принялся разглядывать руки. Немного ободрано, но без заметных царапин. Взгляд переместился на браслеты из кожаных ремешков на правом запястье. Браслеты выглядели как дешевая фенечка, которые так любят подростки, но на самом деле эти украшения сплели Ивану два славных парня племени масаи, с которыми он проходил обряд совершеннолетия в саванне. И каждая бусинка на этих кожаных шнурках имела особый смысл. Вот эта красная, например, – амулет для удачной охоты. Иван искоса посмотрел на девушку за рулем. А что? Похоже, работает амулет.

А у нее снова зазвонил телефон.

– Да, слушаю... Хорошо. Сметы готовы?... (Сметы? Сметы чего? Смета на борщ?) Нет, отправлять их не надо, я сама хочу взглянуть на конечную цифру... Оля, я сказала, не надо. (Ух ты, какой у нас, оказывается, может быть голос.) Мало ли что говорит Паша. С заказчиком договаривалась я. И все идет только через меня. А Паша пусть занимается стенами и окнами. (Бедный, бедный Паша... Но он не такой бедный, как Илюша. Ему клизму не сделают.) То, что он показал мне перед праздниками, – никуда не годится. Он вообще представляет себе, что такое фото в стиле ретро?... Заказчик хотел ретро, а не черно-белые портреты Мадонны... (Серьезно? Те самые? С конусами? Ну а что? Стильно так. Незабываемо. Впечатляюще.) Да... Ничего срочного нет? Хорошо. На связи.

И снова тишина. Чуть слышно мурлычет магнитола. Девушка за рулем сосредоточена на управлении машиной. Иван подводит итог своим размышлениям. Итак, Дульсинея оказалась все-таки Дульсинеей. А не безмозглой куклой. Так и славно. Им еще в пути как минимум сутки быть. С умным, профессионально успешным и адекватным человеком в дороге в любом случае приятнее. Правда, в нападении со спины адекватности было маловато, но это можно списать на то, что Иван сам ее спровоцировал. В любом случае им найдется о чем поговорить. Должно найтись. Как только она дуться перестанет. Дуня дуется. Дуня надулась. Тобольцев весело хмыкнул и принялся снова напевать себе под нос хит девяностых про тезку девушки, сидящей рядом.

Хватит дуться, Дуня. Давай поговорим. Фыркни на меня. Отреагируй. Вместо Дуни отреагировал ее телефон – весело пикинул, оповещающая о пришедшем сообщении.

* * *

Илюша прислал сообщение с адресом гостиницы. Написал, что отзывы хорошие, по карте оплату принимают (он звонил) и что даже забронировал номер. Осталось всего ничего – добраться до Шацка, а потом поколесить по городу в поисках нужной улицы.

Вообще-то она привыкла ездить без остановок на ночь. Видимо, день сегодня такой – солнце светит по-особенному.

– Ночевать будем в Шацке, – нарушила тишину Дуня.

– Как прикажет царица. Мне все равно, на каком коврике спать, – тут же послышался ответ.

– Ну, коврик, возможно, вам придется найти самостоятельно. Ведь автостопщики нигде не пропадут, верно? У меня зарезервирован номер в гостинице.

– Ой. А мы снова на «вы»? После всего, что промеж нами было...

Какой развязный комментарий, подумать только! Дуняша крепко сжала губы, чтобы не улыбнуться широко, припомнив, как совсем недавно этот самый тип отчитывался перед мамой, что «да, поел; нет, не простыл». Как мальчик, которого отпустили на прогулку в соседний двор. Кто бы мог предположить?

– Промеж нами в данном случае коробка переключения скоростей... Иван. До Шацка еще пилить и пилить. Думаю, что приедем по темному. Поэтому вопрос ТВОЕГО устройства на ночь остается открытым. Есть время подумать.

– Спасибо за заботу! – пассажир демонстративно прижал руки к груди. – Не пропаду как-нибудь. На ТВОИ зарезервированные царем Ильей палаты претендовать не буду. К тому же... мало ли... после твоего нападения... Я боюсь с тобой спать в одной комнате.

– Вообще подслушивать чужие телефонные разговоры нехорошо. Это раз. Я не говорила ТЕБЕ о том, кто резервировал номер. Это два. А в-третьих, сарказм не к лицу тем, кто величает себя Дон Кихотом. И действительно считаю, что надо подумать о месте, где провести ночь. Я не знаю этого города и ничего порекомендовать не могу.

– Полагаю, что в этой гостинице найдется свободный номер для бедного несчастного меня. Я вполне в состоянии себе снять номер в гостинице, что бы ты там обо мне ни думала.

Ого! Кажется, она задела мужскую гордость. Кажется, она у него есть.

– Отлично. Вопрос закрыт, – ровным тоном ответила Дуняша и сделала радио громче.

До Шацка путь прошел в полном молчании, что, видимо, устраивало не только ее. Потом стали искать гостиницу. Пришлось несколько раз останавливать Коко и интересоваться у прохожих, как проехать к нужной улице. В темном городе это было сделать не так-то просто, но автостопщик показал чудеса общения с незнакомыми людьми в незнакомых местах и, более того, полностью взял эту функцию на себя, не позволяя Дуняше вступать в разговор с «неизвестными мужчинами». Надо же, какой заботливый! А он, надо полагать, – известный. Ну-ну...

Гостиница оказалась маленькой, если не сказать – крошечной. Как выяснилось – всего десять номеров. Пять на втором и пять на третьем этажах. Совсем домашняя. И очень уютная.

– Как хорошо, что вы забронировали номер заранее, – проговорила женщина за стойкой регистрации, вводя Дуняшины паспортные данные в компьютер. – Успели взять последний свободный номер. Держите, – она возвратила паспорт. – Ресторан направо. Там можно будет поужинать. Там же и завтраки, с семи утра до половины одиннадцатого. Я провожу в номер, как только закончу с регистрацией. Ваш паспорт, молодой человек.

– Боюсь, вы неправильно поняли, – решила прояснить ситуацию Дуня. – Мы не вместе. Нам нужны разные номера. Но раз у вас все занято, думаю, молодой человек найдет себе другую гостиницу.

– Не обращайтесь внимания, – сладко улыбаясь женщине, проговорил за спиной автостопщик. – Мы просто поспорились по дороге. Знаете, как это бывает? Но ничего серьезного, все нормально. А у вас отличная гостиница. Давайте ключ и скажите, нам первый этаж или второй? Там направо или налево?

Естественно, та заулыбалась, понимающе кивнула головой и вбила его данные в компьютер!

«Слабо наступить каблуком на кроссовку?» – поинтересовался внутренний голос. Проверить это не удалось, потому что ключ вдруг оказался в руке Ивана, женщина вышла из-за стойки и направилась к лестнице, он за ней, а Дуня... Дуне пришлось их практически догонять!

– И что все это значит? – задала она вопрос, как только осталась наедине с нежданной радостью этого дня.

– Что-что... у меня в кровь разбито колено, мне надо промыть и обработать рану! А вдруг заражение крови случится? – ответила радость. – А потом я, так и быть, избавлю тебя от своего общества. Может, смогу выпросить какую-нибудь каморку со швабрами на одну ночь. Деньги творят чудеса.

– От чего заражение крови? От падения на дорогу? Ты никогда в детстве коленок не разбивал? Теперь понимаю, почему стал автостопщиком. Видимо, сказывается тяжелое детство, – вздохнула Дуняша, открыв сумку и вынув оттуда пластырь. – Держи. Ванная, видимо, там, – махнула рукой в сторону двери. – Даю десять минут. И ты покидаешь номер.

Он молча кивнул и занял ванную на полчаса! Просто непередаваемая наглость! Дуня сидела в маленьком креслице, слушала шум воды, думала про то, что этот... не очень хороший человек наверняка использует чистые ее, между прочим, полотенца, и ждала. Пока ждала – отзвонилась Илюше и маме, сказала, что все в порядке.

Наконец появился он – бог и царь автостопа, с мокрой торчком бородой и... топless, демонстрируя красивое подтянутое тело, а также татуировку на полплеча. Хотел лишить дара речи? Удалось.

Вот только не хватало остаться наедине с малознакомым полуголым мужиком с наколкой, который расхаживает по номеру, как по собственному дому. Дуня сидела и хлопала глазами, хотя очень хотела подбежать к двери, распахнуть ее широко и громко провозгласить: «Вон!»

– Я не тронул приготовленное для тебя полотенце, поэтому так посохну. Надо же было смыть с себя пот и кровь, которые мне принесло знакомство с тобой, Дульсинея. Много крови, много песен для прелестных льется дам... – вдруг запел серенаду и ни разу не сфальшивил (!), а затем перешел на обычный разговор. – Слушай, мне в голову пришла отличная идея! – Он бесцеремонно уселся на кровать. – Не нравится мне этот Шацк. Подозрительный какой-то городишко. Тревожно мне за сохранность твоей машины. Угнать, конечно, не угонят. А вот стекло разбить, покрышки порезать... В общем, я готов покараулить твою колесницу, Дульсинея. Безвозмездно. То есть даром.

– Вы посмотрите, какой благородный рыцарь, – голос все же прорезался, Дуня заставила себя не таращиться на татуировку и даже почувствовала, что в голове стали появляться мысли. – Неужели такие еще рождаются на земле? Думала, все, вымерший вид, о котором только в романах читать. А тут... Покажи свою камеру.

– Эмн... А вот в данный конкретный момент ЧТО ты имеешь в виду под камерой? А то я что-нибудь не то тебе покажу. И потом снова виноват буду.

– Ну, что там у тебя в рюкзаке? – не купилась на провокацию Дуняша. – Футляр, в футляре камера...

– А тебе зачем? – не сдавался автостопщик. – Что за внезапная страсть к фотоаппаратуре?

– А у меня хобби! И, может, я налаживаю дружеские отношения с персональным сторожем «ауди», – она не сдавалась тоже.

– Поверь мне, там, в футляре, серьезный аппарат, не для хобби. А сторож и так готов к налаживанию контакта, – развел руки, мол, любуйся. – И даже ужином тебя угостит. Хочешь?

– Поверь мне, серьезные аппараты – мой профиль. Камера, – протянула руку.

– Серьезные аппараты? Слушай, у меня есть такой серьезный... аппарат. И я тебе его с удовольствием... – осекся. Вздыхнул. – Ладно, я понял. Сейчас будет тебе фирменная фотосессия от Ивана Тобольцева.

Он все же расстегнул рюкзак и достал камеру.

– Свет – дрянь. Но если ты таки настаиваешь...

Теперь вздохнула Дуня, поднялась с кресла и сама подошла, чтобы аккуратно взять у Ивана фотоаппарат, который тот неохотно выпустил из рук.

– Действительно... серьезная, – подняла глаза и даже слегка улыбнулась. – Я бы сказала, профессиональная. С такой расстаться будет сложно, автостопщик, – после чего на всякий случай удалилась на безопасное расстояние. – Что ж, за предложение фотосессии спасибо, конечно, но в другой раз. А вот как залог – сойдет. Отдам завтра, обнаружив свою машинку в целости и сохранности на стоянке.

Помолчали оба, оценивающе глядя друг на друга. Все по-честному. Сделка.

– Я же той, кто всех прелестней, песнь и кровь свою отдам... и фотокамеру, видимо, – наконец сказал он. – Ладно, по рукам. Но учти, что с ней надо обращаться очень нежно. И вот, возьми футляр. Мне так будет спокойнее. Слушай, а в твоей колеснице сиденья же раскладываются, да?

– Да ты прямо деловой человек. Буду очень осторожной, обещаю. Одевайся, Дон Кихот, пойдем – покажу, как раскладывать сиденья. И ты мне должен ужин.

Второе ЕЕ правило: «Внимательно следи за своими вещами, а особенно – документами».

Глава 3

Третье ЕГО правило: «Всегда следи за тем, что ешь и что говоришь».

Ресторан оказался скромным и провинциальным – в полном соответствии с самим населенным пунктом. И все равно гораздо более приличным, чем внешний вид Тобольцева. Это, впрочем, Ивана нисколько не смущало. Когда начиная с четырнадцати лет пестуешь в себе чувство, что ты круче всех и тебе плевать на мнение окружающих – рано или поздно срастаешься с этим чувством. Вот и сейчас Тобольцев не чувствовал ни малейшей неловкости ни из-за дырки на джинсах, ни из-за не до конца просохших волос. Самоуверенность загружена в программу автопилота.

Стул перед Дульсинеей Иван выдвинул тоже на автопилоте. Потому что если тебе с самого раннего детства вдалбливают, что ты должен быть хорошим и воспитанным мальчиком, – это тоже неизбежно прирастет к тебе. Куда-то тоже в программу автопилота.

Дульсинея невозмутимо и изящно устроилась на стуле и уткнулась носом в меню. И принялась внимательно его изучать, никак не реагируя на внимательный взгляд Ивана. И как он мог так ошибиться с первым впечатлением? Высшее образование, а то и все два у нее на лбу написаны.

– Я буду салат из свежих овощей и мясо по-французски, – девушка подняла голову от меню. – И чай с лимоном. А на десерт тут только мороженое и шоколадка.

– Ты меня разоришь, – слова рождались сами собой. Неизвестно откуда. – У нас, у автостопщиков, ограниченный бюджет! Поэтому чай – без сахара.

– Хорошо, – его одали внимательным взглядом темных глаз из-под идеально изогнутой темной же брови. – Ты сказал, что приглашаешь на ужин. У меня сразу несколько вопросов. Как же ты собирался оплатить номер в гостинице, если бюджет не позволяет похрустеть сахаром? И второй. Приглашая девушку в ресторан, ты всегда сразу обговариваешь, что она может заказать, а что нет? – Дульсинея захлопнула меню. Спокойно так, без аффектированного жеста. – Договорились. Без сахара. И шоколадку я оплачу сама. Отдельным счетом.

Ивану вдруг показалось, что ему устраивают очередной нагоняй на тему «Ваня, как тебе не стыдно! Хорошие мальчики так себя не ведут» сразу и мать, и бабушка. И сразу два противоположных желания: сказать «Я больше так не буду» и огрызнуться. Однако он давно вырос и поумнел. Поэтому сделал третье.

– Давай споем все на стресс, а? И, наверное, шоколадкой я все-таки смогу позволить себе угостить царицу. В знак признательности за вкусное печенье. Между прочим, печь у тебя получается прекрасно. Почти так же, как управлять колесницей.

– Сомнительный комплимент, – ее улыбку он принял как знак примирения. Очередного. – Если учесть, что все закончилось угрозой изъятия прав.

– Ничего эти дэпээсники не понимают! – фыркнул Тобольцев. – Ни в печенье, ни в том, для чего человеку нужна Audi TT. Как ты думаешь... – Иван пошелестел своим экземпляром меню. – Можно тут рискнуть заказать рыбу? Смотри, как шикарно звучит – «рыба по-царски»! Подозреваю, что это то же мясо по-французски, только из минтая. Или они разорились на судака? Как считаешь?

– Не знаю, как принято у автостопщиков, только я в дороге всегда заказываю мясо или курицу. Хотя рыбу очень люблю. Но ты можешь рискнуть. Тем более она по-царски будет специально для тебя приготовлена.

– Царица гарантирует?

Вот. Оно снова прорывается. Странное желание ее дразнить.

– Конечно, – Дульсинея царственно кивнула.

На этом с заказом они покончили. При всем богатстве выбора.

– А скажи мне, Евдокия Романовна Лопухина, – Иван оперся подбородком на ладонь. Борода, зараза, после мытья немилосердно чесалась. – Тебя специально так называли? Фактурное же получилось имя с фамилией. Жаль, отчество подкачало.

– Фамилию и отчество, как известно, не выбирают, – с достоинством ответствовала «не-Федоровна». – А имя... не знаю. Мама говорит, что, когда меня увидела, сразу поняла, что Дуня, хотя имелись в запасе имена. И Лена, и Оля, и Света. Мама говорит, словно свыше пришло. Веришь в такие вещи?

– Из того, что приходит свыше, я верю только в атмосферные осадки. Ну, еще в метеориты. Но ты точно не Лена, не Оля и не Света. Нет! – прищелкнул пальцами. – Точно Дуня. Иначе тебя просто не могли назвать. Слушай, – серьезность собеседницы Ивана не устраивала категорически. – А чем тебе не угодили фото Мадонны, а?

– Лстец, – Дуняша все-таки рассмеялась, – и хитрец. Засыпаешь вопросами, да? Фото Мадонны никак не назовешь ретро. Даже если они черно-белые. Не вписываются в стиль сороковых-пятидесятых годов прошлого столетия. Хотя, знаешь, никак не могу привыкнуть называть двадцатый век – прошлым.

Для меня он – мое время и время моих родителей. Все же нельзя вот так цифрами поделить непрерывность жизни. Наверное, только событиями. До и после. Теперь моя очередь, о Иван, задать вопрос. Почему ты стал автостопщиком?

Опять, блин. Дуня, Дуня, ты не работала раньше прокурором? И тут им принесли заказ. Как вовремя.

– Сбегал от долгов и плохих парней. Смотри, нам принесли еду. Давай трапезничать, о Царица?

– А сам ты хороший? – Дуня ровным движением отпилила кусок мяса.

– А что, – Иван протер вилку салфеткой. Это тоже автопилот. Какого только мусора туда не записано, – так незаметно? Я же рыцарь – ты разве забыла? Как рыцарь может быть плохим?

– То, что ты благородных кровей, я вижу, – Дуня показала глазами на смятую салфетку. – Дегустируй рыбу. Мне же интересно, этот минтай царский или не очень.

И в самом деле, пора приступить к еде. И есть хочется. И отличная смена темы разговора – грех упускать. Положив в рот кусок рыбы, Иван изобразил, как мог, пантомиму профессионального дегустатора.

– Однако... Не минтай точно. Меня прямо по-царски балуют. По-моему, это хек. Хочешь попробовать хека по-царски?

– Я все же не буду нарушать свои правила, но за предложение спасибо, – она снова принялась за мясо. – Вот думаю, можно ли будет найти в Москве где-нибудь хека по-царски?

– Я знаю человека, у которого можно спросить. Это мой хороший знакомый. Он знает абсолютно все о ресторанах Москвы. А если он чего-то не знает – значит, этого просто не существует. Так что если надумаешь – можно будет сходить и оценить, чем отличается хек по-царски тут и там. – Это вот что он сейчас сделал? Пригласил ее в ресторан? Да ладно, это просто к слову пришлось. Она поймет. Спрятал собственное недоумение за еще одной порцией хека. – А вообще, знаешь, вполне съедобно. Или это я такой голодный просто?

– Я думаю, и то и другое, – Дуня с видимым удовольствием отдавала должное содержанию своей тарелки. – Но если отзывы о гостинице хорошие, то и повар должен быть неплох.

А на его внезапное предложение «на хека» она никак не отреагировала. Ну умница же! Только вместо того чтобы поощрить умницу, Иван снова принялся за прежнее:

– Ну да. Илюша плохого не выберет. Он у тебя, похоже, товарищ со вкусом.

Кажется, он даже имя это – «Илюша» – произносит иначе. С шипением каким-то. И чего взъелся на мужика, спрашивается? И так убогий – с таким-то именем.

Дуня с ответом не торопилась. Аккуратно положила вилку и нож на тарелку. И посмотрела Ивану прямо в глаза.

– Скажи, а разве ты для дорогого человека не выбрал бы лучшее? Особенно если дорога выдалась непростой? И девушка должна заночевать в пути? Как бы поступил ты?

Опять за свое, черноокая сеньорита? Иван колупнул розовый шарик в принесенной креманке.

– Блин... Не люблю клубничное. А ты любишь? Давай меняться? – но что-то ответить на вопрос было надо, и Тобольцев неохотно продолжил: – А люди, которых я могу условно назвать дорогими, слава богу, никуда не таскаются по нашим российским дорогам. Сидят себе спокойно в Коломне. Но даже оттуда умудряются выкушивать мне мозг, как ты, наверное, уже поняла.

– Я тоже терпеть не могу клубничное. Зато могу поделиться шоколадкой, – она, кажется, приняла его ответ и нежелание говорить на такие взрослые темы. Пододвинула упаковку на середину стола и тут же развеяла все надежды на несерьезное продолжение беседы: – Надеюсь, мозга у тебя много и есть его будут долго. Не условно, а по-настоящему дорогие люди.

Иван вздохнул и отломил шоколадку. Что ж ты никак не угомонишься, Дульсинея? Он уже начал немного сожалеть о своей настойчивости в отношении красной «ауди» и ее хозяйки.

– Слушай, а вот без каннибализма мозга в отношениях с дорогими людьми никак нельзя, да?

– Можно, но это, видимо, не твой путь.

Любопытно. Не его путь, значит. И много ты знаешь об истинных путях автостопщиков, Евдокия?

– Вот как. Мне уже и диагноз поставили. Слушай, – доламывая шоколад в мороженое. – А с шоколадом даже клубничное можно есть.

– Ну, ты же поставил мне диагноз, я вот тоже решила не отставать, – ответила Дуня спокойно.

– Я?! И какой же доктор Тобольцев тебе диагноз поставил? – ее спокойствие почему-то действовало на Ивана как красная «ауди» на быка.

– Он вслух не произнес его, но, по-моему, был не слишком доволен тем, как я вожу автомобиль, и вот уже второй раз упоминает Илью не совсем добрым словом. Так какой же диагноз вы мне поставили, доктор?

Вот зря она это сказала, зря. Тобольцева тут же снова понесло.

– Ой, как я люблю ролевые игры в доктора! – Иван одним глотком допил кофе. – Пройдемте в кабинет, Дульсинея. Мне надо провести осмотр перед тем, как установить точный диагноз.

– Ты прав, пора заканчивать с ужином, время уже позднее. К сожалению, ролевые игры придется отменить. Илюша, сам понимаешь, – с этими словами Дуня поднялась из-за стола и вынула из сумочки ключи. – Так что – держи. Твой номер ждет.

Ну, как говорится, попытка – не пытка. А жаль, что она перестала легко поддаваться на провокации. Привыкла, что ли?

Иван открыл перед девушкой двери из ресторана. Так, теперь ей наверх, на второй этаж, а ему – на улицу. В царскую колесницу.

Тобольцев крутанул на пальце кольцо с ключами.

– На заре ты меня не буди... – интересно, к чему это ему в присутствии Дульсиении регулярно приходит в голову демонстрировать наследие хорового детства? Так, чего доброго, он и до локков и телемарков доберется. Но все равно продолжил напевать: – У меня в бороде бигуди...

Она стояла уже спиной, и выражения лица видно не было. Но тихий смешок прозвучал отчетливо. Как и ее ответный рефрен.

*– Ты к утру убери бигуди.
Мои чувства слегка пощади.*

Она шагнула к лестнице. Он шагнул к дверям. Все же сказано уже. Все.

Нет. Лавры Баскова и Михайлова не дают ему покоя сегодня.

– А я сяду в кабриолет... – Господи, откуда в его голове ЭТО?! – И уеду... куда-нибудь...

Еще один смешок из-за спины. Уже громче. И еще веселее:

*– Только паспорт забит уже
Здесь у стойки, ты не забудь,
Когда сядешь в кабриолет...*

Он открыл дверь с широкой улыбкой. Будем считать это взаимным пожеланием спокойной ночи.

* * *

«Дурак», – пробормотала Дуня, открывая дверь номера.

«А ты уверена, что это он дурак, а не ты – дурочка? – поинтересовался внутренний голос. – Он-то и транспорт до столицы раздобыл, и переночевать где нашел. За так. А вот ты... доверила ему Коко. А если и правда угонит?»

«Не угонит, – постаралась убедить себя Дуняша. – Во-первых, имя угонщика известно заранее, во-вторых, его паспортные данные в базе гостиницы, а в-третьих – камера. И сама камера хорошая, и наверняка на ней фотографии хранятся. Фотографам обычно бывает жаль и камеры, и кадров. А с таким оборудованием обычный любитель едва ли будет расхаживать по дорогам».

Все же непростой он, этот Ваня... Дуня сходил в душ, умылась, легла в кровать, выключила свет и все это время думала о своем попутчике. Очень интересный получился разговор за ужином. Даже слишком интересный. Она так ничего о нем и не узнала, кроме названия родного города и наличия мамы, о которой и так было известно. Почему автостопщик такой скрытный? Не любит говорить о себе? Не хочет? Да, не хочет.

И у него отличное умение держать себя за столом, ровная спина, вилка-нож... отодвинул стул перед женщиной... все так естественно и легко. И камера. Профессиональная.

«И наглость вопиющая», – напомнил внутренний голос.

«И наглость», – согласилась Дуняша.

Как ни странно, уснула она практически сразу. Без сновидений. Видимо, сказался непростой насыщенный день.

Зато первым делом после того, как открыла утром глаза, – подбежала к окну проверить, жива ли ее красавица. Стояла на месте. И Дуня перевела дух. Расслабиться автостопщик все же не давал.

Приведя себя в порядок и взяв камеру, она спустилась вниз. А потом вдруг завернула в ресторан. Если сразу идти к машине, то этот... идадьго составит компанию за завтраком. А хотелось побыть одной, хотя бы некоторое время. Коко на месте, так что...

Ресторанчик предлагал нечто похожее на шведский стол. Йогурты, сыр, колбасную нарезку, яблоки и пакетики чая. Дуня набрала в тарелку еды, после чего села за столик. Открыла йогурт... и взгляд наткнулся на окно. Она еще вчера заметила это окно, очень необыч-

ное, словно разделенное на три части. Две из них были с простым стеклом, через которое щедро просачивался яркий утренний свет, а средняя часть – витраж. И все это было так здорово и аккуратно сделано... а если еще, допустим, повторить орнамент витража на двери или точно по потолку, чтобы получить сочетание...

В зале почти никого не было. Женщина, которая присматривала за рестораном, куда-то ушла, постояльцы, видимо, еще не встали, только двое мужчин сидели за столом прямо у того самого окна и вели тихую беседу. Но если сделать все осторожно, то они ничего и не заметят – так заняты разговором.

Дуня вынула из сумочки телефон и обнаружила, что за ночь зарядка села. Блин. Взгляд упал на камеру. Нет, ну а что? Она же автостопщика до Москвы довезет? Причем бессовестного автостопщика, который забрал ее права! А тут всего лишь один кадр. Один! И то по делу. Потом он скинет ей фото на электронную почту. Не так уж и сложно. Дуня открыла футляр и аккуратно вынула камеру, стараясь все делать тихо, чтобы не привлекать внимания мужчин. Опустила фотоаппарат на колени и включила его. Профессиональные камеры – это не мыльницы с двумя кнопками, в них надо уметь разбираться. Но ей повезло. Однажды она уже имела дело именно с таким аппаратом. А в зале звучала негромкая музыка, так что даже если камера даст характерный щелчок – он будет заглушен. Так... быстро поймав фокус, Дуня нажала на кнопку. Потом еще раз. И еще.

Потом снова опустила фотоаппарат на колени и проверила кадры. Кажется, получилось четко. Осталось только убрать камеру обратно в футляр и приступить к завтраку.

Через четверть часа Дуныша вышла на улицу проводить Коко и автостопщика. Встретили ее... ноги, высунутые из приоткрытого окна. В красных, между прочим, носках! Видимо, он тоже предпочитал красные средства передвижения.

Дуня заглянула в окно и увидела, что владелец носков... спит! Однако. Кажется, не очень он торопился в Москву. А вот Дуня как раз торопилась очень. Поэтому постучала пальцами по стеклу:

– Так можно и завтрак проспять!

* * *

Его сны были полны чем-то приятным, мягким и воздушным. Там слышался негромкий смех, пахло кожаным салоном дорогого авто и мелькали тонкие пальцы с алым маникюром. Кажется, эти пальцы гладили его по голове. Или по лицу. Или... барабанили по стеклу?!

Иван прищурился на яркое, бьющее akurat в левый глаз солнце. Приподнялся на локтях, поморщился на занывшую спину – устроиться на разложенных сиденьях царской кареты так и не удалось толком, пришлось открывать окно и высовывать наружу ноги. И, кажется, их покусали голодные майские комары. И около его покусанных ног стояла Дульсинея. Свежая, бодрая и... и недовольная.

– Автостопщик, доброе утро! Скоро полдень будет, а ты все спишь!

Ну да, кто-то спал в удобной и мягкой постельке. Поэтому может позволить себе прямо с утра с места в карьер начинать воспитывать других людей.

– Я не сплю. Я бигуди снимаю! – пробурчал Иван. Поднес руку с боевыми Suunto к глазам. – И вообще... Еще даже нет одиннадцати!

– Нет, если тебе не надо в Москву, то ты, конечно, можешь продолжать, только права отдай. А мне, знаешь ли, работать завтра. Поэтому решай: встаешь и завтракаешь или остаешься здесь.

Утренняя Дунина невозмутимость и снисходительная усмешка действовали не хуже ударной дозы кофеина.

– А ты принесла завтрак? – он наконец-то втянул ноги внутрь и выглянул, облокотившись, в окно. – Где кофе, Дульсинея?

– В ресторане, конечно. И скоро, между прочим, закончится.

Непоколебима, как швейцарский банк! Иван толкнул дверь машины, вынуждая царицу отступить назад. Сладко, с чувством потянувшись, втайне надеясь, что напрягшийся бицепс и полоска вполне пристойного пресса будут замечены и оценены. Ну а что? Ваня девушкам обычно нравился. Бицепсом и прессом – точно.

– Полное отсутствие христианского милосердия, – к его разочарованию, никакого внимания к своему прессу Иван не увидел. – Я могу принять душ в твоём номере?

– Вообще я принесла тебе камеру. Целую и невредимую. Сторожила всю ночь от лихих людей. Разбудила, чтобы ты успел на завтрак, и да, готова предоставить ванную. И после этого ты ещё будешь намекать, что Дульсинея попала не та?

Как он мог не заметить, что она держит в руках футляр, – это вопрос занятный. Почему в первую очередь пялился на её немного небрежную причёску, алый лак и колёнки? Пропади они пропадом, её колёнки! Чулки или колготки в этот раз? Вцепился, как утопающий в соломинку, в протянутую камеру.

– Ты ж моя прелесть! – демонстративно чмокнул в тёплый чёрный пластик. – Как я по тебе скучал! – а затем, среагировав на иронично вздернутую бровь: – Дульсинея самая лучшая! В этих краях точно. Если ты закажешь мне двойной эспрессо, пока я принимаю душ, я облобызаю край твоего платья.

Изгиб стал ещё ироничней и невозмутимей.

– Давай так. Я обойдусь без лобызания платья как-нибудь, а ты сам себе закажешь эспрессо.

– А за поцелуй колёнки?

Откуда в нём взялось это ослиное упрямство, Иван и сам не мог понять. Вообще-то он гордился своим умением договариваться. Но тут был какой-то совсем особый случай. Во что бы то ни стало добиться своего. Знать бы ещё – чего?

– То есть ты уверен, что мне нравится поцелуй колёнки? – ироничный изгиб обозначился теперь и в уголке губ.

– А тебе часто целовали колёны?

– Бывало. И всегда неудачно.

Конечно, неудачно. Что человек, которого зовут Илюша, может понимать в поцелуях женских колёней? Особенно таких... офигенных.

– Вот! Поэтому советую довериться профессионалу! Выбирай: левая или правая?

– Никакая. Если не хочешь получить колёнкой в лицо. У меня это зона щёкотки. Так что, автостопщик, пока я не передумала – иди в душ. На ванну и завтрак даю тебе полчаса, – с этими словами девушка повернулась и пошла к гостинице.

Ну совсем непрошибаемая она сегодня!

– А кто щёкотки боится, тот, как говорит моя бабушка, ревнивый, – крикнул ей уже вдогонку. Она не убавила шаг. – Эй, ключи-то от номера дай, ревнивица.

– Догонишь – отдам.

Он не поверил своим ушам. Просто не успел – потому что тут же сорвался с места, в два шага оказался рядом. Она не обернулась на его шаги. Замерли оба. Иван из-за спины подал ей руку раскрытой ладонью вверх. И почему-то шепотом и на ухо сказал:

– Ключи от сокровищницы, сеньорита!

Какое-то время она молчала. Потом аккуратно отвела его руку и обернулась. Окинула его внимательным взглядом – от головы до... Черт. Он так и помчался за ней. В носках.

Ему протянули ключи со словами: «Время пошло». А Дульсинея развернулась и пошла обратно к машине. Она почти дошла, а он все стоял и смотрел ей вслед.

И только когда она открыла дверь, Иван словно очнулся. Босиком. Как придурок, босиком. В красных спайдерменовских носках.

– Подожди! Я кроссовки возьму, – и рюкзак. В котором права Дуни.

Упаковав камеру в рюкзак, закинув его за плечо и воссоединив спайдерменов и росинантов, Иван двинулся к гостинице. То, что он при этом напевал: «Утро туманное, утро седое», его уже не удивляло. Ну, проснулась в человеке вбитая еще в детстве музыкальность – с кем не бывает? И вообще, гены – страшное дело. А если уж у тебя мама – преподаватель по классу фортепиано...

Вот об этом в том числе думал Ваня, принимая душ. Чистоплотность – это тоже маменькой вшито в автопилот. За месяцы путешествия приходилось поступаться многим, в том числе и гигиеной. Но чем ближе была... нет, даже не Москва, которую Иван привык считать своим домом, а родная Коломна, а с ней и квартира на улице Дзержинского, и Ида Иванова и Антонина Марковна Тобольцевы, – тем быстрее исчезал вольный рыцарь дорог – обросший бородой, похудевший килограммов на пять, не ночевавший за последние несколько месяцев дважды на одном месте, и появлялся хороший мальчик Ваня Тобольцев. Который всегда держал спину прямо, мыл руки перед едой и кушал с закрытым ртом. Иван вздохнул и поскреб щетину. Почему-то чем ближе к Москве, тем сильнее чесалась образовавшаяся за эти месяцы на лице растительность.

А дальше утро пошло-покатилось. Пока он пил кофе, Дуня собрала вещи и сдала номер. И вот снова ставший за проведенную совместно ночь почти родным салон красной «ауди». Замелькал за окнами город Шацк – выглядящий в свете дня ничуть не лучше, чем вечером.

Они молчали и когда проехали знак выезда из города. И когда мощная немецкая машина набрала крейсерскую скорость и встала на курс. Молчали, пока не раздался звонок Дуниного телефона.

– Привет... Да, уже еду... Все в порядке, позавтракала... Знаешь, я теперь вообще боюсь загадывать с дорогой. Конечно, хотелось бы увидеться сегодня, но если приеду поздно... Что? ... Ты собираешься побороться за этот заказ? Здорово! Когда тендер?... Надо срочно готовить документы. Конечно, если чем могу помочь, хотя там готовый проект... Но, знаешь, как можно? Скинь картинку на почту, я подумаю. Ты можешь не просто обсчитать и предложить свою цену, но и иметь пакет дополнительных предложений. Неважно, что все утверждено. А что, если твои дополнительные предложения понравятся?... Да, конечно. Тогда сегодняшней ужин отменяется. Ты должен успеть все подготовить. Давай завтра... Тоже соскучилась... Хорошо, договорились. Я подумаю... напрашиваюсь, да... Я тебе вечером позвоню, как доберусь до дома, не волнуйся... Да... Целую.

Во время разговора с ее лица не сходила улыбка. Чему улыбаешься, Дульсинея? Тому, что тебе Илюша позвонил? Что у него заказ? Тоже мне заказ... Киллер прямо. Готовый проект, пакет предложений. Тоска какая, зубы начинают ныть от таких слов. Соскучилась? Да как по этому всему можно соскучиться? По тому, что утверждено и к чему имеются дополнительные предложения? Вот по небу над кенийской саванной можно скучать. Потому что оно огромное и бесконечное.

Иван погладил красную бусинку на запястье. Целуешь? Целуй. Троекратно. В десны. Сама напросилась.

Евдокия убрала телефон обратно в сумочку. Тобольцев натянул очки на нос, сполз по креслу чуть ниже и отвернулся к окну. Через секунду убавленная при звонке музыка зазвучала на полную громкость. Сбавившая ход при звонке машина снова покатила по дороге в полную силу.

* * *

Пока все шло без приключений и неприятностей.

Они уже миновали Кирицы и чудесный замок на берегу озера, который никак не мог находиться в самом сердце Рязанской области. Совершенно заграничный особняк. Европейский. Западный. А Рязанская земля... это... это бескрайние поля и полосы лесов, это россыпь деревушек и небольших городков. Рязанская земля – это... Есенин.

*Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.*

*Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.*

*Там теперь такая ж осень...
Клен и липы, в окна комнат
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.*

Вот и она, как некогда Есенин, уехала. Любила ли Дуня Москву? Несомненно, любила. Ей нравился этот большой город, перенаселенный, спешащий, с миллионами машин на широких проспектах, с офисами, театрами, магазинами. Безумный. Безалаберный. Прекрасный. Она окуналась в него и чувствовала себя своей. Москва не отторгала ее, Москва принимала. Давай, девочка, иди, борись, живи! И Дуня шла... и все же... все же... все же... Было кое-что, чего Москва, как и большинство городов, дать не могла.

Природу. Простор. Березовые рощи. Поля с васильками. Ту особую опьяняющую свободу, которую возможно почувствовать только стоя на крутом берегу реки, когда на другом берегу видны леса, подернутые синеватой дымкой. И дышится полной грудью, и можно кричать во весь голос, а лучше просто упасть на траву, широко раскинув руки, и глядеть, как в высоком-высоком небе парит птица.

*О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.*

*Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.*

Дуня ехала по этим есенинским местам и чувствовала, как сердце сжимается, как хочется остановиться, схватить телефон, нащелкать окружающих просторов и покосившихся домиков с резными наличниками, полупустые деревни – эту боль русской земли – и увезти с собой. В

Москву! Туда, где все бежит, бурлит, живет. Туда. Чтобы не забыть, какая она – ее земля. Ее страна.

И все же не выдержала. И все же свернула на обочину и остановила Коко.

– Что случилось? – спросил автостопщик.

– Ничего. Просто устала сидеть. Если хочешь, можешь тоже размяться.

Не глядя на него, Дуня покинула машину и, пройдя сквозь неширокую полосу деревьев, вышла в поле. Тонкие каблучки проваливались в землю. Но она не обращала на это внимания. Она слышала, как где-то позади в высоких деревьях переговариваются веселым щебетом птицы, видела, как заходитесь молодой зеленью заброшенное поле, а вдали виднеются крыши домов. И шум трассы остался в стороне. А здесь, на этом поле, начинающем зарастать кустами, время замедлило свой бег. И везде мать-и-мачеха...

Когда она возвратилась в машину, умиротворенная, впитавшая в себя частичку этой весны с ее полями, небом, свежим воздухом и только распустившейся, еще не потемневшей зеленью, автостопщик сидел на своем месте. Дуня не задалась вопросом, выходил он или нет. Главное, что можно продолжить путь.

– Я планирую остановиться в Рязани на обед, – сказала она, поворачивая ключ зажигания.

– Обед – это прекрасно, – тут же отозвался попутчик. – Поддерживаю. И даже снова могу угостить.

– И даже готов спонсировать кусочки сахара?

– Бери выше! То-о-орт! В Рязани же найдется торт, в отличие от Шацка?

– Конечно, найдется, – улыбнулась Дуня. – Ты какие любишь?

Она так с улыбкой и выехала на трассу. Ну надо же, нашли тему для разговора. Торты!

– Чтобы было шоколадное тесто. Шоколадный крем. Шоколадная глазурь, – с вдохновением принялся рассказывать Иван. – И сверху посыпано шоколадом.

– Хорошо, я знаю, где продаются торты, от которых выступает диатез по всему телу.

– Не дождетесь! И потом, спорю на свою левую кроссовку, что ты тоже любишь шоколадные торты. Только девочки стесняются в этом признаться.

И тут Дуня все же повелась на провокацию. Внутренний голос молчал. Коко ровненько катила по дороге. Всем было интересно, что же дальше... А дальше Дуняша заявила:

– Отдавай ее сюда. Кроссовку. Ты проспорил, – потом подумала и добавила, решив сделать широкий жест, – но, если угадаешь мой любимый торт, я готова вернуть тебе обувь.

– Сколько у меня попыток? – по-деловому поинтересовался автостопщик-лишившийся-левой-кроссовки.

– Я сегодня щедрая, – не отрывая взгляда от едущего впереди грузовика, проговорила Дуняша. – Три.

– А подсказок сколько – раз уж ты такая щедрая?

Машина катила неторопливо, полоса была узкой, встречная радовала потоком транспорта, обогнать не было никакой возможности. Коко загрустила вместе с Дуняшей, поэтому от тоски могла спасти только азартная игра, ставка в которой – левая кроссовка.

– Подсказок будет две.

– Истинно царская щедрость. Вопрос первый – на какую букву начинается?

– Ну уж нет! Так нечестно! Если я скажу букву, то ты сразу догадаешься. Я могу сказать цвет!

– Цвет? – в голосе послышалось очень искреннее изумление. – Что – он не коричневый? Вот проходимец!

– А что – коричневый? – с таким же искренним изумлением поинтересовалась Дуня.

– Ладно, я готов удивляться тому, что бывают не коричневые из-за шоколада торты. Какого цвета твой любимый торт? Ой! А я знаю. Красный!

– Ну, вообще-то есть торт «Киевский», и он белый. Красный я тоже видела. Так что, говорить, какого цвета мой любимый торт?

– Говори.

– Коричневый.

Невозмутимость далась ей очень тяжело. Но тем не менее Дуня записала этот раунд за собой, ибо не дала ему раскрутить себя на дополнительную подсказку.

– Коричневый и не шоколадный?! – подивился автостопщик.

– Коричневый и с орешками, – ответила она. – Все подсказки закончились.

Грузовик наконец повернул направо, и Коко от радости поехала быстрее.

– Прага? – сделал ставку Иван.

– Нет.

– Что – нет? Твоя очередь. Называй город на А.

И тут Дуня расхохоталась. Она смеялась негромко, но так весело и заразительно, что ее пассажир не выдержал и тоже пару раз хмыкнул. Хитрец! Меняет по ходу правила игры? Тем интереснее.

– Астрахань. И у тебя две попытки возвратить кроссовок.

– На Н, значит... Наполеон?

– Ладно, третья подсказка, так и быть, – смилостивилась Дуняша, обгоняя старенький жигуленок. – А то автостопщику в одной кроссовке никак. Новосиль.

– На Л, значит? Спасибо за подсказку, теперь сообразил. На букву Л. «Любимый торт Дуни Лопухиной». Вот. На букву Л, все точно.

– Ну-у-у?

– Он так и называется. Л-л-л-любимый.

– Правда? – поинтересовалась Дуняша, с ее лица не сходила улыбка. – И он коричневый? И с орешками?

– Точно так, – очень серьезным тоном подтвердил Иван.

– И как же ты теперь в одной кроссовке пойдешь в кафе покупать мне торт «Ленинградский»?

Он рассмеялся.

– И не из таких передраг выбирались. «Ленинградский». Надо же... И города-то такого уже нет. И, если честно, я ни черта не разбираюсь в названиях тортов. Я их только есть умею. А вот что ты будешь делать с моей кроссовкой, в которой я проехал от Москвы до Владивостока и обратно?

– Ну, тут много вариантов. Например, могу ее обменять на свои права.

Смех перешел в хохот. Дуня сделала непроницаемое лицо.

– Что ж ты так дешево свои права ценишь, Дунечка? Там... скажу тебе по секрету... пятка уже дырявая. Давай лучше две порции торта?

– Вот что-то мне подсказывало, что такой вариант не пройдет, – спокойным голосом заметила она, не собираясь заканчивать игру и раздумывая над следующей ставкой. – Хорошо... тогда один торт... и... около Москвы есть рынок, ты купишь три саженца в обмен на свою кроссовку.

Он больше не смеялся. В машине воцарилась тишина.

– Ты полна сюрпризов, Дульсинея, – наконец проговорил Иван. – А что мы будем делать с саженцами... чего, кстати?

– Не мы, а я. Посажу их около дома. И вырастут деревья. А какие именно саженцы – решать тебе.

– Обалдеть. Хорошо. Договорились. Будет тебе и торт, и саженцы. Чего не сделаешь ради дырявых, но любимых кроссовок.

– Ну вот и славно, – кивнула головой Дуняша, сбавляя скорость.

Впереди была авария. Хорошо, что несерьезная – помятые бока и разбитые фары. Но машины заняли всю полосу, чтобы объехать, предстояло пройтись по встречной. Стало не до разговоров. Дуняша полностью сосредоточилась на дороге. Автостопщик им с Коко решил не мешать.

Рязань встретила легким дождиком и светофорами. Не сказать, что Дуня хорошо знала город, но в поездках к маме всегда останавливалась здесь на перекус, поэтому пара-тройка мест на примете была. Быстро перестроившись в нужный ряд, она без проблем свернула в переулочек и остановилась около маленького кафе.

– Приехали.

Это было тихое и уютное заведение. Дуняша поднялась на второй этаж, где стояло всего четыре столика. Иван последовал за ней. Официантка пришла быстро, и оба, недолго думая, заказали комплексный обед, попросив оставить карту десертов. Спор есть спор. Однако изучить торты они не успели, потому что зазвонил телефон, и по мелодии Дуняша сразу поняла, что автостопщика желает услышать мама. Ей показалось, что он даже поменялся в лице. Неудовимо, почти нет, только выражение словно застыло – стало маской. Иван не ответил, лишь зажал в руке мобильник и, бросив: «Извини», быстро спустился вниз. Оно и понятно. Вести разговор с родными всегда лучше в одиночестве. Официантка принесла салаты и сок.

Дуня придвинула к себе стакан и только собралась сделать глоток, как в зал поднялся новый посетитель. Увидев девушку, он бесцеремонно подсел к ней.

– О, какая красавица, и одна.

Она никак не отреагировала. Начала пить сок.

– Это мы очень гордые, да? Ломаемся? Да знаешь, сколько у меня таких было?

Дуня молчала. Он явно был на взводе и слегка нетрезв.

– Говорить не будем? – схватил ее за руку.

– Если вы не отпустите меня, я вызову охрану.

Страшно не было. Все-таки день, центр города, приличное кафе, но... неуютно. Неуравновешенный мужчина. С такими надо быть настороже. Его пальцы слишком сильно держали ее руку. Как вызвать официантку? Криком? Пока Дуня размышляла, мужчина придвинул к ней свое лицо:

– Что же так неласково, а? Только за деньги, да? Все вы одинаковые. Только за деньги готовы...

И тут его перебили:

– Милая, ты заказала мне салат?

Дуня выдохнула. Кажется, иногда автостопщикам действительно удается примерить на себя рыцарские доспехи.

* * *

Нет, Дульсинею нельзя оставить даже на десять минут! Только отлучился для отчета маменьке – уже кто-то к ней клеится. Крепко поддавший мужик сколь-нибудь серьезной опасности не представлял, но то, как держал ее за руку и как близко наклонился, Ивану резко и совсем не понравилось. До зуда в кулаках даже. Вот только голова у Тобольцева всегда срабатывала раньше кулаков. Несмотря на то, что Тин ему твердил: «Ты не думай, ты бей!» – не думать Иван не мог. И сейчас было проще обойтись миром.

– Конечно, милый, – она мгновенно ответила ему. Дуэт у них уже сыгранный, однако. И высвободила свою ладошку из лап обернувшегося на голос Ивана местного выпивохи. – Сейчас и горячее принесут.

– Отлично. Спасибо, солнышко. У вас какое-то дело к моей жене? – Иван подошел вплотную и демонстративно навис всеми своими ста восемьюдесятью шестью.

Тот соображал долго. Около минуты. Потом с кряхтением встал.

– Прощенья просим. Ошибочка вышла. Извини, мужик, обознался.

И нетвердой походкой пошел к лестнице.

– Вот скажи мне, – Тобольцев устроился напротив, – как ты путешествуешь, когда меня рядом нет? Кто тебе меняет колеса, спасает твои права, караулит твою машину и отбивает тебя от алкашей? А ты еще не хотела меня в машину брать!

Она хотела что-то ответить. Но тут принесли заказ, и торт оказался вкусный, и кофе сносный. А еще Ивану показалось, что она все-таки немного, но испугалась. Несмотря на всю свою внешнюю невозмутимость. А может, и не надо было думать, а правда вмазать этому крептину, который по пьяни берегов не видит. Раз уж удар Тихон Ивану все равно поставил.

* * *

Они ехали уже около часа – ехали в умиротворенном тортом молчании. Дуня была занята машиной, иногда негромко под нос подпевая музыке из приемника. Иван... Иван думал. Обо всем понемногу.

О снимках, которые он сделал во время предпоследней остановки, когда Евдокия притормозила, чтобы размять ноги. И пошла куда-то прочь. Нет, сначала Иван подумал про то, что причина остановки прозаична. Потом подумал, что девочки ЭТО в кустах не делают. А потом какого-то хрена все-таки поперся за ней. Ну а вдруг там медведь?

Ее яркий шарф сигнально обозначал Дунино местонахождение издалека. Она стояла в начале поля. И почему-то казалась не инородной деталью, а естественной частью всего, что ее окружало, – весеннего неба, проснувшейся после зимы земли, зеленой дымки деревьев с краю

поля и россыпи желтых цветов под ногами. Она была частью всего этого, и все это выглядело так странно и гармонично одновременно, что руки потянулись к камере сами.

Думал еще о том, где ему пристроить голову в Москве. Своего жилья у Ивана не было. Оно ему просто не нужно. Куча друзей, у которых всегда можно перекантоваться пару недель – между проектами. На крайний случай, всегда можно снять квартиру. Вещей у Ивана было немного, он с ними легко расставался. Гораздо проще купить новые джинсы, кеды, рубашку, зубную щетку, чем обрастать хламом. Это все чушь и мелочи. За исключением камер и объективов, разумеется. Это была его единственная ценность. То имущество, которым Иван по-настоящему дорожил. Ну, еще ноутбук. Часть оборудования хранилась дома, в Коломне. Остальное было распахано по самым проверенным друзьям. Тобольцев отжал две трети сейфа в кабинете Тина Тихого и там держал самое дорогостоящее. Еще одна часть была передана Росе Ракитянскому. Друзья ворчали на Ивана, но он был уверен, что все его сокровища у них находятся в полной безопасности.

И еще размышлял о том, что нужно будет делать с отснятым в поездке материалом. Уже просчитывал, сколько времени уйдет на обработку, кому надо позвонить в первую очередь, а кому во вторую. И где и у кого ему пристроиться с целью поработать на ближайшую пару недель. И все-таки самый насущный вопрос – куда притулить голову конкретно этой ночью.

– Коломна, – в его размышления вторгся голос Дуни. – Твой город. Я могу проехать через него.

Надо же. Запомнила. При Евдокии Лопухиной лучше крепко следить за тем, что говоришь, – это Иван понял теперь четко.

– Нет, спасибо, – не готов Ваня пока к общению с женщинами семейства Тобольцевых. Да и потом – ему надо довести свой автостопный проект до логического конца. То есть – до снимков. И денег. А то, как писал классик, поиздержался в дороге. – У меня дела в Москве. Мне нужно туда.

– Хорошо, – она решила не задавать ненужных вопросов. – Тогда проедем без светофоров по окружной.

Машина взяла нужный курс. Вскоре они уже огибали город, и через четверть часа слева стала видна панорама, та, что часто изображается на сувенирной продукции, – главы монастырей и купола Успенского собора. Совсем не видно Москвы-реки, разделяющей Коломну и поле около окружной. Старый русский город, оставшийся в стороне, и уже вечеряющее, окрашенное глубокой синевой небо над ним.

И вот Коломна позади, а потом и Воскресенск, а за ними и Бронницы.

Бронницы – это середина пути между Коломной и Москвой. Так Ване всегда объясняли в детстве, когда возили на новогодние елки в столицу и надо было два с половиной часа трястись в электричке. Скуотища. Вот он каждый раз и ждал этих Бронниц. Сейчас можно не ехать через весь город, а взять влево. Что Дульсинея и сделала.

– Ты хорошо знаешь дорогу, – заметил он.

– Просто еду не в первый раз, – пожала она плечами.

И снова повернула. А через какое-то время машина прижалась к обочине. Причина была ясна как на ладони – перед ними раскинулся садоводческий рынок.

– Ну что, Дон Кихот, готов вернуть свою левую кроссовку? – Дуня вытащила ключи из замка зажигания.

Упрямая. Про Коломну не забыла. Про саженьцы – тоже.

– Пока она на моей ноге, если ты не заметила, – Иван ступил предметом разговора на обочину. – Так что возвращение носит формальный и даже благотворительный характер. Ты выбрала, что хочешь видеть у себя под окнами – бонсай или баобаб?

– Она на твоей ноге только благодаря моему великодушию. Это если не понял ты, – Евдокия щелкнула центральным замком. – Неужели считаешь, что баобаб выживет в наших широтах? Может, что-нибудь попроще? Типа груши?

– Слушай, а если я сейчас не куплю эти деревья – как ты будешь забирать свой трофей? – Они двинулись к ближайшей россыпи того, что оба дружно посчитали саженцами. – Снова силой? Повалишь на землю и начнешь стаскивать с меня кроссовку, великодушная ты моя?

– Начнем с того, что объявлю тебя нечестным человеком. А что может быть страшнее для идальго, чем слава не держащего слово рыцаря? – Дуня остановилась посреди прохода и ожидающе скрестила руки под грудью.

– И герольды трижды провозгласят о моем позоре с крепостных стен? О горе мне. Тогда пойдем покупать груши, если ты не хочешь баобаб.

– А ты разбираешься в грушах? – спросила она, когда они остановились около одного из торговцев.

– Конечно. Я два месяца снимал тренировки боксеров. Я в грушах очень хорошо разбираюсь, – Иван и малину от смородины не отличит. А тут груши.

– Ты понимаешь, конечно, что если купишь именно такую грушу, то наш двор прикроют? Ведь там по вечерам будут собираться местные боксеры, а ушлые зрители начнут делать ставки.

Тобольцеву стоило значительных усилий сохранить серьезное выражение лица. Продавец смотрел на них с явным недоумением. Но вмешиваться с рекомендациями пока не решался.

– Зато я обеспечу тебе ежевечернее зрелище, и ты будешь меня вспоминать каждый вечер добрым тихим словом. Мы берем вот эти три груши, – это было сказано уже продавцу.

– Хороший сорт! Ранний, морозостойкий, – воодушевился худощавый мужчина, торгующий саженцами. – Только... – неуверенно, – это яблони.

– С грушами – не судьба, Дуня, – хмыкнул Тобольцев. – согласишься на яблони без бокса?

– Три яблони под моим окном, о Иван? – она обхватила подбородок пальцами в задумчивом жесте. – К ним нужны забор и Сивка-Бурка.

– Зачем?! – Теперь она умудрилась его удивить.

– Ну как же, к молодым яблокам полагается высокий забор, Сивка-Бурка, чтобы его перепрыгнуть, ну и... девица, которая уже есть, – Дуня так по-всамделишному потупила глазки.

То ли рассмеяться. То ли разозлиться. Продавец груш, оказавшихся яблонями, потихоньку начал упаковывать саженцы и с любопытством косился на них.

– Ты такая взрослая девочка, Дуня. И веришь в сказки?

– А как же в них не верить, если Иван... стоит тут?

У нее странная особенность. Умудряться пробивать его годами наращенную самоуверенность. Хмыкнул, пряча недоумение.

– Иван-дурак? Или Иван-царевич?

– А ты не представился полным именем.

Он мог бы отшутиться. Он мог бы огрызнуться. Он мог бы... Но ответил честно и почти серьезно:

– Да? Какое упущение с моей стороны. Позвольте представиться. Царь. Просто Царь. Он же Иван... вздохнул. – Иванович. Тобольцев. Тридцати двух лет от роду. Не женат. Не привлекался. Не состоял. Но сочувствовал.

– Ого! С царя просто так забор не потребуешь, казнить может. Обойдемся яблоками. Ну что, покупаешь? – поинтересовалась Евдокия.

Эти сомнения в его платежеспособности Ивана уже порядком утомили.

– Покупаю! – и даже портмоне достал.

Сервис на рынке был на высшем уровне – Тобольцеву даже помогли дотащить саженцы до машины и уложить их в багажник. Конструкторы немецкого концерна явно не предусматривали возможности использования спортивной Audi TT как сельскохозяйственной единицы, но все-таки они втроем с этой задачей справились.

– Было приятно познакомиться, царь. – Басовито заурчал мотор. – Возвращаю вашу царскую кроссовку. Похоже, рыба в Шацке была волшебная. За одну ночь сделала из Ивана царя. Видимо, то был не хек, а щука.

– При чем тут рыба? Просто с царицей в колеснице место только царю. Вот и пришлось...

– Соответствовать, – закончила за него Дуня, поворачивая ключ зажигания. – Понимаю.

Да ладно? Понимаешь? Странное, иррациональное ощущение, что она – понимает. Глобально – понимает.

На подъезде к столице машин стало все больше, образовались заторы, потому что светофоры сдерживали поток транспорта, стремящегося в Москву, и уже у Люберец образовалась пробка. Ничто так не изматывает в дороге, как передвижение со скоростью черепахи. Но оказалось, что передвижение черепахи – это цветочки, потому что МКАД стоял намертво. Справа машины, слева машины, загазованный воздух, радио, которое уже надоело слушать, недостаток кислорода и, как следствие, начинающаяся головная боль. Во всяком случае, Ивану показалось, что у царицы голова начала болеть, потому что Дуня все чаще терла пальцами виски. А МКАД все стоял. До тех пор, пока не стала ясна причина – авария, которая сужала поток.

Когда же наконец они почти приблизились к шоссе, Дуня поинтересовалась:

– Тебя где высадить, царь Дон Кихот?

Вот он. Вопрос, который занимал и самого Тобольцева уже пару часов. И он с удивлением услышал собственный ответ:

– А можно меня высадить, как саженцы? Туда же?

– Ты собираешься ночевать на скамейке у моего подъезда? – последовал безмятежный вопрос.

Нет. Он собирался ночевать в ее квартире. Это Иван с удивлением для себя осознал минут пять назад. Ну ведь от добра добра не ищут! Ему с ней комфортно. Сутки в пути – и ни изжоги, ни раздражения. Интересно и... удобно. Невероятное сочетание. Зачем кому-то звонить, упрашивать приютить на ночь, если есть она... И без этого... как его... Илюши. Судя по телефонному разговору. Осталось ее убедить. А это Иван умеет.

– Я же твой верный рыцарь, разве нет? – забросил он пробный шар.

Машина в это время свернула на Волгоградку, которая тоже стояла наглухо. Дуня в сердцах выругалась.

– Вот блин! И здесь беспросветно. Ладно, постоим. Знаешь, верный рыцарь, на метро тебе будет намного быстрее. Говорю серьезно.

Она была серьезна, да. Серьезнее некуда. Однако надо делать намек толще.

– Метро, метро... – Иван вздохнул. – Дело в том, что торопиться мне до завтрашнего утра совершенно некуда.

Пробный шар закатывался долго. Дуня внимательно смотрела в лобовое стекло. А потом вдруг спросила – тоже в лоб. Как в стекло.

– Тебе что, идти некуда?

Еще одна ее чудная привычка – задавать прямые, откровенные, серьезные и неудобные вопросы. В мире, где все и всем врут и всё, кроме денег, не всерьез, такая особенность была странной. Но для Ивана это было сейчас даже удобным.

– Ну почему же... – начал Тобольцев расчетливо. – У меня много друзей... Да, – вздохнул. – Ты права. Некуда. У меня нет постоянного жилья в Москве. И мне надо было бы похорошему сойти в Коломне – там у меня... дом. Но мне позвонила мама – бабушку экстренно госпитализировали в Москву. И завтра с утра надо пойти к ней, узнать, как дела, может быть,

лекарства нужны или что-то еще. Мне бы где-то переночевать. Чтобы завтра с утра пораньше попасть в больницу.

А что? Хорошо получилось. Достоверно. На скорую руку, но вполне. Однако особого восторга публики не наблюдалось. Внимательный взгляд на дорогу.

– А что с бабушкой?

Импровизируем. Фантазируем. Но умеренно.

– Что-то с сердцем. Я точно не знаю. Мать не сказала.

– Ясно. А где она? В какой больнице?

Поверила? Ты поверила, Дульсинея?! Чудеса.

– В Склифе, – а почему бы и нет?

– Хочешь, я подвезу тебя туда?

Час от часу не легче. Что ж ты внезапно сердобольная-то такая, Дульсинея?

– Сейчас? Меня туда не пустят – поздно уже.

– Да? – гладкий лоб перерезали морщинки. – Честно говоря, я не знаю, какие там часы приема. Если отвезли в Москву... давай верить, что все будет хорошо. Она у тебя по характеру какая? Боец?

Все чудесатее и чудесатее. Самое чудесатое, что ответы выходили честными – насколько это возможно в сложившейся ситуации.

– Она у нас по характеру командир. Атаман. Генерал.

– Это хорошо... хорошо... – потом опять надолго замолчала, смотрела перед собой и легко барабанила пальцами по рулю. Тобольцев вдруг понял, что даже догадаться не может, о чем она думает. И что ответит на его возмутительно наглый подкат. А Дуня выдохнула. – Хорошо, переночуешь вместе с саженцами. И мы расходимся.

О-фи-геть. Получилось. Да еще так легко. А ты рисковая, Дульсинея.

– Спасибо! – это он сказал вполне искренне. Но не удержался от провокации: – А «переночуешь вместе с саженцами» – это же не значит, что в багажнике? А то я и в салон-то еле влез, что уж говорить о багажнике.

– Саженцы не будут ночевать в машине. Это же молодильные яблоки – как можно их оставить в багажнике?

Тобольцев все никак не мог прийти в себя от того, что она так легко согласилась пустить к себе на ночь человека, которого знает чуть более суток. А может быть, не только переночевать, но и... Да нет. Не может быть. Там же есть Илюша, по которому она скучает и целует. Да какая ему разница? Своей цели Иван достиг, и теперь можно расслабиться и ждать, когда они доберутся до ее квартиры. Тихо и спокойно ждать. Угу, как же. «Тихо и спокойно» – это не про Тобольцева.

– Как я рад. За саженцы и за себя лично. Обещаю вести себя прилично, опускать за собой сиденье в туалете и не петь в душе. И вот, – достал из рюкзака права. – Я же обещал. Держи.

Потому что ему немного, но стало стыдно за свое вранье. За то, что она поверила. Поэтому получи свои права, Дульсинея. В качестве компенсации.

– Ты великодушен, – она сунула права в сумочку, словно бы и не удивившись. – Осталось только выбраться из затора.

Тем временем на город спустились сумерки. Поток машин сдерживали ремонтные работы, которые начинались в вечернюю пору. Когда они миновали строящуюся развязку, ехать стало веселее. Но Дуня утомилась, он это видел, и была молчалива. Наконец она припарковала машину около супермаркета:

– У меня дома нечего есть. Надо хотя бы хлеба купить.

Еще и хозяйственная! В животе у Тобольцева согласно заурчало.

– И колбасы! И яиц. И печенья к чаю. И бутылку коньяка.

– Думаю, коньяк – лишнее. Тебе завтра в больницу утром, а мне на работу. Так что – колбасы и печенья.

Она выглядела усталой, отвечала вяло. Да и верно – за плечами долгий день за рулем, который сам Иван провел комфортнее – в пассажирском сиденье. Хорошо уже провоцировать Дуню всякой ерундой.

– А его не обязательно пить сегодня. Хотя... ты права. К тому же не факт, что тут есть по-настоящему хороший коньяк. Лучше уж и в самом деле ограничиться колбасой с печеньем.

Но набрали они полный пакет почему-то. На кассе расплатился Иван, Евдокия даже не стала спорить. Устала. Точно устала.

Оказалось, что царица живет в типовой высотке. На пятом этаже. «Моя любовь на пятом этаже». Нет, у него хватило ума не петь в лифте. Вместо этого вслух порадовался тому, что этот самый лифт работает – а то тащиться пешком с охапкой пусть маленьких, но деревьев было бы совсем не здорово. А Дуня все молчала.

Квартирка оказалась типовой двушкой, крошечной.

– Куда молодильные складировать? – Иван, не выпуская саженцы, скинул с ног кроссовки, стягивая носком пятку.

– На балкон, – махнула рукой Дуня, бросая ключи на журнальный столик и направляясь в сторону санузла. Тонкие ветки с листочками существенно затрудняли обзор, поэтому квартиру рассмотреть пока не удалось. А на застекленном балконе у Дуни оказался... кабинет. Компьютерный стол, на подоконнике куча журналов и каталогов. Иван аккуратно положил саженцы в дальний угол балкона, развернулся. Узко у нее тут. Толстый глянцевый каталог, зацепившись за его ногу, с шелестом шлепнулся на пол. Тобольцев нагнулся и поднял, листнул страницы. Плитка напольная, плитка настенная, плитка мозаичная. Посмотрел на подоконник. И там все то же самое. Плитка, обои, отделочные материалы. Иван вернул каталог на место и толкнул балконную дверь. Чтобы услышать, как она говорит:

– Илюш, я дома... Да, все хорошо... Устала очень. Вся окружная стояла... Как твоя встреча прошла?... Отлично... Да, завтра обо всем поговорим... Спокойной ночи. И я. Целую.

Детское желание подать голос какой-то идиотской репликой Иван смог подавить довольно легко. Ему нужна крыша над головой на эту ночь. Хорошо дурака валять.

Третье ЕЕ правило: «Заклучай пари на достойные ставки».

Глава 4

Четвертое ЕГО правило: «Не ври. Если врешь – не попадайся на вранье».

Уже выговаривая слова приглашения переночевать в ее квартире, Дуня знала, что: а) делает огромную глупость; б) не очень рискует. Вернее, она надеялась, что не очень рискует.

«Дура! Дура! Дура!» – буквально взорвался криками внутренний голос, угрожая расколоть надвое и так ломящуюся от усталости голову.

«Да, дура», – покорно соглашалась с собой Дуня, но идти на попятную было уже поздно. Предложение озвучено.

«Сколько ты его знаешь? – не унималось подсознание. – Это сумасшествие! Он узнает твой адрес, он может быть вором! Он... мужчина, в конце концов! Ты не отобьешься».

Все так... все так... Но если что и было по-настоящему ценного в ее квартире, то это компьютер. Ну и украшения. Наличности немного – Дуняша предпочитала держать средства в банке. Так что потери от ограбления будут не катастрофическими. Что же касается мужских желаний... тут она успокаивала себя тем, что во время пути было миллион возможностей воспользоваться ситуацией. Что стоило вцепиться в руль Коко, заставить машину остановиться, потащить куда угодно – и Дуня не справилась бы. Поэтому, принимая решение, она сделала ставку именно на его «неопасность как маньяка».

А на кону стояла бабушка. Сам того не зная, автостопщик задел больное. Мы прячем свои самые уязвимые точки подальше, чтобы до них не добраться, не показать слабые места, не стать беззащитными перед другими, «держим лицо». Дуня тоже держала.

А он взял и сказал, что бабушка в больнице и что-то с сердцем. У него была бабушка. У нее – не было.

Если бы Дуню спросили, кто любит ее на свете больше всех, она бы не задумываясь ответила: «Бабушка». И это при наличии двух родителей, обожающих свою дочь. Но бабушка... это совсем другое. Это целый мир, в котором зимой – санки и румяные пирожки, сказки перед сном – не прочитанные, а рассказанные, и каждый раз – разные. Первые сережки тоже купила бабушка. И помогала исправлять кривой фартук, сшитый на уроке труда, – она же. И сажать в землю семена, и выпалывать сорняки, и собирать макулатуру, чтобы обменять ее в маленьком вагончике на баллады про Робин Гуда с какими-то совершенно необыкновенными картинками. И дать денег втайне от мамы, когда уже в год окончания школы Дуня поехала с классом в театр. И подписать трогательную открытку на день рождения неловкими натруженными руками. Это все она – бабушка.

Родители были. Мама, строгая, но понимающая, папа – геолог и потому часто в экспедициях. Брак ее родителей был счастливым. Просто напоминал брак капитана дальнего плавания. Зато по любви. Дуня обожала отца. В детстве ей казалось, что он может все, потому что умел рассказать удивительную историю о каждом камне и даже дереве, о далеких краях, станциях, путешествиях. Он виделся ей тогда настоящим героем, да и сейчас ничто не изменилось. Но бабушка... бабушка – это совсем другое. Она ждала ее всегда. Даже когда Дуня уехала в Москву. Даже когда стало ясно, что Москва надолго. И потому на большие праздники она часто возвращалась домой. Домой и к бабушке. И рассказывала Дуняша ей такие умные вещи, в которых старушка ничего и не понимала, но всегда слушала внимательно и кивала. А потом что-то с сердцем. И скорая не приехала. Вернее, приехала, но через полтора часа. Слишком поздно. И бабушки у Дуни больше не стало.

А у автостопщика она была. Еще была. Там тоже что-то с сердцем, только врачи успели вовремя. Счастливый ты, Иван. Сам не знаешь, насколько. Береги людей, которые рядом с тобой. Пусть даже они съедают твой мозг. Кто еще будет любить тебя так же беззаветно и навсегда, если не они? Счастливый, счастливый Иван...

Когда Коко ехала по Москве и Дуня принимала решение, глядя прямо перед собой, она почти не замечала дороги. Перед глазами были весы с двумя чашами. На одной написано «мне нет дела до чужих проблем», на другой – «не пройди мимо».

«На самом деле, – размышляла она уже позднее, когда доставала из гардероба комплект постельного белья, чтобы вручить его автостопщику, – эти весы стоят около нас каждый день. Только мы их не замечаем. Мы бежим, мы спешим, у нас куча дел и забот, встречи, отчеты, контракты и постоянное состояние „не успеваю“. Мы не уступим место в очереди старушке, потому что очень спешим, и нам плевать на больные ноги старой женщины, которая просто не в состоянии стоять. „Прости, бабуля, в следующий раз пропущу, но сегодня не могу“. Мы проходим на улице мимо плачущего ребенка, потому что нам не до него. А он, может, потерялся. И пробегаем мимо лежащего мужчины, потому что пить надо меньше, а у него, вполне вероятно, обморок. Каждый день жизнь предлагает вот на таких мелочах сделать нам выбор. А мы даже не понимаем этого, успешно проваливая личные экзамены».

Дон Кихот вел себя на удивление молчаливо. Принес тяжелый пакет на кухню, и Дуня быстро разобрала его содержимое, положив скоропортящиеся продукты в холодильник, а хлеб и печенье в ящик. Потом разложила диван в гостиной, отдала постельное белье, плед и чистое полотенце.

– Если голодный, можешь сам себе на кухне сделать чай и бутерброды. Нож в верхнем выдвижном ящике, посуда на полке над мойкой. Пульт от телевизора вот, – указала рукой на консоль между книжными стеллажами. – Будешь смотреть, не включай звук громко, хорошо? Я в ванную и спать.

* * *

В квартире Дульсинея развила бурную деятельность. А Ваня словно в ступор впал. Только пакет с продуктами на кухню отнес. А потом – она разбирала диван, а он, вместо того чтобы помочь, стоял и пялился на то, как тонкая серая ткань облекла ее... ну, это... бедра. Слова же «попа» нет – так ему в детстве объясняли. Попа есть, а слова нет.

Ему вручили стопку постельного белья, увенчанную розовым полотенцем. И инструкцию о том, что можно, а что нельзя. После чего царица удалилась в ванную.

Иван бросил белье на разобранный диван. Вот так вот, да? Стремительным кавалерийским наскоком? И не будет совместного вечернего чаепития и разговора на ночь по душам? Про торты, саженьцы и испанскую литературу?

Из-за двери ванной доносился шум включенной воды. А Иван принялся бродить по комнате – чтобы не думать о том, что происходит сейчас там, под душем.

Комната, в которой Тобольцеву предстояло провести ночь, была выдержана в голубых тонах. Спасибо, как говорится, что не в красных.

Видимо, гостиная. Все до мельчайших деталей продумано, функционально и стильно. Видна рука хорошего дизайнера – поболтавшись по куче разных квартир, это Иван мог определить точно. Диван, неизбежный стеклянный столик для «попить чаю», пуфик. Мягкий бежевый ковер под ногами. Фикус в углу. Или не фикус – для Тобольцева все домашние растения назывались «фикус».

Он прошел к книжным стеллажам. Ух, сколько. Нет, поменьше, конечно, чем дома у Ивана, где книгами было заставлено ВСЕ. Но в современных дизайнерских квартирах много печатных изданий увидишь нечасто. И их выбирают по цвету корешка и картинке на обложке.

Иван скользнул взглядом по книжным переплетам. Пушкин, «Евгений Онегин». Ну да, наше все. Шекспир. Не наше, но тоже все. Чехов. Ну, все понятно. Теккерей. Кто такой? Имя смутно знакомое, но ноль ассоциаций. Потрепанная, с потертыми уголками, явно читанная не один раз книга. Что это? «Баллады о Робин Гуде». Ну да, почти рыцарь из леса, куда же без него.

Как говорится, скажи мне, что у тебя на книжной полке, и я скажу, кто ты. Иван перевел взгляд на кабинет за балконным стеклом. Да и без книг все ясно.

Стукнула дверь ванной комнаты, послышались легкие влажные шаги.

– Ванная свободна. Спокойной ночи, Иван.

Какие церемонии. Тобольцев отвесил невидимой Дуне официальный поклон и взял с дивана оставленное ему розовое полотенце. Да и шут с ним, с цветом. Зато на ощупь мягкое и пушистое.

В ванной было не повернуться. И сама ванна крошечная, и все заставлено всякими разными баночками. И пахнет после Дуни чем-то сладким. Сам воздух тут теплый, влажный и сладкий. Иван поежился и потянул вверх толстовку. Чтобы не видеть стоящие в стаканчике две зубные щетки и бритву на полочке. Не для придания гладкости женским ножкам, стопудово. Мужской станок. Единственный, слава богу, мужской след в этой целиком и полностью женской цитадели чистоты и красоты.

Вытирался после душа Иван не глядя в зеркало. Собственная заросшая физиономия стала вдруг неимоверно раздражать. Не ровен час покусится на Илюшин бритвенный станок. Руки так и чешутся. Или взять на балконе со стола маркер – должен он там быть у Дульсиinei обязательно – и написать на нижней поверхности стульчака «Здесь был Ваня». Привет Илюше, угу. Дуня вряд ли обнаружит первая.

Что за детский сад, Тобольцев? И что за свинство, в конце концов? Нельзя так платить за гостеприимство.

Из ванной он вышел, обернутый лишь в пушистое розовое полотенце. Тишина в квартире. Освещение включено только в гостиной. Из-под дверей спальни не пробивалось даже намек на свет. Спишь, Дульсинея? Ну, спи.

Иван бросил взгляд в сторону темной кухни. На ночь жрать вредно, так говорят. Но в животе урчало. Свет из холодильника выхватил из темноты мужские ноги из-под розового полотенца. Молоко Тобольцев отхлебнул прямо из бутылки. Ему всю жизнь это категорически запрещали делать. «Ваня, воспитанные люди пьют из кружки!» Он ополовинил бутылку и пристроил ее обратно в холодильник. В животе теперь было не пусто, но леденило. Ничего. Зато завтра утром будет полноценный и горячий завтрак. Будет же, Дульсинея?

От наволочки пахло приятно. Почти как дома. И совсем не так, как пахло от чужих простыней в чужих квартирах. И сама простынь – гладкая, на ней приятно лежать. Или... не только лежать. Интересно, на этой простыне Дуня со своим Илюшей тоже не только спали? Да наверняка. И все-таки любопытно, почему они живут врозь? Когда такое показное «целую-скачу-мимими»? А, провалитесь вы оба! Со своими общими простынями, зубными щетками и бритвенными станками. Будто есть Ивану до этого хоть какое-то дело. Тобольцев сердито взбил кулаком подушку, словно наказывая ее за что-то. И – наверное, это помогло. Через минуту уже спал. Без сновидений.

Проснулся он рано и сам. Неудивительно в целом. Во сколько он вчера спать лег? Часов в десять? Тобольцев не смог вспомнить, когда в последний раз ложился в такую рань. Иван был типичной «совой». Но сейчас «сова» проснулась ни свет ни заря. Запястье к глазам. Восемь утра, неслыханное дело. Иван потянулся и констатировал удивительный факт: он выпался. И жрать хочет смертельно. Но это-то как раз неудивительно.

Десять минут на утренние гигиенические процедуры. Без зазрения совести, как и накануне, воспользовался зубной пастой – щетка имелась в рюкзаке своя. В путешествии Иван

вообще понял, что без презервативов – читай, без секса – он прожить в долгой дороге может. А с нечищеными зубами – нет. Спасибо, мамочка.

Из спальни не доносилось ни звука – как и вчера вечером. Ой, да и ладно. Тобольцев самостоятельный и не гордый. И сам себе завтрак делает. И даже тебе, Дунечка. Ты бутерброды ешь? Тобольцев с утра мог съесть все. И вообще, человек, испивший хоть раз в жизни смесь свежесцеженного овечьего молока напополам со свежесцеженной же и овечьей же кровью из тыквенного сосуда, не может уже быть привередлив в еде. Так, где там у нас ножи?

В окно ярко светило солнце, Иван прихлебывал из чашки кофе с молоком. Предпочитал обычно черный, но сейчас так хотелось кофе, а ждать, пока остынет, – ну никак, поэтому остудил слегка молоком. Прихлебывал, жмурясь на солнце, и резал колбасу. И собственный палец.

– Твою налево! – от неожиданности кофе щедро плеснул на многострадальные джинсы. Указательный палец тут же щедро засочился кровью. Обильно так. Уже с пяток капель на чистой поверхности кухонного стола.

– Придурик криворукий! – обозвал себя Иван и сунул палец в рот. Вот вам и молоко с кровью. И еще кофе в довесок. Спустя минуту вытащил палец изо рта. Кровоточит так же сильно. Нет, все-таки надо бинтовать.

У двери в спальню призадумался ненадолго. А потом свободной рукой – три быстрых, три с паузами, три быстрых.

– Mayday, mayday!

Своим английским Иван по праву гордился. Выдрессировали в школе, и богатая разговорная практика. Но за дверью его не поняли. Или не услышали.

– Кушать подано! – Иван повысил голос. – Садитесь жрать, пожалуйста.

Только тут он сообразил, что говорит невнятно. Из-за засунутого за щеку кровоточащего указательного. Вынул палец изо рта.

– Дульсинея, вставай! Твой Дон Кихот себе палец отрезал.

Дверь наконец-то открылась, явив сонную хозяйку квартиры. Аккуратно уложенные еще вчера темные волосы в беспорядке покрывали плечи. Плечи, которые обтягивала тонкая голубая ткань. И такого же точно цвета виднелось кружево в вырезе... Чего? Ночнушки? Нет, ночнушка была у бабули – такая теплая, фланелевая, белая в зеленый горошек, до пола. На Дуне была надета явно не ночнушка. И не халат – халат был у матери Ивана. Махровый, уютный, в желто-бежевую полосу. Нет, царица облачилась не в ночнушку и не в халат. В голове вдруг всплыло нужное слово – «пеньюар». И до кучи к нему – «будуар». Но второе заценить Тобольцеву явно не светит.

– Что случилось? – деликатно прикрыв рот после зевка, спросила Дуня, прервав размышлительные филологические штудии Ивана.

Тобольцев мысленно встряхнул себя и сунул царице под нос окровавленный палец.

– Вот! Производственная травма!

И не соврал, между прочим. Указательный палец – для фотографа кормилец и отец родной.

Дуня пару секунд разглядывала предъявленное – видимо, еще не до конца проснулась. Потом кивнула.

– Ясно, – обогнула Ивана и двинулась в ванную. – Иди за мной.

Что оставалось делать? Пошел. В ванной Дульсинея включила воду и со словами: «Держи, я сейчас», – сунула руку Тобольцева под струю. Вода оказалась ледяной, и, кроме этого, в порезе начало покалывать.

– Щиплет!

– Потерпишь, – отрезала Дуня и вышла, оставив после себя едва уловимый аромат – аромат теплой, сонной, только что поднятой с постели женщины. Тобольцев тряхнул головой и брызнул себе в лицо из-под крана. Плохо он сегодня умылся, факт. Всякая чушь в голову лезет.

Тем временем вернулась царица с полным набором для оказания первой и неотложной помощи пострадавшим указательным пальцам. Действия ее были точными и уверенными – промокнула рану куском бинта, легко прижала.

– С кем сражался, идальго? – поинтересовалась Дульсинея, пока распаковывала пластырь.

Иван не смог сдержать усмешку.

– Хотел бы сказать, что с драконом, но – увы. С колбасой! – а потом снова. В который раз. Не смог удержаться. – А ты мне подуешь? На вавку?

– Кто бы мог подумать, что рыцарей так легко победить, – после паузы пробормотала Дуня, держа пластырь. – И кто бы мог подумать, что рыцарям необходимо подуть на боевые раны.

Она аккуратно и сосредоточенно заклеила порез, а потом еще пригладила концы пластыря, чтобы плотнее прилипли к коже. Иван на все это смотрел, словно ничего интереснее в жизни не видел.

– Ну все, Дон Кихот, ты спасен.

Она подняла голову. И оказалось, что они стоят очень-очень близко друг к другу. Так близко, что видно, что у нее на носу и щеках веснушки. Наверное, она их маскировала – кремом там или пудрой. А сейчас они видны как на ладони. Мелкие. Она несколько раз моргнула, будто растерянно. Ресницы и брови у царицы безо всякой косметики темные и густые. И она вся другая сегодня утром. Не безупречная леди с красным маникюром и на красном спорткаре. А почти девочка – растрепанная, с веснушками и в этом, с кружевами... пеньюаре.

– А со сколькими рыцарями тебе приходилось встречаться раньше, Дульсинея? – срочно надо разрушить это растерянное молчание. Но голос упорно сбивался на шепот. – У тебя веснушки. Надо же. А я вчера не заметил... Дуня.

Она не ответила. Только взгляда не отводила. Молчание вот-вот грозило переплавиться во что-то иное. Оно просто не могло больше вот так длиться.

А потом вдруг кто-то за стеной включил дрель, и Дуня вздрогнула. Иван, впрочем, тоже. А Дуня опустила голову и стала деловито собирать со стиральной машинки разложенные бинты и упаковку пластыря.

– Ухажеры в детском саду считаются? – уточнила она, не поднимая взгляд.

– Вот в детском саду самые рыцари и есть! – Тобольцев принялся демонстративно разглядывать наклеенный пластырь.

– Ну, если самые-самые в детском саду, то вот один оттуда, ну и ты, видимо. Итого – два. Пошли завтракать, рыцарь.

– Пошли, – вздохнул Иван. Никогда бы не подумал, что дрель с утра может быть кстати. – Вот не зря говорят, что благими намерениями выстлана дорога в Перу. Хотел отблагодарить тебя за гостеприимство. В итоге устроил с утра кровавую оргию. Только что без девственников.

– Это, конечно, упущение. Хотя... где же ты их с утра пораньше найдешь, да? Но я согласна на колбасу.

Иван молча наблюдал, как Дуня быстро запихнула хлеб в тостер и нажала кнопку, потом достала тарелки, разложила порезанную колбасу и взялась за сыр. Его странно и неожиданно кольнуло то, как она себя исключила из числа претенденток на кровавую оргию. Нет, оно понятно, конечно, что царица – красивая молодая женщина, и Илюша этот, и не только он, видимо... как там говорят врачи – в анамнезе. Но почему-то вдруг стало неприятно. Не пойми с какого перепугу.

– Если хочешь, есть хлопья. Знаешь, сейчас принято на завтрак кушать хлопья с молоком. Словно мы живем в Европе, – как ни в чем не бывало вела светскую беседу Евдокия, еще и демонстрируя похвальную заботу о незваном госте.

– И молоко, наверное, обезжиренное? – лучше необременительно трепаться, чем думать о какой-то непонятной ерунде.

– А ты какое вчера взял?

Точно. Молоко же вчера сам Тобольцев выбирал. Он вообще вчера был ответственным за провиант – потому что все время, проведенное в магазине, Дуня думала о чем-то своем.

– Нормальное! Там написаны страшные цифры. Три с половиной процента, – тут желудок дал о себе знать пока еще деликатным урчанием, и Иван поспешно добавил: – Сделай мне бутерброд, пожалуйста.

Подсушенные ломтики хлеба как раз выскочили из тостера. Дуня вытащила два, уместила их на тарелке, сверху одного кусочка положила колбасу, сверху другого – сыр. На бутерброд с колбасой добавила колечки свежего огурца.

Обычные бытовые действия. Женщина в голубом пеньюаре на маленькой кухне, залитой ярким майским солнцем, делает бутерброды. А Иван видел другую картину.

Блики солнца на стекле – оконном и в настенных шкафчиках. И отражаются от темной стеклокерамической поверхности. На разделочном столе волнами сбился голубой шелк. Наверное, шелк. А та, которая окутана этим голубым и мягким, сидит на столешнице. Обнимает руками за шею стоящего перед ней мужчину. И целует его, зарываясь пальцами с алым маникюром в темные волосы на затылке. Наверное, эта кухня видела такую картину не раз. Мужчина поднимает руку, чтобы погладить девушку в голубом шелке по щеке. На его запястье – сплетение кожаных ремешков и разнокалиберных бусин.

Это не тот мужчина! Или... тот?

– Я тут подумала, – Иван вздрогнул от того, как неожиданно вторгся в его сон наяву ее голос. А ведь той Дуне, что присутствовала в его мыслях, только что было совсем не до разговоров. А Дуня реальная поставила перед Тобольцевым тарелку и продолжила: – Ты же не можешь с пустыми руками пойти в больницу. Надо что-то купить из еды. Или... цветок.

– А вдруг ей ничего нельзя? Я сначала все разузнаю. А потом уж видно будет, – соображалось как-то туго. И ощущение, что поймали с полочным. – Но за беспокойство... и бутерброд... спасибо. – Подумал и добавил: – И извини, что разбудил. Хотя... тебе же все равно на работу, так?

– Так, – улыбнулась Дуня. – Через полчаса я должна выйти из дома. Так что можно сказать, ты вовремя меня разбудил. Будильник почему-то не прозвонил.

– Какой я молодец! – Иван отдал должное бутерброду. Вкусно. Впрочем, утром все вкусно. – Тогда я в темпе доедаю и у...

хожу. А то тебе же надо за полчаса – чулки, помада и все такое. А на это пока... – и все-таки откровенно устался на выглядывающую в вырезе тонкую кружевную лямку. – Нет и намека.

– Ты можешь спокойно допивать кофе, – невозмутимо ответила Дульсинея. – А я пойду умываться.

И пошла.

В ванной шумела вода, Иван методично доедал бутерброд, запивая его холодным кофе. Потом насыпал себе еще предложенных ранее мюсли, залил молоком. За стеной кто-то продолжал от души упражняться с дрелью. К тому моменту, когда стукнула дверь спальни, Тобольцев успел смести со стола все, что видел, и даже убрать с него следы своего обжорства.

Растрепанная после сна девушка с веснушками исчезла. В дверях кухни стояла бизнес-леди – прямая юбка до колен, белая блузка, ярким пятном – пестрый шейный платок. Через руку перекинут легкий пиджак, волосы гладко убраны назад. Стрелки, тушь, помада. От взгляда фотографа не укрылось ничего, отметил все. И не сказать, что увиденное «все» и новый имидж Дульсиinei ему понравились. Но – его ли это дело?

– Ты готов?

Тобольцев инфантильно облизнул пальцы от крошек – просто в пику этой гладкой затянутости и застегнутости на все пуговицы, этой помаде, чопорной юбке и... колготки или чулки? Да какая ему разница?!

– Да, готов. Слушай, а тебе метро не по дороге случайно? – и, сообразив, что просьбу принято чем-то сдабривать, добавил: – Отлично выглядишь, кстати.

Евдокия закатила глаза, красноречиво дав понять, что она думает по поводу таких комплиментов.

– Какой долгий у нас совместный путь, автостопщик, – но потом смиростивилась. – По пути, но сначала вымой руки. С руками в крошках в «ауди» не сажают.

– Я как котик! – язык голову опередил просто на корпус. – Вылизался чисто-чисто. Смотри! – и зачем-то протянул руки. – И вообще, как мне руки мыть? У меня пластырь, его нельзя мочить!

Ему показалось, что смех притаился в уголках идеально накрашенных губ, на краях безупречно нарисованных стрелок. Но царица хранила серьезность. Вздохнула только:

– Бери рюкзак, котик.

Она обернулась и не увидела, как он широко ухмыльнулся на «котика». Она сама не поняла, как это прозвучало. Ласково.

В прихожей Дуня сунула ноги в бежевые шпильки – и сразу практически сравнялась в росте с Иваном. Посмотрела на него – глаза почти на одном уровне.

– Пошли?

– Мяу-мяу, хозяйка. Уже бегу!

Он брал рюкзак и нахлобучивал свою любимую, связанную дражайшей Антониной Марковной шапку, и поэтому не видел, как все-таки дрогнули идеально накрашенные губы.

В машине они молчали. У каждого из них начинался новый день. Новый день своей собственной жизни. У метро машина притормозила. Иван открыл рот, но Дуня его опередила. Полезла в сумочку, вытащила оттуда блокнот, черкнула там что-то и протянула Тобольцеву.

– Я не знаю, как сложится, но, может, нужны будут лекарства. У меня знакомая – заведующая аптекой, если вдруг потребуется что-то достать или заказать – звони... В общем, желаю выздороветь твоей бабушке. И купи ей хоть ромашку. Даже если есть можно не все, цветку женщина обрадуется всегда, и неважно, сколько ей лет. Особенно от внука. Удачи, автостопщик.

Ее слова удивили. В целом. И такой неожиданной, не принятой в этом вечно куда-то спешащем и ничего вокруг не видящем городе заботой о совершенно незнакомом человеке – в частности. Что-то неприятно похожее на угрызения совести резко кольнуло внутри.

– Ты полна сюрпризов, Ду... ня. Куда ни кинь, – Дуня просто «человек-сто-сюрпризов-в-день». Но сейчас развивать эту мысль уже бессмысленно. Пора и честь знать. Давно пора, собственно. Иван спрятал бумажку с телефоном в карман. – Ну, спасибо за все, как говорится. Диван у тебя удобный, кофе вкусный, а сама ты – чудо.

Резко хлопнул дверью. Долгие проводы – лишние слезы. Это тоже из репертуара Антонины Марковны Тобольцевой. И внук ее категорически в данном вопросе поддерживал. Коротко попрощаться и быстро уходить Иван умел. Но, сделав пяток шагов, все же обернулся. Красная Audi TT так и стояла у обочины. Пальцы прижались к губам. Эффектный воздушный поцелуй.

А потом крепче перехватил лямку рюкзака и быстро зашагал к метро.

* * *

Проводив взглядом автостопщика, Дуня снова влилась в поток автомашин, и мысли переключились на предстоящий день. Она планировала сделать многое. Плюс важная встреча.

Припарковав через полчаса Коко у офиса, Дуняша поднялась на второй этаж, где находилась фирма «Дизайн Идея», и почти столкнулась в дверях с Олей-блондинкой, которая куда-то спешила с мокрыми глазами. Вообще прозвище свое Оля получила не из-за всем известных анекдотов, а потому что когда-то в фирме работали две девушки с одинаковыми именами, и чтобы понять, к какой именно обратиться, их стали звать Оля-брюнетка и Оля-блондинка. Брюнетка вскоре удачно вышла замуж и закончила с трудовой деятельностью. В офисе осталась всего одна Оля, которую по привычке все продолжали называть Олей-блондинкой.

– Что-то случилось? – спросила Дуня, увидев опухшие глаза.

– Все в порядке, – шмыгнула носом секретарь-референт, – просто все мужики козлы.

– Ты, видимо, напоролась на особенно крупного, – мягко сказала Дуняша.

Оля снова шмыгнула носом.

– Ладно, иди пока проветришься, а я к Паше. Он у себя?

– У себя, – ответила девушка, и на ее лице даже появился намек на улыбку.

Паша – это было ходячее недоразумение, но талантливое! Поэтому ему многое сходило с рук. Иногда.

Кивнув головой, Дуня зашла в офис и сразу направилась в маленький кабинет местного гения, проходя через зал, где сидели менеджер, два дизайнера (один – ландшафтный, другой – графический) и бухгалтер. Все дружно приветствовали уважительным:

– Здравствуйте, Евдокия Романовна!

А Евдокия Романовна тихо открыла дверь и увидела стоявшего к ней спиной – к окну лицом Пашу. Паша разговаривал по телефону.

– Что надо найти, высоту? А длина и ширина дана?... А формулу объема параллелепипеда вам давали?... Как не давали? Не может такого быть. Я просто не помню... ну как не помню? Вот так! Я же давно в школе учился. Ты полистай учебник, полистай... ага, я подожду...

Дуняша тихонько подошла сзади и проговорила почти на ухо:

– Объем параллелепипеда равен площади основания, умноженной на высоту.

– Виталь, мне вот тут подсказали, что площадь основания на высоту надо умножить... – с этими словами Паша повернулся к Дуне и замер. – А-а-а... Евдокия Романовна... а... я... вот...

– Да я вижу, Паш, вижу, – похлопала его по плечу Дуняша. – Ты, когда с задачей закончишь, зайди ко мне. Вместе с фотографиями Мадонны.

– А-а-а... да... я зайду...

– Да ты не отвлекайся, ребенок ждет.

Паша заметно покраснел.

– И сразу ко мне! – открывая дверь, повторила Дуняша.

Оля-блондинка сидела уже в приемной и что-то распечатывала на принтере. Глаза были слегка покрасневшие, но заново накрашенные. Ей катастрофически не везло в личной жизни – попадались одни «козлы», о чем был в курсе весь офис.

Прежде чем зайти в свой кабинет, Дуня остановилась у стола секретаря, и Оля подняла лицо в ожидании указаний.

– Банковскую выписку за последние десять дней, счета, которые поступили на оплату за время моего отсутствия. Кроме этого, распечатай презентацию фирмы на хорошей плотной бумаге, шей, чтобы все было в лучшем виде.

– Поняла.

Дуня кивнула головой, а потом открыла дверь своего кабинета.

– И еще кофе! – это уже из него.

– Хорошо!

– И почту на мой адрес переправь!

– Уже сделала!

Рабочий день начался.

Дуня включила компьютер, и, пока тот грузился, она отхлебывала из большой кружки горячий кофе, просматривая счета. Те, что нужно было оплатить в первую очередь, – клала в специальную папку, которую Оля потом передаст бухгалтеру.

Закончив с финансовыми вопросами, Дуня перешла к электронной почте. И первое, что она открыла, – сообщение от Илюши. Он, как и обещал, переслал материалы по проекту. Это был трехэтажный торговый центр в спальном районе. Не огромный, а тот, который очень удобно вписывается в инфраструктуру места. Да, заполучить строительство такого объекта было бы здорово. Дуня щелкала мышкой, листая чертежи и характеристики. Думала.

Потом прошлась по кабинету. И снова думала. Потом снова листала готовый проект, на возведение которого объявлен тендер среди строительных фирм.

Наконец набрала номер телефона:

– Привет.

– Привет, – раздалось на том конце.

– Я смотрю твои материалы.

– Круто?

– Да, очень, – улыбнулась Дуняша.

– Вот, думаю, кому дать взятку.

– А я думаю о том, что со зданием там полный порядок, а со стоянкой и детским городком – нет. Я знаю тот район. По-хорошему, лучше выехать на место.

– Что? Прямо сегодня поедем? Я рассчитывал на немного другой вечер.

– Уговорил, сегодня не поедем. Сегодня будем ужинать.

– Машину не бери.

– Не буду, – это означало, что ночевать она будет не дома.

– Так что там с местом?

– Это спальный район, там дома стоят так, что образуют внутренний двор, в центре которого – детский сад и огромная игровая площадка с хорошим озеленением. По проекту – стоянка для машин будет прилегать вплотную, то есть скопление машин покупателей около детской площадки с выездом на нее же. И туда, кстати, заезжать будет неудобно. Стоянку можно поставить с другой стороны комплекса. Надо посмотреть на месте, сориентироваться. Там с дороги будет удобнее заезжать сразу на паркоместо, чтобы не наворачивать круги. К тому же так решается еще и вопрос безопасности детей, которые всегда выбегают на дорогу за мячом или еще за чем. Если по замерам получится, ты сможешь к смете приложить аргументированные поправки в проект.

– Дуня... ты...

– Знаю, – засмеялась она. – С тебя бейлис и много хрустящего льда к нему.

– Не шампанское?

– Нет, шампанское будет, если ты выиграешь тендер.

– Не если, а когда! Я обязательно выиграю, вот увидишь. Где поить тебя бейлисом?

– У меня сегодня в половине шестого одна важная встреча...

– Ого! Не ранняя эта важная встреча, – заметил Илья.

– Для такой – в самый раз. Думаю, это минут на сорок. Если ты подъедешь в начале седьмого, то будет отлично. Сможешь?

– Смогу.

– Хорошо. Адрес попозже скину на телефон.

В дверь робко постучали, и на пороге показался Паша.

– Тогда до встречи, – закончила разговор Дуняша и отключила связь.

Паша продолжал топтаться на пороге.

– Ну что ты там застрял, гений? Проходи, садись. И рассказывай, как ты дошел до жизни такой.

– Евдокия Романовна...

Раздался звонок внутренней связи, и Дуня подняла трубку:

– Да.

– Звонили из Дома керамики, – послышался голос Оли-блондинки, – сказали, что привезли образцы плитки, которой вы интересовались.

– Спасибо, – и через мгновение уже Паше, – ну, я слушаю объяснения.

– Понимаете, – начал говорить примерный отец, – мне показалось, что ретро... ну... это немного скучно и можно было бы его разбавить чем-то более смелым. Смешать стили, так сказать...

– Смешать стили? – переспросила Дуняша, и Паша в подтверждение своих слов сделал неопределенный жест руками. – Слушай меня внимательно. Ты быстро ищешь хорошие фото старого Голливуда и в четыре вечера кладешь их мне на стол. Понял?

Паша послушно кивнул.

– Я не хочу упустить такого клиента только потому, что у тебя возникла авангардная мысль. Не все наделены твоим чувством юмора, и прежде чем предлагать клиенту подобные эксперименты, надо понять, способен ли клиент к эксперименту вообще.

– Я понял, – вздохнул художник, разочарованный тем, что его гениальный замысел остался не понят современниками.

– И еще. Ты на машине?

– Да.

– Отлично. В Дом керамики привезли образцы, которые мы ждали. Вечером забросишь меня на встречу – там по пути, а сам поедешь посмотреть плитку. Если считаешь, что она нам подходит, свяжешься с клиентом.

– Хорошо.

– Задачу-то про параллелепипед решил?

– Решил, – улыбнулся Паша.

На обед Дуня осталась в офисе, попросив Олю-блондинку заказать пиццу. Предстояло решить еще кучу вопросов: обсудить с бухгалтером вопрос зависшего платежа, проверить пилотные планы ландшафтного дизайна для загородного дома и, наконец, приступить к поиску информации о человеке, с которым у нее на сегодня назначена встреча. О человеке и его бизнесе. Великий Гугл в помощь.

Когда в четыре пришел Паша с кучей фотографий, Дуня имела уже некоторое представление о том, с кем ей предстоит встретиться, и, как ей казалось, была внутренне готова.

То, что принес Паша, превзошло все ожидания. Где он откопал такие потрясающие неастиражированные фото – одному Богу известно. Выбрали десять.

– Вот эти покажешь клиенту, – решила Дуня, – вместе с плиткой.

– Понял.

– Паша, – она подняла глаза и очень тихо многозначительно произнесла, – завалишь мне проект...

– Все будет в лучшем виде, Евдокия Романовна, вот увидите.

– Я тебе верю, – сказала она, вставая из-за стола и отключая компьютер. – Нам пора, чтобы из-за пробок я не опоздала на встречу.

Выйдя в приемную, Дуня забрала у Оли готовую презентацию фирмы.

– У тебя моих визиток не осталось? А то у меня все закончились.

– Только штук десять.

- Давай их сюда. Надо заказать новую партию. Мне и общих на фирму.
- Сделаю.

Через пять минут Евдокия Романовна Лопухина устроилась на пассажирском сиденье Пашиной машины и отправилась на очень важную встречу.

* * *

– Данич, привет. Нет, у тебя не глюки. Это Тобольцев. Вернулся, да. Живой, конечно. Да расскажу, ясное дело. Слушай, Дан, мне хата нужна. Срочно. На пару недель. Нет, лучше на месяц. Однокомнатная, зачем мне больше. Обязательно у метро. Понимаю, что ценник другой, – но время дороже. Ага, буду ждать.

– Фил, хай. Да, это я, твой сладкий пупсик. Но-но-но, полегче! Путешествие – отлично. Что привез? Пару терабайт чумовых фото. Конечно, я гений. Нет, ориентацию я не сменил. Но кое на что стал смотреть иначе. А вот не дождешься! Какие у нас новости? Мне нужны свежие сплетни. Ага, давай. Завтра? Отлично. Я соскучился по понтовой столичной жратве. Да, давай завтра встретимся. И не мечтай! Хорошо, один раз можешь уцепиться, один раз, как известно, не... Фу, как не стыдно, Фил. Ты не должен употреблять таких слов! Ладно, давай, до завтра.

– Тиныч, салют. Да, это я. Представь себе. И я по тебе, как ни странно. Как Ракета? Да кто бы сомневался. Посмотрел, конечно. Широка страна моя родная. Енисей видел. И налива пробовал. Вкуснее, чем у тебя. Вот что ты сразу женой-хирургом пугаешь! Да как бы я тебе его привез? Он бы протух по дороге! Ой, какой ты стал занудный, как женился. Ну конечно, налим – это святое. Слушай, я к тебе заскочу вечером? Морду твою наглухо потискаю за щеки. Ну да, и забрать кое-что надо. Ага, спасибо. К пяти нормально будет? Тогда жди. Жарь налива, пеки пироги.

– Привет, куколка. Твой Ванечка вернулся, да-да. Скучала? Верю. Я? Тоже. Конечно. Встретимся сегодня? Отлично. Куда закатимся? Ах, вот даже так? Теперь точно вижу – скучала. Ладно, приеду к тебе часов в девять. С меня мартини и цветы. Конечно, я же романтик. До встречи, куколка.

* * *

К часу дня Тобольцев обзавелся жильем. Высотка прямо напротив метро. Плевать, что дороже. Зато время на дорогу терять не придется. Иван всем средствам передвижения в столице предпочитал подземный транспорт. Он даже любил московское метро. За многое. За то, что не все там подчинено их величествам удобству и практичности. Что в нем есть своя удивительная эстетика. И люди там занятные попадаются. Единственное, любить московский метрополитен надо вне часов пик – иначе это отдаст чистейшим мазохизмом.

Первым делом Иван распаковал аппаратуру, подключил ноутбук, проверил пароль от вай-фая. Все работало. Зарядил копирование фотоматериала и только после этого принялся осматривать квартиру. Обычная. Типовая. Каких он повидал десятками. Это вам не дизайнерская гостиная в голубых тонах с фикусом в углу. И не кабинет на балконе. Отличная идея, кстати. Когда у Ивана будет своя квартира, он тоже так сделает.

Спустя пару часов тренькнул звонок домофона – это привезли вещи, заказанные в интернет-магазине. Чертовски удобная штука, экономит уйму времени и нервных клеток, потому что по магазинам Иван ходить терпеть не мог. Наискучнейшее занятие.

Ну вот, теперь можно спокойно принять душ и наконец-то побриться. Достала борода. Особенно в последнюю пару дней.

* * *

Из зеркала на него смотрело гладко выбритое лицо вполне симпатичного молодого мужчины. Совсем другое дело без бороды. Иван провел пятерней по мокрым волосам. Надо бы еще подстричься, но сегодня уже не успеет. И, опять же, вот что значит стрижка у хорошего стилиста – обросло вполне презентабельно. И даже будто так и надо. Тобольцев еще раз энергично потер голову полотенцем и потянулся за пакетом с вещами.

Из всех купленных футболок он надел почему-то серую. А кеды купил красные. И только темно-синим джинсам, любимым левайсам, Иван в цвете не изменил.

Еще раз оглядев свое отражение, Тобольцев сообразил, чего не хватает. И полез в привезенную Даном сумку с отданным на хранение имуществом. Очки, точно. «Надень очки – сойдешь за умного» – любимая фраза Тишки Тихого. Надо порадовать друга детства. Зрение у Ивана стопроцентное, а в черные «клабмастеры» вставлено обычное стекло. Тобольцев нацепил очки на нос. Ну вот, теперь вид – умнее не придумаешь.

Закинув на плечо практически пустой рюкзак, Иван нажал на ручку двери. И уже шагнув за порог, вдруг вспомнил. Про оставленную в кармане других джинсов бумажку с телефоном. Штаны он уже кинул в мусорный пакет. Черт!

Нет, потом забудет. Пришлось возвращаться, рыться в мусорном пакете, доставать джинсы, искать по карманам листок. В какой-то момент показалось, что его там вовсе нет, видимо, сунул мимо кармана. А, нашелся.

Иван достал смартфон. Так, как нам вас назвать? Разумеется, абонент был наречен «Дульсинея». Ваня подумал и решил добавить «Тобосская». По первым четырем буквам автокорректор услужливо подставил «Тобольцева». Дульсинея Тобольцева. Звучит неплохо, между прочим. Иван еще раз посмотрел на введенные цифры. Кажется, похоже на чей-то номер. Или нет? Тряхнул головой, исправил «Тобольцеву» на «Тобосскую» и решительно встал. Все, теперь точно можно выдвигаться.

У людей, которых мы знаем давно, например, с самого детства, есть одна особенность. Мы не замечаем, как они меняются. Может быть, если мы знаем их так долго, то меняемся вместе с ними? Особенно если это не просто человек, а твой друг. Друг с самого детства, с разбитых из-за падения коленок и из-за драк скул. Со страшных секретов о том, что было увидено в дырку стены раздевалки для девочек. С первой сигареты за школой, после которой жутко тошнило. С первых испытаний дружбы – когда мать Ивана написала на Тина заявление в милицию, не став слушать сына о том, что это была не драка, а урок самообороны. И как Тихон отмахивался: «Ну а ты тут при чем? Не ты же заяву катал, а мамаша твоя».

И пусть нет давно того мальчишки из необычной семьи, с упрямым, исподлбья взглядом. И нет лысого двадцатилетнего мордоворота вполне себе бандитской наружности. А есть теперь успешный столичный ресторатор Тихон Тихий, авторитетный кулинарный блогер и женатый человек. Но в чем-то он остался тем, с кем Ивана связала два десятка лет назад мальчишеская дружба. А она иногда переживает и долгие годы, и периоды порознь. И не теряет своего главного качества. Тихон Тихий Ивану Тобольцеву по-прежнему друг. Как и Слава Раки-тянский. Трое из Коломны, разные с лица, обустроившиеся в столице.

* * *

– Слушай, ты стал совсем необхватный!

– Ничего подобного! Я держу свой золотой центнер! – Тин с видимым удовольствием еще раз обнял друга, а потом отстранился. – А вот сквозь тебя скоро читать можно будет. Ванечка, ты очень плохо кушаешь! – Тихий весьма похоже изобразил интонации Иды Ивановны.

– Изя, не учите жить, лучше помогите материально!

– Понял, – рассмеялся Тихон. – Как обычно – первое, второе, компот?

– Ты знаешь, я, если честно, перекусил по дороге и не голоден. Так что спасибо, но...

– Ты вот сейчас мне в душу плюнул, ты в курсе? Как ты мог ко мне прийти сытым, Тобольцев?! Ничего не знаю, а налим пожарен, и пироги испечены!

Теперь расхохотался Иван. Некоторые вещи неизменны.

– Расскажи, как у твоих дела?

– Родители здоровы, слава богу. Нинка дочь растит. София теперь работает в Кремле нашем, помощником реставратора. Лиза поступила в педагогический и гуляет с каким-то баскетболистом – выше меня на голову.

– Какой удар по твоему самонадеянности, – снова рассмеялся Иван. – Смотреть на кого-то снизу вверх.

Тихон лишь махнул рукой.

– Как жена? Как дочь?

– Все в порядке.

И все. И никаких подробностей. Иван давно заметил, что люди не спешат делиться счастьем. Когда человек счастлив – он не кричит об этом. И по короткому «все в порядке» это читалось явно.

Вообще Тиныч его удивил, сильно. Своей скоропалительной женитьбой. Вот Рося не удивился, но они чаще виделись с Тихоном, Ракитянский знал больше. А Ивана внезапный женатый статус друга изумил донельзя. Не думал, что Тин женится. Не представлял его семейным человеком.

А Тину неожиданно пошло быть женатым. И это только на первый взгляд казалось, что его жена – обладательница облака огненных кудрей, пронизательных голубых глаз, рычащего имени Варвара и весьма серьезной профессии – хирург – совершенно ему не подходит. А на второй взгляд делалось очевидным, что Тихон и Варвара – два сапога пара. Будто две части некогда разьединенного целого. Оказывается, такое бывает в жизни.

– Твои как? – Тин совершенно точно не хотел распространяться о своих семейных делах. Не из-за того, что там было что-то не так. Нет, судя по его довольной роже, там все было еще как «так», но жадный Тиныч не хотел этим ни с кем делиться.

– Нормально. Живы-здоровы.

– Мать сегодня как раз звонила, рассказывала, что вчера видела Антонину Марковну. Бодряком старушенция.

– Ага, – согласился Иван. И тут раздалась аккорды «Кирпича в стене». Тобольцев вздохнул. Точно. Он же обещал позвонить. И не позвонил.

– Извини, я отвечаю. – Тин только приглашающе развел руки. А Иван взял трубку. – Привет, мам.

Тихий саркастически хмыкнул. К Иде Ивановне Тобольцевой у него до сих пор осталось «нежное» отношение. В чем-то Тин так и остался трудным подростком, сбивающим с пути истинного хорошего мальчика Ваню.

– Я в Москве, да. Пока тут побуду – мне надо материал сдать. Конечно, приеду. Как дела закончу – приеду. Обещаю, не буду никуда срываться, пока не проведаю вас. Скажи мне, как ба? Как ее давление? – Иван спросил об этом, повинувшись какому-то смутному импульсу. Утренние слова Дульсинеи про аптеку по-прежнему не шли из головы.

– Давление в норме, – слегка удивленно ответила Ида Ивановна. – Как у космонавта. Купила ей палочки, так что она у нас теперь увлекается шведской ходьбой. И твоя бабушка приготовила целую кипу кроссвордов – ждет, когда ты приедешь. Чтобы разгадывать вместе.

– Обязательно приеду, – Иван повернулся спиной к Тину, который проявлял яркую мимическую активность, без слов комментируя диалог Вани с матерью. Видно, чувства с годами не остыли. – Передай бабуле, чтобы еще кроссвордов поднакопила. Будем устраивать мозговой штурм. Да, обязательно.

Конечно. Я нормально устроился. Все, мам, меня человек ждет. Хорошо. И я тоже. Позвоню. Честное слово. Пока.

– Ваня-Ваня... – картинно вздохнул Тин. – Твои бабы из тебя веревки выют.

– А твои – нет?

– И мои, – согласился Тиныйч. – Только у своих не замечаешь, наверное.

В кабинет постучали, и после разрешительного «да» дверь распахнулась, в кабинет заглянул метрдотель под партийным прозвищем Никодим Иванович, а по паспорту – Виталий Семин.

– Тихон Аристархович, вас дама спрашивает. Говорит, что дизайнер.

– Зови, – скомандовал Тин. И после того, как за Виталием затворилась дверь, сказал Ивану: – Подождешь? Не думаю, что это надолго. А может, посоветуешь что – у тебя же глаз-алмаз. И видение мира это... художественное. А я задумал один ресторан перепрофилировать. Так что...

Дверь еще раз открылась. И в кабинет вошла... Евдокия Романовна Лопухина. Собственной персоной – от бежевых шпилек до гладко убранных темных волос. Словно вернулось утро. И красная «ауди» у метро.

Иван смотрел на вошедшую, не веря своим глазам.

– Добрый вечер. Проходите вот сюда, – указывая на кресло, радушно пригласил девушку хозяин кабинета.

* * *

Она вошла и первое, что увидела, – большой стол, за которым сидел большой человек. Совсем такой же, как на фото в сети, которое Дуня видела полтора часа назад, когда готовилась к встрече. Очень похож.

Поздоровавшись негромким, но глубоким голосом, Тихон Тихий, казалось, заполнил собой все пространство кабинета. Дуня внутренне собралась. Началось. Первая встреча – самая главная. От того, как она пройдет, зависит получение заказа и все дальнейшее сотрудничество. По телефону с ней не стали обсуждать вопросы, просто сказали, что звонят по рекомендации и хотели бы встретиться лично.

Евдокия Романовна, конечно же, вернула «добрый вечер», села в предложенное кресло и стала ждать. Начинать должен хозяин. И он начал.

– Евдокия, рад знакомству, – произнес Тихон Тихий. – Мне вас очень настойчиво рекомендовали – как человека и творческого, и обязательного. Портфолио я посмотрел, мне понравилось. Так что давайте сразу к делу, если нет возражений.

Вот так начало! Без предисловий и взаимных расшаркиваний по этикету. Однако... И Дуне понравилась эта прямота. Она даже расслабилась. Вести конструктивный разговор с открытым забралом не всегда проще, но, как правило, эффективнее.

– Возражений нет. Раз с портфолио вы знакомы, полагаю, общая информация о фирме уже не так актуальна, но все же оставлю ее вам, – Евдокия пододвинула владельцу ресторана распечатанную и сшитую Олей-блондинкой презентацию. – В любом случае, здесь много фотографий, представлены разные стили оформления помещений. Возможно, вам что-то понравится.

вится или на основе уже имеющихся идей возникнет новая, которую мы сможем развить. Ну и моя визитная карточка со всеми контактными данными.

Дуня вынула ее из сумочки, да так и застыла с зависшей в воздухе рукой.

Когда входила в кабинет, едва заметила присутствие второго человека, потому что господин Тихий все внимание забрал себе, но сейчас... сейчас она заметила, что чуть в стороне стоит мужчина... Потребовалось некоторое время, чтобы понять, кто это. Так сразу и не признаешь в этом хорошо выбритом лице в очках... автостопщика. Только глаза, глаза не изменить. Дуня перевела взгляд на руку – пластырь был на месте. И тогда снова посмотрела в глаза. Неужели?

– Это мой друг, – тут же послышался голос Тихого, который заметил ее внимание к еще одному посетителю. – Он поприсутствует при нашем разговоре. Знакомьтесь – Иван Тобольцев, профессиональный фотограф. Ванич, свои регалии сам назовешь. А это Евдокия Лопухина, дизайнер. Я тут надумал один ресторан реконструировать и... А в чем дело?

Хозяин ресторана озадаченно переводил глаза с одного своего гостя на другого. А они, в свою очередь, не отрываясь смотрели друг на друга.

– Ни в чем, – проговорил наконец Тобольцев. – Не считая того, что мы с Евдокией... Романовой... уже знакомы.

– В некотором роде, – подтвердила Дуняша. – Неожиданно увидеть вас здесь, Иван. Как дела у вашей бабушки?

Иван прокашлялся и поправил очки, затем почему-то потер лоб. Вместо ответа.

– Вы не только Ивана, но и бабу Тоню знаете? – Тихий не скрывал удивления. Дуняше казалось даже, что он слегка присвистнул. – А бабуля только что звонила Ване, на кроссворды звала в Коломну. Вы тоже из Коломны, Евдокия?

– Не-е-ет, – медленно проговорила Дуня, так и не сводя с Ивана глаз. Визитку хозяин ресторана взял сам – вынул из ее рук. – Я не из Коломны.

В какой-то момент все остановилось и стихло. Остались только она и глаза Тобольцева за стеклами очков.

«Ты мне соврал, да? – безмолвно вопрошала она. – Вот так просто взял и соврал? Обычное для тебя дело? Привычное? Ну что же... мне остается только аплодировать, Иван... – лжец?»

А через мгновение звуки возвратились, и Дуняша услышала вежливое покашливание Тихого и вспомнила, что сидит на деловой и очень важной встрече. И отвернулась от Тобольцева.

– Простите, Тихон Аристархович, просто слишком неожиданно получилось. И я... рада, что все хорошо со здоровьем... у бабушки.

В это время в кабинет вошла девушка с подносом, на котором размещались чашки, чайник, в красивых вазочках – конфеты и крохотные печенья. Все подождали, пока она составит это великолепие на стол, разольет по чашкам ароматный чай и удалится. Как только за девушкой захлопнулась дверь, Дуня проговорила:

– Я готова вас слушать.

– Это хорошо, что готовы, – ответил Тихон и подвинул к себе одну из чашек, которая казалась особенно хрупкой в его больших руках. – Ванич, подтягивайся на чай, давай. Значит, так... – постукивая ложкой по тыльной стороне ладони. – Я хочу один из ресторанов... изменить. И сделать из него кафе семейного типа. С детской комнатой, всякими другими штуками для детей – аэрохоккей там, плэйстейшн и так далее, с соответствующим меню. В общем, сделать заведение, куда можно будет прийти всей семьей. Даже если она очень большая. Чтобы в этом месте было интересно представителям любого поколения большой семьи. Вот такая идея.

– Укатали сивку крутые горки. И Варвара с Марфушей, – буркнул Тобольцев.

Дуня из этой реплики ничего не поняла, а вот Тихий, кажется, очень даже понял.

– Больше позитива и воодушевления к моим идеям, Иван Иванович, – ответил он другу, а потом обратился к ней: – Что скажете, Евдокия?

– Это... очень интересно, – начала осторожно говорить Дуня, по ходу пытаясь поймать мысли и пойти в правильном направлении. – Тут... нужно понимать изначально некоторые вещи. Сама площадь помещения. Она должна быть достаточно большой для того, чтобы вместить в себя несколько зон, и эти зоны не должны друг другу мешать. Потому что, допустим, если говорить об аэрохоккее, – Дуня слегка улыбнулась, – он очень громкий и может помешать тем, кто пришел просто пообщаться за чашкой чая или бокалом вина. Но я не говорю, что невозможно. Нужно просто посмотреть место. И еще сразу же встает вопрос целевой аудитории. Ваши рестораны... и меню... – Дуня тщательно подбирала слова. – Они в большей степени для довольно состоятельных людей. То, что вы желаете сделать... это будет доступно только людям определенного достатка? Или... одновременно с перепрофилированием пойдет некоторая диверсификация ваших заведений и новая точка... станет более демократичной?

– Вот теперь я вижу, что вас рекомендовали не зря! – улыбнулся Тихон Тихий. – Помещение большое, не переживайте. Думаю, в следующую встречу, если мы достигнем принципиальной договоренности, надо будет съездить на место и посмотреть. Что касается аудитории и ценовой категории – да, я бы хотел сместиться в более демократичный сектор. Мне кажется, там есть где развернуться. Ванич, а ты что думаешь?

– Я пока не знаю. Я пока чай пью. Думаю, Дуль... Евдокии Романовне еще есть что добавить по данному вопросу.

Дуня сделала маленький глоток очень вкусного черного чая и аккуратно поставила фарфоровую чашку на блюдце, украшенное монограммой.

– Для начала, как я уже говорила, мне надо посмотреть помещение. Потому что именно оно – отправная точка. Без сомнения – это стоящее предложение. И думаю, что главная цель – общение – тоже очень правильная. Мы перестали разговаривать друг с другом и проводить время вместе. Пройдите в любое кафе и ресторан, люди сидят рядом, но каждый при этом смотрит в свой телефон или планшет. Это беда. А ваша идея – замечательная, – Дуняша подняла глаза на хозяина ресторана и улыбнулась. – Я бы хотела попробовать.

Она не обращала никакого внимания на человека в очках, который сидел рядом.

– Ну что же... Я мог бы сказать, что мы подумаем и вам перезвоним. Но я, знаете ли, верю своей интуиции. Опять же, Ванечку вы знаете. А у Вани глаз... хм... верный. Так, давайте думать, когда, – полез в телефон. – Завтра – нет. Послезавтра – маловероятно. А вот в четверг – вполне. Как вам четверг, часа на четыре?

Автостопщик пил чай с отсутствующим видом.

– Договорились, – сказала Дуняша. – Мне вполне подходит.

И, поняв, что это завершение разговора, поднялась.

– Я вас провожу, – Тихон Тихий встал из-за стола вслед за ней.

– Я сам провожу, – перебил его Иван-лжец и тоже вскочил на ноги.

Он открыл дверь. Вроде как серьезно, но было в этом жесте что-то гротескное, то, что отдавало шутовством.

– Прощу, Евдокия Романовна.

Дуня незаметно поправила после сидения на кресле юбку, попрощалась с Тихим. Без сомнения, они понравились друг другу, и это был хороший знак. А затем она, не глядя на автостопщика, вышла в коридор. Куда двигаться в этой развилке с множеством дверей служебных помещений, было совсем непонятно, поэтому пошла прямо. Как-нибудь выберется.

– Ты идешь напрямик к складу, – Тобольцев так догнал ее и ухватил за локоть. – Уверена, что тебе туда надо?

Дуня развернулась и холодно посмотрела в глаза за стеклами очков:

– Видимо, выйду через склад.

– Так злишься на меня, что пробьешь стену?

– Ты еще не видел, как я злюсь. Куда надо свернуть, чтобы попасть в зал обслуживания?

– Вот сюда, – он открыл первую попавшуюся дверь и впихнул Дуню в какой-то кабинет, а потом встал у двери, не давая возможности выйти. Они остались наедине. – Даже приговоренным к смерти дается последнее слово. Может, ты меня выслушаешь?

– А разве это так необходимо, о Иван?

Ее трясло. Ей было плохо. Просто оттого, что она разочаровалась. Ей смотреть на него было больно. Словно ударил. Своей ложью. В самое больное.

– Тебе захотелось переночевать в моей квартире? Продлить приключение? Набраться новых впечатлений? Удалось. Поздравляю! Удалось, – голос дрожал, потому что она пыталась его удержать, не сорваться на повышенный тон. – Очень хорошо соврал. Очень жестоко, Ваня. Знаешь, можно было бы и по-другому. Не про здоровье близкого человека. Ты не боишься вот так... беду накликать? Совсем не боишься? Забавно все получилось, правда?

– Нет, это было не забавно. Не для меня. Просто... просто мне на самом деле **ОЧЕНЬ** **НУЖНО** было остаться в Москве, – он запустил руки в волосы и тут же привел их в полный беспорядок. Как мальчишка. И сами руки у него были... мальчишеские. С этими ремешками, заусенцами, царапинами. Дуня давно подметила. Никакой выхоленности. Разве что всегда чистые.

– Про больную бабушку сказать было проще, чем рассказывать, зачем это нужно на самом деле, – продолжал он. – Правда, знаешь, выглядит часто так, что в нее хрен поверишь. Но я в любом случае уже сто раз пожалел, что сделал это. Могу извиниться, если тебе станет от этого легче.

– А тебе? Тебе легче станет? Знаешь... – он так и стоял у двери, не давая Дуне выйти, а она была напротив и не приближалась, – есть такое выражение: «Делай что должно, и будь что будет». Наверное, ты выставил меня душой. Наивной доверчивой душой. Над которой стоит посмеяться. Вот только мне не стыдно, потому что моя совесть чиста. Понимаешь? Потому что в тот момент, прекрасно зная, что рискую, пуская к себе незнакомого человека, я знала также и то, что поступаю правильно. С человеческой точки зрения. Плюнув на все свои страхи, которые были. А они были, Иван. Поэтому мне и без извинений... легко. А вот как тебе?

– Господи, Дульсинея! Откуда ты взялась такая чистая и правильная, а?! Хочешь вынудить меня сказать, что мне стыдно?! Ладно, окей! – он поднял руки вверх, словно сдаваясь. – Мне. Стыдно. Последний раз мне было стыдно лет пятнадцать назад. Довольна?

– Довольна, – Дуня сузила глаза и смотрела прямо на его слегка покрасневшее лицо. – Думаю, теперь наш разговор закончен и я могу выйти... по направлению к складу?

– Я тебе не верю. Ты злишься. Тебе хочется меня ударить, – Тобольцев в одно мгновение снова стал знакомым наглым автостопщиком и сложил руки на груди. – Валяй.

– Я не бью людей. Но могу подставить подножку, – предупредила Дуня. – А могу наступить каблуком на ногу. Сам откроешь?

– Подножку я уже оценил. Давай каблуком. Если росинанта не жалко. Или ты людей не бьешь, а лошадей можно?

Этот разговор никак не прекращался. Начинался какой-то фарс, от которого она стала устывать.

– Что тебе от меня надо, автостопщик? – спросила в лоб. – Мы уже все выяснили. Ты принес извинения, я их приняла. Тема закрыта. Что тебе надо еще?

– Да если бы я сам знал... – вздохнул он в ответ, да так непритворно, что впору поверить. Снова. – Ладно, тема и в самом деле исчерпана. И раз уж ты категорически не настроена пачкать об меня свои ручки и ножки – пойдем, провожу тебя к выходу из ресторана.

Как случилось все дальнейшее, Дуня так и не поняла. Видимо, зайдя в кабинет, Тобольцев не захлопнул дверь, а только прикрыл. Потому что кто-то вдруг внезапно толкнул ее со

стороны коридора, и Иван полетел резко вперед, прямо на нее. Просто сшиб. Дуня упала куда-то назад и ударилась спиной о стол. О самое ребро. От боли на мгновение просто выключилась. Автостопщик по инерции приземлился сверху, но в последний момент успел упереться руками в столешницу и не придавить Дуняшу. Зато смахнул со стола бумаги, и они с шелестом летали теперь по всему кабинету.

– Простите, – прозвучал чей-то голос из коридора, и дверь снова захлопнулась.

Только открыв глаза и увидев прямо перед собой лицо все того же Тобольцева, Дуня поняла, что, наверное, какое-то время лежала с закрытыми, пытаясь унять боль.

– Мне надо, – прошептала, – как-то сползти вниз. Спина. Отойди, пожалуйста.

– Кажется, мы квиты, теперь я тебя уронил, – он еще шутил, помогая ей аккуратно спуститься на пол и придерживая за плечи. – Хотя я это не специально. И остальное тоже... не специально. Где ударились, покажи. Это все ваши каблучки дурацкие – такие неустойчивые!

– Поясница, – сказала слабо. – Сейчас.

Иван тоже оказался с ней на полу и внимательно, даже встревоженно смотрел. А Дуня скинула туфли, встала на четвереньки, опустила голову вниз и постаралась расслабиться, снять нагрузку с позвоночника. Она знала, что есть такое упражнение, когда сначала выгибашь спину вверх, словно разозлившаяся кошка, а потом вниз. Но при Тобольцеве, конечно, делать такое не могла. Да и злиться уже сил никаких не было.

– У тебя она раньше болела? – почувствовала осторожное касание к своей пояснице. И голос совсем рядом. И сам он рядом.

– Мне кажется, что до встречи с тобой, автостопщик, у меня ничего не болело. А вот как ты только вышел из леса...

– Эх, Дуня, Дуня... – Иван тихонько поглаживал ей больное место, и становилось легче, начинало хотеться жить. – Ты разве не знала, что из лесу ничего хорошего не выходит? – А потом наклонился к уху. И тихо: – Извини. За то, что уронил. И за остальное.

Она ничего даже ответить не успела, как дверь распахнулась снова. И Дуня увидела перед собой начищенные мужские туфли очень большого размера. А подняв голову, увидела и владельца обуви. Тихон Тихий.

Невидимый духовой оркестр исполнил торжественный туш.

– Я убью тебя, – глядя снизу вверх в его глаза, сказала Дуняша, – в смысле... не вас, а его.

– Вы все же определитесь, Евдокия Романовна, кого убивать будете.

– Его, – Дуня отползла от Тобольцева и, опираясь на стол, осторожно поднялась на ноги. – У вашего друга просто дар какой-то особенный раскрашивать мою скучную жизнь новыми впечатлениями. Извините за эту безобразную сцену, – сунула ноги в туфли, – бумаги, я думаю, он сам уберет.

Было очень стыдно. Что подумал Тихий, даже представлять не хотелось. Хотелось провалиться сквозь землю. Дуня чувствовала, как кровь бросилась в лицо, и закусил губу. Даже в страшном сне не представишь себе вот такой финал важных переговоров. На автостопщика она не смотрела. На Тихого тоже. Но глаза обоих прожигали спину. Положение спас зазвонивший телефон.

– Простите, – пробормотала Дуняша, подняв с пола сумочку и выудив из нее мобильный. Поясница отдала резкой болью, пришлось опереться рукой о столешницу. На шагнувшего навстречу Тобольцева она глянула так, что он тут же убрал руки.

– Да, слушаю. Я освободилась и буду через две минуты... Конечно... Хорошо.

Дуня отключила телефон, убрала его в сумочку, слегка пригладила волосы, поправила юбку и взяла упавший на стол пиджак.

– Извините еще раз, – тихо проговорила, обращаясь к хозяину ресторана. – Я просто упала неудачно. Скажите, в какую сторону мне направиться, чтобы выйти в зал обслуживания. Я собиралась сегодня поужинать у вас...

– Я провожу, – перебил автостопщик.

– Ты уже проводил, – ответила Дуня и снова посмотрела на Тихого. – Вы мне просто скажите, куда, направо или налево, и подержите Ивана Ивановича здесь, пожалуйста. А то мне придется выбираться через склад, видимо.

Известный ресторатор долго задумчиво смотрел на Дуняшу, прежде чем наконец сказать:

– Надо будет немного возвратиться назад, там увидите поворот налево. Вам туда, выйдете как раз в фойе, – а затем добавил: – До четверга, Евдокия Романовна.

И Дуня с облегчением выдохнула.

– До четверга, Тихон Аристархович.

Фойе, а за ним и вход в зал она нашла без труда. Нашла даже дамскую комнату, куда заглянула, чтобы привести себя в порядок, подкрасила губы и добавила каплю духов на шею и запястья. Встреча, по большому счету, прошла удачно. Все шансы получить великолепный интересный заказ. Впереди – приятный вечер с любимым человеком. А автостопщик... надо просто выкинуть его из головы. Все. Поездка закончилась. Коко на офисной стоянке, Дуня в Москве, Иван Тобольцев остался где-то в служебных помещениях.

С легкой улыбкой она вошла в зал и сразу же за одним из столиков увидела Илюшу. Он изучал меню. Зал потихоньку наполнялся посетителями. Из динамиков звучала приятная негромкая музыка, деликатно заглушающая обрывки разговоров. Ей нравилось это место. Очень такое... основательное. Как и сам хозяин.

– Привет, – сказала Дуня, присаживаясь рядом с Ильей.

– Привет, – он оторвал взгляд от довольно увесистой папки и улыбнулся.

– Ты давно меня ждешь?

– Десять дней.

– Это срок, – согласилась она. – И как жизнь в столице за эти дни? Что говорят?

– Говорят, что сегодня лучшие ужины подают в «Тине».

– Вот как? И что же в этот лучший ужин входит?

– Смотри, здесь есть хорошая рыба. Судак. Царская. Как насчет судака?

– Судак? – переспросила Дуняша. – Знаешь... не хочу судака. А есть здесь блины?

– Конечно, есть.

– Тогда блины с икрой и... коньяк.

Илья захлопнул меню и внимательно посмотрел на Дуню.

– Все в порядке?

– Конечно, – улыбнулась она. – А что такое?

– Просто... ты никогда не заказывала коньяк.

– А сегодня вдруг захотела, – пожала она плечами. – И вообще, знаешь, я только что была на встрече с владельцем этого заведения, есть вероятность получить классный заказ. Разве это не повод заказать коньяка?

– Повод, – согласился Илья. – Но не повод отказаться от рыбы.

К ним подошел официант, чтобы принять заказ, а потом он зажег свечу, стоявшую на столике, и поправил в маленькой вазе веточку белой хризантемы, похожей на ромашку.

Это был очень хороший вечер, очень вкусный ужин и возвращение в привычную жизнь. Где все знакомо, все удобно и предсказуемо. Надежно.

– Все же ты зря отказалась от рыбы. Она здесь очень вкусная.

– Не вкуснее моих блинов.

* * *

Он проводил взглядом ее фигуру, скрывшуюся за дверью.

– Ну, Тобольцев...

– Молчи!

– Что, даже фамилию твою нельзя произносить?

– Фамилию – можно, – Иван принялся раздраженно подбирать бумаги с пола.

– Тобольцев – ты такой... Тобольцев. И, по-моему, тебе полный... Тобольцев.

– Тихий, ты же деловой человек, тебе нечем заняться?!

– Есть чем. А ну-ка стой, – Тин протянул руку. – Дай мне эту бумажку. Отлично! А мы эту фактуру со Светланой Вячеславовной второй день ищем.

* * *

Инцидент исчерпан. Хотя то же самое Иван сказал себе утром, хлопнув дверью красной Audi TT. А инцидент вернулся. Видимо, не исчерпался все-таки.

Кто бы сказал Тобольцеву, что бывают такие совпадения, – он бы покрутил у виска. Что ты встретишь случайно человека за семьсот километров от Москвы. А спустя три дня снова увидишь его – в кабинете лучшего друга. Однако, тенденция.

Но теперь-то ты точно исчерпался, инцидент под названием «Евдокия Лопухина»? Или третий раз будет? На самом деле, видимо, для этого они и встретились. Потому что врать нехорошо. Так ему с детства внушали. И действительно вышло некрасиво. Может, и к лучшему, что они встретились. И что Тин со своей знаменитой слоновьей грациозностью спалил его вранье. И что у Ивана хватило духу извиниться. Только вот уронил он Дульсинею зря. Всесторонне зря.

Сплетение служебных помещений в «Тине» было Ивану как родное. Освободив, на радость владельцу, добрую половину сейфа и попрощавшись с Тихоном, Иван направился на выход. И только на середине общего зала будто споткнулся. И резко свернул налево, к бару. Он же с Лехой Лещинским не поздоровался еще.

Бармен приветственно улыбнулся и помахал рукой, но пока был занят обслуживанием других клиентов. Иван привалил рюкзак к стойке и устроился на свободном табурете. Оперся локтями о темную полированную поверхность и все-таки обернулся. В полкорпуса. Чтобы не пилиться слишком уж явно.

Причиной его внезапного внимания к бармену «Тина» Леше Лещинскому по прозвищу Лещ стала пара, сидящая за два столика от барной стойки. Вот и третий раз. И ждать не пришлось.

Царица собственной персоной нынче трапезничает в «Тине». И не одна. Кто являлся ее спутником, догадаться было совсем несложно. Тот самый Илья. Именно Илья. Потому что на Илюшу мужчина, сидевший за одним столиком с Евдокией, никак не тянул. Только Илья, да еще и по батюшке.

Лет тридцать пять примерно. А может, и больше. Лицо было моложавым, холеным и по-мужски красивым. Но поза, мимика, жесты, костюм, золотые часы на запястье – все говорило о зрелости и солидности. Иван редко ошибался в такого рода оценках. И сейчас автоматически выщелкивалось – словно перед ним лежало досье на Илью Батьковича. Топ-менеджер. Нет, скорее всего, владелец своего дела. Мерседес. Белый. Двухъярусная квартира. Играет в теннис. Катается на горных лыжах. Два высших.

Тобольцева отвлек стук, и он обернулся, еще успев увидеть, как Дульсинея улыбается своему спутнику. Да что б такому не улыбаться? Такому поулыбаться очередь похлеще, чем в Мавзолей.

Перед Иваном стояла кружка с темным пивом.

– Я же вроде не заказывал, – через стойку протянул Лещу руку.

– Выглядишь так, будто тебе это надо.

Иван не стал спорить и пригубил «Великопоповицкое темное». Нынче в «Тине» на козлов богато.

* * *

Телефонный звонок настиг его уже на выходе из ресторана. Иван кивнул Никодиму и достал телефон.

– Ванечка, ты про меня не забыл?

– Ну что ты, куколка моя. Уже еду. Весь такой в цветах и мартини. Ну, попробуй, подогрей меня. Давай, жди, скоро буду.

Пиликнул мессенджер. Продекларированное селфи было вполне себе «разогревательным». Если бы не цвет весьма откровенного белья. Голубое кружево. Как сговорились.

Тобольцев перевел взгляд на аптеку по диагонали через дорогу от ресторана. Да, точно. Мартини и цветы, он же пообещал. Но сначала – презервативы.

Четвертое ЕЕ правило: «Делай что должно, и будь что будет».

Глава 5

Пятое ЕГО правило: «Не трогай мои вещи!»

Яркий солнечный свет пробивался сквозь задернутые шторы. В мае рассветает рано. Дуня открыла глаза и сладко потянулась. Рядом пошевелился Илюша.

«Время! – тут же мелькнуло в голове. – Сколько времени?»

Резко села.

– Успокойся, – словно прочитав ее мысли, пробормотал Илья. – Еще восемь.

Дуня снова откинулась на подушки и закрыла глаза. Все же хорошо, когда можно не приходить на работу вовремя.

Ужин накануне прошел чудесно, Илюша сказал, что достал билеты на какое-то пока неизвестное дарование, планирующее выступить на Рублевке в «Барвиха Luxury Village». Юный пианист, в раскрутку которого вливаются огромные деньги, скоро выпустит свой первый альбом.

– Он исполнитель или композитор? – поинтересовалась Дуняша, уже садясь в машину.

– И то и другое, – Илья занял водительское сиденье и потянулся к Дуняше, чтобы наконец ее поцеловать.

Он не любил прилюдных демонстраций страсти, никогда не целовался в общественных местах, не обнимал показательно, сидя в общей компании. Зато был безупречен в манерах. Всегда открывал двери, помогал надеть плащ или пальто, поддерживал за локоть и, если хотел телесного контакта, брал за руку.

Он был так воспитан. Наверное, где-то в глубине души Дуне хотелось, чтобы порой пробилось наружу нечто спонтанное и неправильное, чтобы можно было остановиться посреди улицы и, обнявшись, дотронуться губами до губ, но...

Но, как известно, от добра добра не ищут, и она принимала Илюшу таким, какой он есть, благодарная за его внимательность, заботу и вообще, по большому счету, – слаженную дружную жизнь. Жизнь, которая однажды доведет до хорошего и слаженного же брака.

И так хорошо было нежиться на мягких шелковых простынях! Особенно когда губы Ильи скользили по ее плечу.

– Что у нас на завтрак? – поинтересовался он.

– Яичница? – предположила Дуняша.

– Не угадала, – ее перевернули на спину.

– Неужели каша?

– Неа, – коснулись пальцами шеи.

– Бутерброд?

– Хм...

– Кажется, я догадалась, – пробормотала Дуняша, подставляя губы.

– Наконец-то...

И дальше всем стало не до разговоров.

Илюша был хорошим любовником и всегда точно знал, где и как сделать, чтобы услышать в ответ тот самый вздох женщины, возвещающий о получении ею удовольствия, настоящего, неподдельного. Он был заботливым любовником, поэтому Дуня всегда заканчивала первой. И вообще заканчивала всегда.

И то утро не стало исключением. После такого замечательного завтрака подниматься не хотелось совсем. Но время вышло.

– Я сварю кофе? Или ты будешь чай? – поинтересовалась Дуняша. – На десерт после завтрака.

Илья хмыкнул.

– Кофе. Там еще Елена Дмитриевна должна была закупить еду. Посмотри.

– Хорошо.

Елена Дмитриевна – домработница Ильи, которая трижды в неделю приходила убираться, делать закупку продуктов и, если надо, готовить ужин.

Дуне нравилась полутьма спальни с яркой полосой утреннего солнечного света через неплотно прикрытые шторы. И если бы был выходной день... но... Она села на кровати. И на несколько секунд зажмурилась, потому что уже вставший Илья резко раздвинул шторы. Его день начался. Ее, видимо, тоже.

– Откуда у тебя синяк?

– Что?

Илюша стоял у окна и внимательно смотрел на обнаженную Дунину спину.

– У тебя синяк на пояснице. Откуда?

Она дотронулась ладонью до того места, где побаливало, и слегка нажала, поморщившись. Точно, синяк. Перед глазами на мгновение всплыло лицо автостопщика.

«Теперь я тебя уронил...»

Да уж, уронил...

– Это я упала вчера неудачно – стукнулась о ребро стола.

– Как же так можно упасть? – Илья не сводил глаз с синяка.

– Оказалось, можно, – вздохнула Дуняша и, встав, натянула на себя короткий шелковый халатик.

– Дай посмотрю.

– Не беспокойся, мне почти не больно, правда. Все пройдет через несколько дней.

И, не дождавшись, пока он что-нибудь скажет, Дуня направилась на кухню. Босиком. Хотя легкие домашние тапочки на аккуратной танкетке стояли у кровати.

Вообще в квартире Илюши было много ее вещей: белье, крема, одежда. Потому что ночевала Дуняша здесь довольно часто. Гораздо чаще, чем он у нее. Илюша не любил проводить время на пятом этаже типовой многоэтажки и, намекая на маленькие размеры Дуняшиной квартиры, называл ее жилплощадь «домиком для куклы». Дуня в ответ лишь пожимала плечами, втайне гордясь своей собственной заработанной и обустроенной квартирой. Да, не как у Ильи – просторные двухуровневые апартаменты с панорамным видом из окна, но все же достижение.

Они познакомились около двух лет назад на большой международной строительной выставке. Он – владелец строительной фирмы, она – дизайнер интерьеров. Оба – в поисках выгодных контрактов. В тот же день оказались в общей компании за бизнес-ланчем и по достоинству оценили друг друга. Их роман начался ровно, даже закономерно, и продолжался до сих пор.

Илья немного иронично следил за маленькими победами Дуняши – полным погашением долга по ипотеке и выплатами за автокредит, пару раз заводя разговор о том, что без проблем даст денег для досрочного завершения договора. Но Дуне было важно самой, поэтому она мягко отклонила щедрое предложение, а он лишь пожал плечами все с той же легкой ироничной улыбкой.

Ему было не понять. Для него многое было мелочами. Наверное, потому, что жил Илья в совершенно другом мире. Отец – владелец крупного строительного бизнеса, и как следствие – сын закончил соответствующий профильный вуз, потом прошел обучение бизнесу за границей, владея двумя иностранными языками в совершенстве, и стажировался там же. По возвращении – дочерняя фирма отца в подарок. В качестве тренажера. Пока основной руководил

отец. Тренажер оказался успешным. Илюша отлично умел зарабатывать деньги. И смотрел на Дунины жизненные достижения, как взрослые люди смотрят на детские игры. Снисходительно. Он мог бы купить ей и квартиру, и машину, но... пожалуй, уважал решения Дуни. Ценил ее талант дизайнера, вкус, ум и чувство юмора.

Елена Дмитриевна сделала щедрую закупку продуктов. Открыв холодильник, Дуня вынула два йогурта, сливочное масло и сыр. Достала из ящика длинный французский багет с хрустящей корочкой, нарезала кусочками и принялась за приготовление кофе. Умопомрачительный аромат молотых зерен вскоре наполнил собой все пространство.

Из большого окна раскинулся потрясающий вид на ленту Москвы-реки.

– У тебя есть время съездить со мной на объект? – спросил Илья, входя на кухню.

– Который ты хочешь выиграть? – Дуня закончила накрывать завтрак, поставив на стол два стакана со свежавыжатым соком.

– Да.

– Конечно, поедem. Давай сразу из дома, а потом ты отвезешь меня в офис.

– Договорились.

Волосы Ильи были влажными после душа, и она, подойдя, смахнула пальцами несколько капелек.

– С тобой приятно иметь дело.

– С тобой тоже, – ответил он, целуя ее в нос. – Я соскучился по твоему кофе.

Как Дуня и предполагала, идея с переносом стоянки была вполне жизнеспособной. Но для того, чтобы внести предложение официально, следовало сделать необходимые замеры, поэтому Илья, стоя на площадке, быстро распорядился по телефону о приезде рабочих, а сам повез Дуняшу к офису фирмы «Дизайн Идея».

* * *

– Ваня... Ваня... – и совсем с придыханием: – Ванечка-а-а...

Вот тебе и поспал. Иван ловко увернулся от настойчивых женских пальцев и сел.

– Сначала горячий завтрак! А потом утренний секс.

Девушка тоже села – на пятки. И надула губки.

– Я думала, ты соскучился!

– Вчера соскучился – два раза. А сегодня – уже проголодался. Разницу чувствуешь?

– Ну Ва-а-аня...

– Я за Ваню. Сначала ты меня кормишь, потом я тебя трахаю. Все честно. Давай, – легко потрепал ее по светлым волосам. – Горячий плотный завтрак – как я люблю. А потом горячий плотный секс – как любишь ты. Я в душ.

Блондинка со вздохом встала и двинулась к выходу из комнаты. Он смотрел ей вслед. Почему-то его подружки предпочитали ходить дома в коротких сексуальных шортиках и облегающих маечках. Была одна, которая любила кимоно. А вот пеньюары не носил никто. До Дульсиinei. Она и тут не как все. И «ауди» у нее на механике, и яблони ей подавай, и торт «Ленинградский», и порядочности и честности – на десяток хватит. Так, а к чему, собственно, Иван ее вспомнил?

– Ваня! – уже в дверях окликнула девушка. – Кто такая Дульсинея?

В общем, Тобольцев позорно вздрогнул. От неожиданности.

– Героиня романа про Дон Кихота. А к чему ты ее, собственно, вспомнила?

– Ты вчера перед тем, как заснуть, бормотал что-то про Дульсинею. И еще про каких-то Росинатов, что ли...

– Росинант. Это конь Дон Кихота, – Тобольцев уже совсем пришел в себя. – Книгу недавно перечитывал в дороге.

Его собеседница кивнула и выдвинулась-таки на кухню. А Иван уставился в потолок. Вон оно как. Как в таких странных и непонятных ситуациях говорила Антонина Марковна, сдвигая очки на кончик носа: «Интересно девки пляшут – по четыре штуки в ряд». Не то слово, как интересно. Хорошо, что уже после. А не во время.

За горячий и плотный завтрак Тобольцев рассчитался сполна. И пообещал непременно перезвонить в ближайшее время. И перезвонит – почему бы и нет? Как только дела разгробет. А их куча.

* * *

В офисе Дуня надолго не задержалась. Потому что вчерашняя встреча с Тихоном Тихим. И новый заказ. Очень интересный. Очень важный. Очень ответственный. Который необходимо начать обдумывать уже сейчас. Искать идею. Нашупать нужную. Беспроегрышную. А для этого надо не сидеть за столом, перебирая бумажки, – для такого сидения время еще придет, а размышлять.

Быстро обсудив срочные вопросы с бухгалтером, дав несколько указаний Оле-блондинке и выслушав доклад Паши по поводу плитки и фото (фото заказчику пришлось по душе, а плитку надо искать другую), Дуня захватила с собой планшет и покинула офис.

Коко радостно подмигнула, почувствовав снятие с сигнализации.

– Ну что, проедемся по ресторанам? – пробормотала Евдокия Романовна Лопухина, вырливая с офисной стоянки на дорогу.

Встреча со зрителями назначена на послезавтра, но неплохо было бы к ней подготовиться. Конечно, в служебные и подвальные помещения Дуню не пустят, но поглядеть хотя бы на зал обслуживания, прикинуть примерную площадь, оценить расположение окон тоже неплохо. Для старта. У Тихого было три ресторана. Тот, где она ужинала вчера, останется в первозданном виде – это ясно. Работать придется с одним из оставшихся двух. С каким именно, станет известно совсем скоро. Тем не менее посещение и изучение всех может стать отправной точкой в поиске идеи.

Ей понравились оба. Достаточно просторные. Светлые. Отличительная черта – русская кухня и отличное обслуживание. В первом Дуня заказала чай и пирожки с яблоками. В порцию входило три штуки. Один она решила съесть, а два упаковать на вынос.

Неторопливо отпивая чай, Дуняша мысленно решала, как можно разделить это помещение на разные секции и в которой из них установить аэрохоккей. Раз уж таково было желание господина Тихого. С хоккеем не складывалось, хоть убей. Был, конечно, вариант, но спорный... И в это время позвонил телефон.

– Привет.

– Привет.

– Что делаешь?

– Сажу в ресторане у Тихого и пытаюсь понять, куда можно впахнуть аэрохоккей.

В трубке послышался смех Илюши.

– А что, нынче в ресторанах модно играть в хоккей?

– Видимо, скоро будет модно.

– С трудом представляю себе вчерашнее место с хоккеем.

– Это потому что тебе не хватает образности мысли.

– За это у нас, как известно, отвечаешь ты. Дунь, я хотел сказать, что сегодня вечером занят. Отец утром прилетел из командировки, меня ждут на ужин.

– Ясно.

- Семейные дела, в общем.
- Я поняла. Конечно.

Она и правда понимала. И легко могла представить себе такие ужины – степенные, неторопливые, за которыми обсуждаются дела и вопросы семейного бизнеса. Ужины не для чужих ушей. Дуня была знакома с родителями Ильи и даже пару раз приглашалась в их дом, что по Рублевскому шоссе. И даже была... одобрена. «Умненькая, воспитанная, неизбалованная». Была одобрена, но... не освоилась. Внутренне не освоилась. Дуню не ослепила жизнь, в которую ее впустили на воскресный обед. Эта жизнь была ей чужой, поэтому все два раза она с чувством облегчения покидала великолепный дом за высоким забором и возвращалась в Москву. В квартиру Ильи, где все... проще.

- Я тебе завтра позвоню. Кстати, по замерам вроде все получается.
- Здорово. И хорошего вечера с родителями.
- Спасибо. Целую.
- И я целую.

До второго ресторана Дуня добиралась долго, почти час. Центр был забит машинами. Впрочем, пробки ей не доставляли неудобств, потому что думать было можно и в салоне автомобиля. Вчера за ужином и сегодня за чаем Дуня обратила внимание не только на убранство зала, но и на оформление папок с меню, сам перечень блюд, одежду официантов, сервировку стола... И мысль понеслась. Понеслась-понеслась... ухватить бы! Самую суть. Русская кухня... бюджетный вариант... игровая зона...

Сзади кто-то нетерпеливо сигнализировал. И правда, она проспала светофор. Уже зеленый, а Коко стоит на месте.

«Как бы прокомментировал такое упущение автостопщик?» – прорезался вдруг долго молчавший внутренний голос.

При чем тут автостопщик? Врун и еще раз – врун. К чему? Нет, встреча у Тихого, конечно, была неожиданной, можно даже сказать – бонусной. Сейчас популярно одаривать бонусами. Наверное, это был бонус к дорожному приключению с автостопом. А в приключения Дуня не попадала очень и очень давно. Считала, что несколько лет как выросла уже из этого возраста. Но оказалось... она сама не заметила, что стала улыбаться, вспомнив подножку на автозаправке. Феерично получилось.

С этой улыбкой Дуняша и зашла в третий ресторан Тихона Тихого и, недолго думая, заказала уху (был уже третий час дня), чай, пирожки с грибами и ватрушку. Ватрушку она съест, а пирожки попросит упаковать с собой.

Все же забавная получилась дорога. Нет, если посмотреть с точки зрения Дуни, то ничего смешного, да еще синяк и разочарование на память, но если на все это посмотреть с точки зрения, скажем... сценариста, то можно снять целое кино.

В ожидании заказа Дуня вынула из сумки планшет. Она собиралась внести в него заметки и наблюдения по поводу ресторанов, но вместо этого зашла в скайп и написала:

Дуня: Привет. Я возвратилась. Второй день в Москве. Как дела у тебя?

Ответ пришел меньше чем через минуту.

Катя: Гуляю. Твои крестники сведут меня с ума. Один спит в коляске, второго никак до дома не доведу на тихий час.

Дуня: Пишешь с телефона?)))

Катя: Ага. Могу попасть не на те кнопки. Как съездила?

Дуня: Съездила хорошо. Я тут... такое отколола.

Катя: Что?

Дуня: Я познакомилась с автостоппиком. Настоящим.

Катя: М-м-м... и как?

Дуня: Был похож на бомжа. И я довезла его до Москвы.

Пауза...

На том конце явно переваривали информацию. А Дуне как раз принесли уху. Вкусную.

Катя: И ты не побоялась посадить его в свою машину?

Дуня: Побоялась. Но у меня не было выхода. Колесо пробило на дороге, с двух сторон лес и никого.

Катя: А он откуда взялся?

Дуня: Из леса.

Катя: Прямо из леса?

Дуня: Да. Представляешь, я стою на обочине, а он из леса выходит. Колесо сменил.

Катя: А если бы маньяк? Ты с ума сошла?!

Дуня: Оказался фотографом.

Катя: Ну ты даешь... Кто в наше время сажает незнакомых мужиков в машину? А Илюша как на такое отреагировал?

Дуня: Я ему не сказала. Не будем портить человеку нервы))))))

Катя: Не будем)))) но я все равно под впечатлением.

Дуня: Я тоже. От себя))))

Катя: А от него?

Дуня: Ну, он... своеобразный. Но когда выбрит, даже ничего)))) и у него, ты не представляешь! У него...

Катя: Что?!

Дуня: Тату на полплеча!

Катя: Ни фига себе. А тату-то ты как увидела?!

Дуня: Ну... он вообще не стеснительный оказался.

Катя: Приставал???

Дуня: Нет)))) Просто наглый))))

Катя: Фух, а то я уже напугалась))))

Дуня: Да все хорошо. Он наглый, но воспитанный попался. Тортом в кафе угощал, когда на обед остановились))))

Катя:)))))))))))))))) про торт Илюше точно не надо рассказывать))))

Дуня: Это будет маленькая тайна))))

В тот день в офис Дуня так и не возвратилась. Нагруженная пирожками, она вошла в свою квартиру и предвкушала вечер на балконе наедине с компьютером. Пирожки с горячим чаем вполне себе могли заменить ужин, а Дуня боялась спугнуть мысль, которая еще неясно, смутно, но уже стала зарождаться в ее голове. Необходимо записать. Общим потоком, без структурирования. Пока. И погуглить кое-что.

Но планам не суждено было сбыться. Как только дверь за спиной захлопнулась, зазвонил телефон. Оля-блондинка.

– Да, слушаю.

– Евдокия Романовна, у нас тут небольшая проблема.

– Что случилось?

– Звонили из второго магазина. Привезли плитку. Надо смотреть, сами знаете, ретро у нас горит.

– Знаю. Так в чем проблема? Пусть Паша едет.

– В Паше и проблема. Не едет. Заперся у себя в кабинете на ключ и вообще не отвечает.

– Зараза?

– Она самая, – вздохнула Оля-блондинка на том конце. – Звонила. И вроде запретила видиться с Виталькой, а он планировал его в выходные на мультитк сводить.

– Ясно.

Заразой звали бывшую Пашину жену, которая гениально вышибала из него деньги, шантажируя сыном и считая, что эксмуж должен полностью обеспечивать не только ребенка, но и ее саму.

Пока длился разговор, Дуня дошла до своего балкона-кабинета, включила компьютер, затем обернулась... и ее взгляд упал на яблони, что стояли в уголке и терпеливо ждали решения своей участи.

– Оля, позвони в магазин, скажи, что завтра с утра приедем к ним за плиткой. И дай мне Пашу.

– Да я же говорю, Евдокия Романовна, заперся он!

– А ты очень громко постучи и скажи, что я просила срочно, в течение двух минут набрать мой номер.

– Будет сделано.

Оля отключилась. А Дуня вздохнула. Паша, Паша... вот кто тебя дернул жениться на такой нехорошей злой женщине? И ведь надо срочно придумать что-нибудь, чтобы знаменитая черная тоска гения не растянулась до конца недели.

Телефон зазвонил снова. Как видно, Паша все же решился возобновить связь с внешним миром.

– Евдокия Романовна, – начал он без предисловий. – Не поеду я смотреть эту плитку. Хоть режьте меня! Это же надо с клиентом договариваться, везти его в магазин, выслушивать кучу дилетантских вопросов, поддерживать вежливую беседу, улыбаться, блин! Я не могу, понимаете? Не могу! Не поеду! У меня обстоятельства! Вот.

Выслушав пламенную речь до конца, Дуня поинтересовалась:

– У тебя деньги есть?

– Е-есть, – не очень уверенно ответил Паша.

– Ты на машине?

– Н-нет. Я сегодня это... проспал, а на машине застрянешь в пробках. Я на метро.

– А кто из наших на машине?

– О-оля, наверное...

– Ты чего это заикаться стал?

– Я-я... не заикаюсь, я... думаю...

– Оля на машине наверное или точно?

– Точно. Я подошел к окну. Ее машина на стоянке.

– Вот и хорошо. Берешь Олю с машиной, едете в магазин. Покупаете лопату и лейку. Ты пионером был?

– Б-был...

– Деревья сажал?

– Не-е-ет...

– Это, Паша, большое упущение. Будешь учиться. В общем, с лопатой и лейкой дуετε ко мне домой. Понял?

– Не очень, но подую. С Олей?

– Вероятно, с ней. Кто за рулем-то будет сидеть?

Майский вечер был чудесным. Теплым. Детвора, которой уже совсем не хотелось учиться, гоняла мяч на детской площадке, молодые мамочки собрались у песочницы, в которой копошились малыши, и обсуждали свои мамины проблемы: что сказал участковый врач, какие памперсы лучше, как правильно выбрать обувь... А Паша усердно копал лунки для молодых яблонь. Дуня вынесла саженцы во двор, а потом ездила на лифте до квартиры и обратно с лейкой. Деревья посадили прямо под ее окнами. Жаль, конечно, что яблони не вырастают до пятого этажа. Их не увидишь, глядя перед собой в окно. Зато деревья будут встречать ее у подъезда.

После того как с посадкой закончили, Дуня пригласила всех к себе на чай. Разложила по случаю на кухне стол. Вообще, чтобы сэкономить место, стол у нее был – очень широкий подоконник. Это позволяло сидеть по утрам одной или с Илюшей, пить кофе и смотреть в окно – любоваться весной, летом, осенью, зимой... и это была идея Дуни. А вот сделать такой стол-подоконник раскладным, чтобы, в случае надобности, в кухне могли разместиться и гости, – это уже была лепта Паши в дизайне Дуниной квартиры. Все уютно разместились за столом, очень довольные проведенным вместе вечером. Кстати оказались и взятые из ресторанов Тихого пирожки.

– Ну надо же, – восторгалась Оля-блондинка. – Мне вот и в голову не пришло, что можно такие деревья около дома посадить. А ведь... ведь так же и малину можно, правда?

– Угу, – подтвердил Паша, уминая пирог с грибами. – Только ягод ты не увидишь.

– Почему это?

– Потому что их дети еще незрелыми все съедят.

– Это правда, – улыбнулась Дуняша. – Думаю, с яблоками будет то же самое. Зато цветут они весной очень красиво.

– Нет, я все же уверена, что несколько яблок вполне возможно собрать, – упрямо заявила Оля.

– Посмотрим, – сказала Дуняша и повернулась к гению дизайнера. – Паш, а ты не хочешь заключить со своей... бывшей договор?

Паша не ожидал такого резкого поворота в разговоре и чуть не подавился остатком пирожка.

– К-какой договор?

– В котором был бы указан график общения ребенка с отцом. Договор, составленный юристом, с правами и обязанностями, подписанный сторонами, все как полагается.

– Ух ты! – Оля едва не захлопала в ладоши. – Надо обязательно составить такой договор!

– Да вы что... – вяло проговорил Паша. – Да она никогда на такое не пойдет. Это же...

– Ну, ты подумай, – негромко сказала Дуня, подливая в чашки чай. – Ты же ей деньги отдаешь наличностью, и получается, что учета поступлений средств нет, а нервы тебе мотают изрядно, шантажируя Виталиком. В договоре же можно четко прописать сумму ежемесячных платежей, переводить которые ты будешь безналичным путем через банк, чтобы ни одно судебное разбирательство в случае чего не могло прикопаться. Такой... очень умный договор. И тогда, с какой бы ноги твоя дорогая ни встала, есть дни, которые, согласно документу, принадлежат тебе. На правах отца.

Паша долго молчал, вертел в руках чашку, а потом все же сказал:

– Не, ей это невыгодно, она на такое не пойдет... но... я бы хотел посмотреть на образцы этих договоров...

Когда гости уехали, было уже поздно. В том числе и работать. Дуня спешно записала пару основных тезисов своей идеи на листе бумаги, включила телевизор и стала мыть посуду.

Она очень редко смотрела ТВ, скорее оно служило фоном для работы на кухне. Телевизор бубнил что-то, и вроде как веселее спорились домашние дела.

Тарелки мылись под ток-шоу, в котором обсуждался богатый жених новой поп-дивы. Это было неинтересно, поэтому Дуня переключила канал. Чашки мылись под криминальную хронику. Ведущая сообщила о том, что наша доблестная полиция взяла под стражу одного очень серьезного криминального авторитета, занимавшегося печатью фальшивых денег. Дуня взглянула на экран и подумала, что с такими гусарскими, словно подкрученными вверх усами давно уже никто не ходит. Только этот авторитет, видимо. Но подделка банкнот ее мало интересовала, поэтому ложки она мыла уже под какой-то душещипательный отечественный сериал. Но после того как героиня, отчаянно хлопая накладными ресницами, призналась в любви герою, который бросил ее с ребенком семь лет назад, решительно выключила телевизор и отправилась в ванную. Готовиться ко сну.

* * *

Встреча с Филом Лебедевым прошла весьма плодотворно. Шутки и стеб друг над другом – это все, конечно, мило и весело, но, кроме этого, Фил являл собой бесценный источник информации о том, что творилось в фотосреде Москвы. Кто и на чем занят, где какие выставки, новые проекты, школы, в общем – полная осведомленность. За два часа Иван узнал то, что ему нужно. И даже то, что знать бы не хотел. Но Фил говорил все время, пока не ел. А с учетом того, что за своей фигурой Лебедев следил тщательно, слушать его было – не переслушать. Но Тобольцеву надо было восполнить пробелы в информации, поэтому покорно слушал все подряд. В потоке слов Фила Ваня даже вычленил себе кое-что важное и пометил позвонить кое-кому. А почему бы и нет? Сегодня же. В конце концов, для того чтобы довести до ума автостоппный проект, надо не так уж много времени. А если сумеет вписаться в очередную «Красу чего-то там» – будет кстати очень. Эту работу Тобольцев может делать с закрытыми глазами, оплачивается она вполне прилично, да и обстановка вдохновляющая: длинноногие участницы конкурса красоты – это вам не пузатые потные дальнбойщики.

До фотоматериала он так и не добрался в тот день – встречи, звонки, беготня. Лишь на следующий сел разгребать – но сел с самого утра, героически поставив будильник на девять. Солнце грело левую руку и чашку с кофе, палец правой крутил колесо мышки. И замер вдруг. Так, стоп. Это что такое? Этого Иван точно не снимал.

Дата фотографии безошибочно ответила на вопрос, откуда взялись кадры какого-то витража и двух мужиков среди других его фото. И Тобольцев вскипел. Так, что кофе в кружке мог показаться холодным.

ОНА. ТРОГАЛА. ЕГО. ФОТОАППАРАТ.

Тобольцева как только не называли. Психопатом. Параноиком. Придурком. Ему было все равно. Он категорически, до трясушки просто не выносил, когда трогали его вещи! Нет, не все, разумеется. А только камеры, объективы, карты памяти и все, что связано с его любимым делом. Поэтому... поэтому сейчас Иван серьезным усилием воли заставил себя отложить телефон, за который схватился.

Нет, не надо ей звонить. Не сейчас. Сейчас он в состоянии только орать – причем максимально нечленораздельно. Тобольцев резко встал на ноги – негативные эмоции не давали сидеть на месте. Выскочил на балкон. Если бы он курил – сейчас было бы проще. Но курить Иван бросил. В двадцать пять. В пятнадцать начал – как и все в этом возрасте, исключительно с целью казаться взрослее и круче. А в двадцать пять бросил – потому что дышалки стало не хватать на тот образ жизни, который он привык вести. И если выбирать между затяжкой сигаретой и марш-броском вверх по горе с фотокамерой наперевес в погоне за ценным кадром – выбор для Тобольцева был очевиден. Хотя сейчас за какой-нибудь экземпляр из числа тех, что оставил ему на память о себе сосед с первого этажа Александр Борисович, Иван бы много отдал. Пока прочистишь, продуеть, набьешь, раскуришь – глядишь, и успокоишь нервишки.

Иван неожиданно хмыкнул. На балконе дома напротив загорала топлесс молоденькая девушка. Заметила его и помахала рукой. Он помахал ей в ответ и еще полюбовался немного. И злость как-то поутихла. А на ее дне ворочалось мрачное удовлетворение тем фактом, что теперь у Тобольцева более чем весомый повод позвонить царице. Тебе ведь нужны эти фото, о Дульсиней? Дорого придется заплатить за то, что воспользовалась без особого разрешения камерой Ивана Тобольцева.

В общем, Иван Дульсиней позвонит. Только остынет. Окончательно и совсем остынет эмоциями. Чтобы не орать. А то он и без таких вопиющих фактов в ее присутствии ведет себя, будто ему пятнадцать. И эта ее вечно невозмутимо приподнятая бровь. Ироничная полуулыбка. И настоящая боль в глазах. Когда Дуня поняла, что он соврал. И когда ударилась спиной. Похоже, оба раза Иван попал в больное. Жаль. Совестно. Ну да ладно. Он же извинился. А она сказала, что приняла его извинения. Счет сравнялся. Пора открывать новый. Никогда не вставайте между фотографом и его камерой.

– Десять... девять... восемь... семь... – из комнаты обратным отсчетом подал голос телефон. И, дойдя до единицы, взорвался утробным стартовым ревом. Иван вернулся в комнату. На экране телефона, лежащего на столе, красовалось ухмыляющееся лицо Ростислава Ракитянского. Он же Рося-Космонавт, он же Ракета.

– Здорово, Ракета.

– Привет, Вантуз.

– Слава, тебе не надоел еще этот нездоровый инфантилизм? – поморщился Тобольцев своему детскому прозвищу.

– Можно подумать, инфантилизм бывает здоровый! – бодро отозвался Ростислав. – Ванечка, ты почему меня игнорируешь? Разлюбил? Тихого потискал, а меня?

– Слава, я вчера обедал с Лебедевым, так что не напоминай мне про «потискал», – рассмеялся Иван.

– Посмотрите на него! – возмутился Ракитянский. – Вот со своими заднеприводными друзьями он первым делом бежит встречаться. А я... а меня... – Рося картинно вздохнул. – В общем, в шесть у Тина.

– Ого, Тиныча отпустили порезвиться с друзьями?

– Тиныча выперли из дома, – хохотнул Рося. – Варвара Глебовна периодически практикует такое. Ибо он ее даже в двухэтажном коттедже задалбывать умудряется. Так что на сегодняшний вечер нам Тихого выдали на поругание. Велено только тушку в целости вернуть до двенадцати. А то превратят в тыкву. И не тушку, а нас.

– Могут? – настроение решительно выправилось, и Тобольцев поймал себя на том, что широко улыбается.

– Варвара Глебовна все могут-с. Ну, придешь?

– Спрашиваешь! Конечно, приду.

Ростислав Игоревич, инициировав дружеские посиделки, сам наглым образом на них опаздывал. Впрочем, Тину с Ваней и без третьего было о чем переговорить. О поездке Иван не стал рассказывать – чтобы не повторяться, когда придет Слава. Вместо этого речь пошла о реконструкции ресторана.

– Тебе как идея вообще? – допытывался Тихон, убирая пиджак в шкаф и закатывая рукава рубашки. – Одобряешь?

– Тин, ты же знаешь, я в этом ни хрена не понимаю, – поморщился Иван. – Тебе виднее. Это ты у нас бизнесмен, у тебя чуйка, хватка и нюх. Дизайнера вон какого хорошего нашел.

Только что осознанное намерение каким-то образом поспособствовать возможному сотрудничеству Дуни и Тина было весьма неожиданным. Но Дульсиней было важно получить

работу по реконструкции ресторана Тихого – это явно читалось на встрече втроем пару дней назад. И теперь почему-то стало важным и для Ивана тоже.

– Угу, – зевнул Тин. – Толковая вроде. Ты ее откуда знаешь?

– Да так... – правду говорить не хотелось. – На выставке одной познакомились.

– Ага, – кивнул Тин. Поверил или сделал вид, что поверил. – Слушай, Ваня... – побарабанил пальцами по столу. – Мне тут предложили репортаж в одно уважаемое издание тиснуть. Про меня такого распрекрасного и «ТинЪ».

– Это здорово! – искренне обрадовался Тобольцев.

– Любой каприз за ваши деньги, – фыркнул Тихон. – Это такая завуалированная реклама, считай. Но там издание красивое, глянцевое, хорошая полиграфия, картинки разные...

– Тебе фотографии нужны? – быстро сообразил Иван.

– Угу. Они свои услуги предложили, конечно. Но я как-то тебе больше доверяю, Ванечка. Да и к тому же, – ухмыльнулся Тин, – они заломили совсем не демократичный ценник. А ты же в курсе, я жадный.

– Ты-то? Жуткий скряга, – усмехнулся Ваня. – А мне платить не надо, я тебе за тарелку супа все сделаю.

– Тобольцев, перестань! – Тин перестал улыбаться. – Я твои услуги оплачу! Просто ты же понимаешь, что когда без посредников – выгоднее всем: и покупателю, и поставщику. Так что...

– Тихий, перестань! – передразнил его Иван. – Денег с тебя не возьму, и ты это прекрасно знаешь. Даже не спорь со мной! И не сомневайся, все сделаю в лучшем виде.

– Да я не сомневаюсь, – немного смущенно хмыкнул Тин. – Я тебе так скажу, Иван Иванович. Вот поэтому у тебя до сих пор ни кола ни двора! Я вообще изумляюсь, Ваня, куда ты все деньги, которые зарабатываешь, деваешь? Может, у тебя есть тайная страсть?

– Угу, – привычно отшутился Тобольцев. – Коллекционирую редкие бонсаи. И раритетные издания Сервантеса.

Когда друзья узнали, сколько стоят услуги фотографа Ивана Тобольцева, имеющего в столичной фототусе прозвище Тобол, их изумлению не было предела. И они на диво слаженным дуэтом задали этот же самый вопрос: «Ваня, куда ты деваешь деньги?!»

Да если бы Иван знал.

Они все время куда-то девались. Нет, Ивану на жизнь хватало. Хватало на камеры, объективы и прочие прибабасы. Одно время хотел свою студию и даже начал копить деньги на это дело, но перегорел. Не сейчас. Позже. И поэтому деньги у него постоянно утекали куда-то сквозь пальцы. Он легко давал в долг, и ему не всегда эти долги отдавали. Без вопросов оплачивал все, о чем просили из Коломны, – ремонт, сигнализация, новая бытовая техника. Роскошный мраморный обелиск на могилу деда. Два года назад матери в Израиле сделали полный рот новых красивых зубов. После всей этой эпопеи Ида Ивановна даже всплакнула, а Иван все никак не мог понять – как можно из-за фарфоровых зубов плакать. Хотя в эти зубы ухнули деньги с двух проектов. Да и не жалко. На мать не жалко. И на какие-то дорожные лекарства и тестеры для бабули – у нее пять лет назад диагностировали диабет.

В общем, деньги куда-то девались. Все время. Такое у них свойство, очевидно. Впрочем, Тобольцев самоуверенно полагал, что, когда понадобится, он сможет взять этот процесс под контроль. А пока ему жилось прекрасно и так. Без обременений себя, любимого, скучными и неинтересными вопросами о том, куда деваются деньги. Главное, что он умеет их добывать. Вполне себе умеет – без унижений себя и в полное свое удовольствие.

Размышления Ивана прервала резко распахнувшаяся дверь. Ракета явилась – собственной персоной.

– Не вели казнить, вели миловать, – обменявшись рукопожатиями с друзьями, высокий широкоплечий шатен рухнул в кресло и резко потянул в сторону галстук. – Заездили Ракету просто в хлам.

– Да ты такой прямо весь деловой-ездовой в последнее время, что я забывать стал, как твоя морда наглая выглядит, – отозвался Тин.

– У тебя какие-то юридические проблемы? – Рося оставил галстук в покое.

– Если бы были проблемы, ты бы о них знал, – ровно ответил Тихон. – Они у нас, как-никак, общие. Как и многое другое.

– Ну вот и радуйся, что я тебе не надоедаю, – Ракитянский наконец-то сунул галантерейное изделие в карман.

– Какая деликатность. Не понимаю просто, откуда у тебя такая гора срочных дел взялась, – все так же ровно проговорил Тихон.

– Ой, да бывает так – то пусто, то густо! – беспечно отозвался Рося. – Ну, хозяин, чем потчевать будешь? Тут обоснуемся?

– Сейчас прямо! – фыркнул Тин. – От вас потом крошки в документах и куриные кости между подушками дивана. Пошли, там уже накрыто в отдельном.

Только тут Иван понял, что минуту назад Тихон и Ростислав говорили как-то иначе. Что-то натянутое то ли звенело, то ли гудело между ними. В предыдущую встречу друзей, до автостопной поездки Тобольцева, этого не было.

* * *

– Слушай, Тин, – Иван воспользовался отлучкой Роси в туалет. – Что у вас случилось? Что-то не поделили? Или у Славки проблемы?

– С Ракетой у нас давно все поделено, – серьезно ответил Тихон. – А у Славки что-то происходит, явно. Только он не сознается. Дерганный какой-то стал. Нервный. Спрашиваю – ржет, отшучивается, дурака включает. Но он в последнюю пару месяцев весь... напружиненный. Как на взводе. Не знаю, как его раскрутить на откровенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.